ИМПЕРИЯ-RU

Игорь ШУМЕЙКО

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ПЕРЕЗАГРУЗКА

Москва
«Вече»
2007

ББК 66.3(2Рос)6
Ш96

Автор выражает признательность за содействие
в подготовке этой книги
Фонду «Наследие Митрополита Питирима»,
его думающим и деятельным сотрудникам,
и прежде всего
Председателю правления Фонда, ректору МИИТа
Борису Алексеевичу Лёвину,
Генеральному директору Фонда, доктору военных наук,
профессору Виктору Павловичу Егорову,
академику Леониду Григорьевичу Ивашову,
а также моему сыну, Федору Игоревичу Шумейко,
за сбор архивных и справочных материалов.

Шумейко И.
Ш96 Вторая мировая. Перезагрузка / Игорь Шумейко — М.: Вече, 2007. — 352 с. — (**Империя.RU**).

ISBN 5-9533-1797-2
ISBN 978-5-9533-1797-9

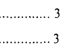
Совершенно неполиткорректные рассуждения о Европарламенте и контурах Объединенной Гитлером Европы; о том, как «нейтралы» и невинно-побежденные работали на Третий рейх; о правах, которые рождены Большой Войной, и о ее зачинщиках, а также о пользе резунов, буковских и свиней, разыскивающих грюфеля.

Книга рекомендована как руководство для PR-отдела корпорации «Российская Федерация».

ББК 66.3(2Рос)6

ISBN 5-9533-1797-2
ISBN 978-5-9533-1797-9

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

Сознаюсь читателю, что первые страницы книги вызвали определенное недоверие. Мне, генералу и доктору исторических наук, довелось ох как много перечитать о прошедшей мировой войне. Здесь и многотомные истории войны, и монографические исследования, причем как наших, так и зарубежных авторов, и подлинные документы той эпохи, и мемуары военачальников, политиков, дипломатов, и пр., и пр. Да и моя собственная кандидатская диссертация — тоже о ней, хоть и с военно-техническим уклоном.

А тут вдруг — то ли пространный памфлет, то ли эссе, то ли большой фельетон. В общем, совершенно не военно-литературный жанр. Но мало-помалу возникало желание читать дальше, а потом, «проглотив» книгу, испытал разочарование от того, что прочитана последняя страница.

Как же автору удалось вызвать неподдельный интерес к событиям и фактам, казалось бы, многократно изъезженным и всесторонне описанным в тоннах исторической литературы? Суть — в новом ракурсе их прочтения, в новой оценке их значимости для хода и исхода войны. Автор, проникая внутрь события, вытаскивает наружу его сущность, скрытую под исторической пылью, и предъявляет читателю: нате, мол, смотрите, осмысливайте.

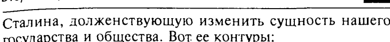
Так, он становится обвинителем Чехословакии, которую все историки и общественность мира считали жертвой, этаким беззащитным агнцем, отданным в результате мюнхенского сговора на растерзание германскому хищнику. Но ког-

да сравниваешь соотношение военных сил Германии и Чехословакии, размышляешь о военно-промышленном потенциале последней, об удивительно благоприятном для обороны характере местности, отчетливо понимаешь, что Бенеш и его правительство фактически добровольно капитулировали перед Гитлером. А далее Игорь Шумейко добавляет цитату У. Черчилля, которая дорисовывает картину: «И кроме того, в руки противника (немцев. — *Л.И.*) попали заводы «Шкода» — второй по значению арсенал Европы, который с августа 38-го по сентябрь 39-го выпустил столько же продукции, что и все английские заводы за этот же период».

И вот эта огромная «европейская мастерская» (заводы «Шкода» и «ЧКД») до Второй мировой и в течении всей войны исправно работала на вермахт без единой забастовки или диверсии. То есть чехи, по сути дела, воевали против СССР, а к 60-летию Победы объявили себя страной, оккупированной Советским Союзом, и разрушают символы освобождения Праги нашими войсками.

То же самое — и по прибалтам, полякам и другим «жертвам» советской «оккупации». Игорь Шумейко посредством глубокого анализа «мелочей» и частностей выводит читателя на понимание довольно крупных проблем, показывает истинное лицо действующих игроков Второй мировой... И связывает те, уже далекие события с современностью, убедительно показывая трансформацию взглядов, выводов и оценок военных событий. Пророческая фраза И.В. Сталина, сказанная им еще в 1945 году: «В этой войне мы потеряли самых лучших. И это еще непременно скажется», получает у автора развитие и приобретает современное звучание. Особенно на фоне нынешней сплошной властно-элитной бездарности, предательства и ненависти к СССР и к России.

Автор, вводя в оборот малоизвестные документы, изобличает не только нынешнюю антиэлиту, но и тех «не лучших», которые пришли к властному горнилу после Сталина и пытались очернить и его, и Победу, и народ. Например, я впервые увидел новую послевоенную программу

Сталина, долженствующую изменить сущность нашего государства и общества. Вот ее контуры:

— разрядка международной напряженности,
— гласность,
— ограниченная демократия, прежде всего в партии,
— улучшение жизни населения,
— децентрализация экономики.

Здесь же — подготовка отстранения слоя партноменклатуры от вмешательства во все сферы жизни общества, содействие инициативе и творчеству, повышение роли теоретических знаний («Без теории мы погибнем»).

Весьма интересна связь событий минувшей мировой войны на Балканах с современной ситуацией на просторах бывшей Югославии. Давайте подумаем над словами: «100-процентное совпадение симпатий и антипатий «объединенной (Гитлером) Европы» в 1941—1944 годах и «объединенной (Клинтоном) Европы» в 1992—1999 годах... У хорват и мусульман осудили дюжину полевых командиров, у сербов — все государство». Познакомившись с тем, как развивалась предвоенная и военная обстановка на Балканах, приходишь к следующему выводу: та война, которая велась против сербов в 1941—1944 годах, продолжилась в 90-е годы в чуть измененной конфигурации противостоящих сил. Союзники Гитлера — хорваты, албанцы, боснийцы — стали верными союзниками НАТО, а сам альянс — не что иное, как обновленная модель большого вермахта, нацеленного на славянский мир и Россию.

Свой труд Игорь Шумейко завершает удивительным обобщающим выводом: «И сегодня версия Большой войны (вне всяких пактов и временных рамок. — *Л.И.*) как бы возвращает «на линию фронта» некоторых участников, напоминая им, на какой именно стороне они действовали».

В общем, читатель найдет в этой книге много нового и интересного.

Генерал-полковник Л.Г. ИВАШОВ,
вице-президент Академии геополитических проблем

Глава 1

Зарождение Главной темы и некоторые тому Внешние поводы

По сложившейся традиции, в Европе широко празднуются годовщины (кратные десяти) — открытия Второго фронта. В 2004 году на 60-летие Россия была приглашена... Очень сложная гамма чувств вынуждает все же напомнить о коллизиях предыдущего юбилея, 50-летия. Тогда, в 1994-м, Россию не пригласили. СМИ захлестывала пена полемики. Франция, распорядитель торжеств, включая парад войск союзников, отвечала дипломатично и хитро: «Но ведь вы, русские, не высаживались в июне 44 года в Нормандии, не освобождали Париж». Наши кипятились: «Но общеизвестно, что в тот момент в России сражалось 80 % немецких частей, лучших по составу». Французы (европарламентарии, правозащитники и т.д.): «Но вы и сами, изгоняя немцев, устанавливали господство не лучше... опять же — Чехия, 68-й год... танки»...

Упрека я ожидаю примерно такого: «Какая же это сложная *гамма чувств?* — просто обида на французов, не позвавших тогда-то на парад».

Но все силлогизмы этой книги заострены отнюдь не только против французского лицемерия.

Взглянем на карту Европы в начале *решающего* периода той войны (июнь 1941 года). Все замазано, в букваль-

ном смысле, коричневой краской. И, главное, замазан, затушеван один принципиальный вопрос. Оттенок потемнее — *Германия и союзники:* Италия, Финляндия, Венгрия, Румыния, Болгария. Посветлее — *страны захваченные:* Франция, Польша, Чехословакия, Югославия, Греция. Непокоренный остров — Великобритания, и... розовый восточный океан — СССР.

Главные тезисы книги следующие:

1. Неравенство «равнозакрашенных» стран.

Один цвет Польши и Чехословакии — это ложь. Поляки — дрались, оставили немцам руины. Чехи передали всех себя в целости. Только заводы «Шкода» и «ЧКД» — почти удвоили мощность фашистского танкостроения! Факт наверняка малоизвестный: в тридцатые годы *первое место и 40 % мировой продажи оружия и военной техники* — принадлежало Чехии. Об этом подробнее в главе *«Главные «Мюнхены» чешской истории».*

Один цвет Франции и Югославии — тоже ложь. Дело не только во французской капитуляции, передавшей Гитлеру в трастовое (доверительное) управление весь военно-промышленный потенциал в целости. Это сегодня поощряется эдакое политкорректное, всех равняющее восприятие: *«Ну...Франция, Чехия, Греция, Венгрия — все одно, все — Европа!* Все в конкурсе "Евровидения" участвуют»!

Но во Второй мировой войне, на балансе «Объединенной (Гитлером) Европы»: Польша, Югославия — это были захваченные хутора (сгоревшие), а Чехия, Франция — промышленные мегаполисы, доставшиеся целиком.

2. В любой истории Второй мировой войны зафиксировано:

«... во всех оккупированных странах развернулось движение Сопротивления». То есть по многим политическим причинам важно было подчеркнуть, что *«все* народы поднялись...» Только, вы в курсе? Самое мощное по нанесенному Гитлеру урону Сопротивление — было в Германии... Об этом — в главе *«Измерение "Сопротивлений"».*

Советский Союз из этого «измерительного списка» мы исключим по двум причинам: а) не был «оккупированной страной» б) «замер» производится именно в странах, передавших Гитлеру свой потенциал «в трастовое управление» и как раз с целью сопоставления, сравнения: его, переданного потенциала — и соответствующего «Сопротивления».

То есть Красная и Черная капеллы, Свободная Франция, герой-летчик Сент-Экзюпери, Маленький Принц — все это красиво и бесспорно. Но, как пели в Первую мировую: *«на германской войне — только пушки в цене...»*, и на «Второй германской», получается, тоже. Мощь концернов, государственные потенциалы — и мощь любых, самых благородных организаций — вещи несопоставимые. Чешские и французские военно-промышленные комплексы, переданные фюреру — это из макромира, подпольщики — из микро.

3. О виновниках прихода Гитлера к власти. Об этом частично — в главе *«Адольф Гитлер как трастовый управляющий ЗАО «Европа»»*, и подробнее — в *«Спорах историков с Резуном»*, где предлагается и самый смешной из допустимо смешных для этого вопроса ответов.

Глава 2
Адольф Гитлер как трастовый управляющий ЗАО «Европа»

Соотношение сил в 1938 году (1582 самолета, 469 танков, 2 млн чел. — чехи; и 2500 самолетов, 720 танков, 2,2 млн чел. — немцы) позволяло Бенешу и безо всякой помощи (не полученной из Франции, отвергнутой из СССР) держаться месяца три. Это по оценкам — *до* ноября 1938-го, до присоединения Чехословакии. А *после*, изучив качество «приданого», немецкие генералы признали, что избежали самой крупной неприятности, что риск поражения в Чехословакии 1938 года — был даже большим, чем в Польше 1939-го и во Франции 1940-го.

Уинстон Черчилль вспоминает: *«...из-за падения Чехословакии мы потеряли силы 35 дивизий. И, кроме того, в руки противника попали заводы "Шкода" — второй по значению арсенал Европы, который с августа 38-го по сентябрь 39-го выпустил почти столько же продукции, что и все английские заводы за этот же период».*

Оцените: не только 469 невыстреливших танка и 1582 самолета попали немцам. Главное — заводы. Есть интересный вопрос к чешским историкам: сколько простояли (может, и пробастовали) заводы «Шкода» и «ЧКД», в связи со *сменой флага?* Месяц или меньше? О той исто-

рии «Шкоды» — как «главного мотора» немецкого концерна «Герман Геринг Верке» — в главе *«О переданном в управление имуществе»*.

Вдумайтесь, какая все же это жуткая вещь — инерция, заскорузлость восприятия! Даже в наших «Историях Второй мировой войны» — в обязательной, дежурной главе — «Движения Сопротивления в Европе» — перечисляется, например, «Забастовка французских шахтеров».

И как-то машинально это принимается, поглощается читателями уже нескольких поколений. Забастовка — слово из такого мирного лексикона, как «домашние тапочки». Забастовки — законная, вежливая, мирная форма диалога с работодателями.

Доведите эту мысль до логического завершения... Ведь «забастовка» может стать средством, угрозой, только в случае хорошо налаженной совместной работы.

Только на исправно работающей шахте, заводе «забастовка» может что-то значить! ...

Но если с государственными потенциалами на службе Гитлера движения Сопротивления французов и чехов несопоставимы, то с чем же их тогда вообще можно сопоставить, корректно сравнить? С немецким Сопротивлением, конечно.

Военный историк Жак Бержье: *«"Красная капелла" определенно уничтожила более 200.000 солдат фашистского блока»*. Геринг, в Нюрнберге: *«она погубила по меньшей мере 10 наших дивизий»*.

Но в Германии кроме «Красной капеллы», ориентированной на Москву, была и «Черная капелла»: дипломаты, высшие чиновники, фельдмаршалы, генералы. В 1938 году она, «Черная капелла» во главе с Беком, Браухичем подготовила свержение Гитлера. Фельдмаршал Вицлебен, командир 3-го берлинского военного округа, репетировал захват рейхсканцелярии. Даже СС заняли

выжидательную позицию. Два месяца «монета стояла на ребре», и, как признались перед казнью заговорщики 1944 года, только «Мюнхенский саммит»(!) — главный внешне- и внутриполитический козырь — спас Гитлера. Им, немецким сопротивлением, «выбито из строя» — четыре генерал-фельдмаршала (арестованы, казнены, покончили с собой): Клюге, Вицлебен, Роммель, Бек. А еще и шеф разведки адмирал Канарис, действительно много поработавший на союзников (невступление в войну Испании — это только одна из тысяч, наиболее известных заслуг Канариса). Далее: начальник Генштаба 30-х годов, генерал-полковник фон Хаммерштайн-Экворд, командир 4-й танковой группы Гепнер, военный советник Гитлера Вильгельм Шейдт (неоднократно передавал союзникам секретнейшие планы), Эдуард Вагнер (обер-квартирмейстер, начальник отдела снабжения генштаба), посол в Риме Хассель, глава военной администрации Франции Штюльпнагель...

Линия выбора расколола и Югославию. Сербы (правда, с хорватом Тито во главе), организовали партизанскую армию, притягивавшую на себя 12 и более дивизий Германии и ее союзников. Хорваты создали государство, наоборот, давшее фашистскому блоку 5 дивизий. И очень интересно на этот выбор Гитлера накладывается выбор Европы 1990-х: за кого «болеть» во вновь расколотой Югославии? Там и там — террор, этнические чистки. Но кого же в итоге бомбить будем?..

И совсем недавно похожий выбор: Украина. Кто и на каких выборах правильнее посчитал голоса? И там и там — только протоколы избиркомов и взаимные обвинения. Другой исходной информации — в принципе нет. И опять явное подыгрывание тому краю, где формировалась дивизия СС «Галичина» — а *«там, где партизаны, Краснодон, “Молодая гвардия” — там наверняка хуже считают».* Тенденция!..

Как складывалась Объединенная Европа-1

Индексацию мы вводим, чтобы не путать с нынешней «Объединенной Европой-2», совпадающей с Европой Первой — по географии, набору наций, и, как видим, — по некоторым политическим предпочтениям. Возможно, даже наверняка, нынешним политикам, столь торжественно провозгласившим «О.Е.-2», будет и неприятно напоминание об этом предшественнике. Да что ж поделаешь, была ведь *Объединенная (Гитлером) Европа.* И к рождению ее, оказывается, тоже были причастны либералы и даже — лауреаты Нобелевской премии мира.

Сегодня сложилось уже целое направление: критика глобализма и политкорректности. Эпоха и мир кажутся странными и зыбкими, глупость сегодняшних политиков — уникальной. Но нет же. Вот портрет времени между мировыми войнами в мемуарах Черчилля, так сказать — «Выбранные места».

«... Немцам навязали то, что было идеалом, к которому стремились либералы Запада. Франция требовала границ по Рейну, но Англия и США полагали, что включение районов с немецким населением противоречит принципу самоопределения наций. Клемансо пришлось на это согласиться в обмен на англо-американские гарантии. А позже Сенат США, не посчитавшись с подписью Вильсона, не ратифицировал гарантийный договор...Заявили, что нам нужно было лучше знать конституцию США. На Вашингтонской конференции 21 года внесли далеко идущие предложения по морскому вооружению, и англичане с американцами начали рьяно топить свои линкоры и разрушать военные базы. Это делалось на основе странной логики, согласно которой аморально разоружать побежденных, если победители тоже не лишатся оружия. Вплоть до 1931 года победители концентрировали свои усилия на том, чтобы вымогать у Германии ежегодные репарации. Но платежи могли производиться только благодаря аме-

риканским займам, так что вся процедура сводилась к абсурду. Результат конференции (Локарно, 1925 г.) — общий гарантийный договор и арбитражные договоры между Германией и Францией, Германией и Бельгией, Германией и Польшей, Германией и Чехословакией. Остин Чемберлен получил орден Подвязки и Нобелевскую премию мира...»

А теперь вдумайтесь: «Нобелевку мира» дали именно человеку (Чемберлен), проторившему дорогу к Второй мировой войне и... так уж получается, — именно за это «проторяющее» деяние (в Локарно). Факт этот не очень афишируем, наверное, дабы не дискредитировать премию, которую в последние годы получили... *«ну просто святые люди... просто ангелы политкорректности».* Мемуары Черчилля заполняют исторический вакуум. Политика Англии 30-х годов нуждается все же в каком-то истолковании — его и дает Черчилль. Кстати, Черчилль свою Нобелевскую премию в 1953 году получил — не как Чемберлен и Горбачев — «За мир», а «по части литературы». Кроме его воспоминаний о Второй мировой войне, представится повод процитировать еще и «Историю англоговорящих народов». А мемуары Черчилля — это почти честертоновское изящество плюс причастность ко всем подробностям политики. Хотя политикой предстающую картину 1920—1930-х годов и назвать трудно. Двадцатилетняя оргия пацифизма. Не поддержать британское разоружение — значило гарантированно проиграть выборы. Союз студентов Оксфорда приносит публичную клятву: никогда не сражаться за свою страну. Во Франции коммунисты Мориса Тореза имеют, говоря по-современному, «блокирующий пакет». Чтобы провести закон о двухгодичной службе, министру Лавалю приходится лететь в Москву.

Черчилль: «... *только Советы могли позволить значительной части французов, питавших к ним доверие, оказать поддержку этому закону.* ("Добро" Сталина было получено. Французская армия теперь может достичь планки 100 дивизий. Над всем этим, согласитесь, уже витает сквознячок абсурда. Но Черчилль элегантно избегает оценок и

продолжает). *После Лаваль спросил Сталина: "Не могли бы вы сделать что-нибудь для поощрения католиков в России? Это бы так помогло мне в делах с папой". "Ого! — воскликнул Сталин. — Папа! А у него сколько дивизий?"*»...

Рузвельт и Черчилль, разделяя со Сталиным Европу на сферы влияния, не просто признавали — они совместно конструировали систему гарантий. Многоуровневую ООН, Совет Безопасности с пятью постоянными членами, разделение Германии, сферы влияния, а можно сказать — сферы безопасности, буферы. Так что танки в Чехии 1968-го — это следствие того, как закончилась, как проходила и как затевалась война. Следствие Мюнхена...

Уже полторы сотни лет кочует афоризм: *«Генералы всегда готовятся к прошлой войне». «А зарплату получают — за будущую»*, — недавно домыслил один остроумный журналист. Может, наши правители и ошибались, подстраховываясь в 68-м году, по канонам 40-го. Но... — поговорка не врет — так поступают все правительства, все Генеральные штабы — готовятся к той войне, в которой они участвовали. Не тягавшиеся 4 года с вермахтом — имеют совсем другую политическую наследственность, военную доктрину.

И не нужно кивать: «Да, было дело, пытались в 1968 году социализм танками подкрепить». Тоже еще, «видный марксист» — генерал армии Павловский (организатор операции «Чехия-68»). Лучше сказать правду: «Защищали свой передовой бастион, свое предмостное укрепление, свою сферу влияния». Или ответить так: *«До советских танков 1968 года в Праге были чешские танки в Минске, Смоленске и Сталинграде!»*

Да можно и безо всякой геополитики, чего там. Вообразите...

Пивной бар. Все сидят, смотрят в свои кружки. Вваливается верзила. Куражится. Выжидают. Верзила хватает за

лацкан первого *пана*. Тот — пардон! — отдает напавшему кошелек и револьвер, случившийся у него в кармане. Верзила хватает *мсье* — получает еще кошелек, нож, кастет. Последнему, *товарищу*, решившемуся сопротивляться — достается и пулевых, и ножевых ранений. Огрубев и озлобясь, он все же скручивает верзилу и... оставляет его на полу — выхода из этого странного бара почему-то нет. Едва отошедшие от этих отвратительных сцен насилия пан и мсье требуют вернуть им собственность. «Мы знаем, товарищ, что теперь для защиты против верзилы вам револьвер с ножом не понадобятся». А товарищ, вместо самого простого ответа: «А откуда вы-то можете это знать?», начинает что-то бормотать про социализм...

Выбор был и у Дании, Бельгии, Голландии: передавать свои государственные потенциалы немцам или нет. А сейчас саму постановку подобного вопроса они назовут дикарством, фанатизмом. И уже как-то невежливо напоминать, что кто-то должен был все же начать настоящее сопротивление, как в Варшаве, Сталинграде, Ленинграде. Миллионы пленных, заводы захватывали и у нас, но решившиеся сопротивляться рассматривали это только как преступную ошибку или предательство. И как следствие — СМЕРШ, заградотряды, репрессии. Такой выбор определяет все, от политики до послевоенной психики. Но только ли послевоенной? Многие некрасивые действия накануне 1941 года — это ведь приготовления человека — сузившего глаза, решившегося. По той же пивбарной аналогии: сбросил зрителя-прибалта, вооружился его стулом. «Пакт о ненападении» — это фактически был выбор места и минуты предстоящей драки...

Вопрос о «Шкоде» чешским историкам я уже задал, теперь один легкий им упрек, по поводу гибели их же соотечественника. Очень знаменитый, миллион раз описанный случай: один пражский студент увидел в 1968 году советские танки и, оскорбленный в национальных чув-

ствах, поджег себя... Видно, вы, пане, плоховато преподавали ему историю. Ведь вы могли спасти парня, дать ему прививку...

Рассказав, например, как «Герой Мюнхена» Чемберлен отчитывался в Палате общин после того, как Гитлер взял не только Судетскую область, но и всю Чехословакию.

«... мы просто являемся свидетелями пересмотра границ, установленных Версальским миром. Не знаю, найдутся ли люди, которые думают, что границы будут постоянно оставаться прежними. Я очень сильно сомневаюсь в этом. Я считаю, что достаточно сказал о Чехословакии...»

Ну и теперь. Что же означает эта разница в списках приглашенных на европейские парады 1994 и 2004 годов? Может, хозяева — такие интеллектуалы, эстеты. А Россия-1994 неприглядна, и они не желали глядеть, как пьяный президент-дирижер вдруг попробует себя на параде еще, может, и тамбур-мажором? Или наоборот: они — такие прагматики, позвали Россию-2004, а при 100 долларах за баррель — пригласят на Парад, «как героев Второго фронта», и Кувейт с Эмиратами?

И то, и другое, и третье. Они многолики, как Протей, они более легки и маневренны, они действительно более свободны. Свободны — от всего вышеперечисленного.

Глава 3

О "Праве Ведущих Большую войну" и о подвернувшихся под руку

А «тот самый пакт?», «тот самый вкус: Молотов — Риббентроп? », «агрессия СССР в Прибалтике? ». Исследованию природы этих обвинений, собственно, и посвящена вся эта книга. Решившийся на Большую Войну имеет право и на Большой Маневр. Но что это за термин — «Большая Война», и правомерно ли его введение?

Ответ будет подробный, с привлечением некоторых предыдущих моих публикаций, в том числе и по Гуго Грацию — автору понятий «естественного права» и большинства положений «права войны и мира». А пока — несколько исторических прецедентов.

Так, например, решившиеся на Большую Войну англичане XIX века знали сами про себя, что именно они — самые непримиримые, самые конечные враги Наполеона, и с этим самооправданием могли заключать «с Бони» сколько угодно перемирий, подписывать с ним Амьенский мир, а после уничтожать совершенно нейтральную Данию («просто чтоб датский флот случайно не попал к Бони»).

■ ДИЛЕТАНТСКИЕ ЗАПРОСЫ

А кто такой, собственно, этот Бони?

«Бони» — это кличка, не сходившая со страниц тогдашних британских газет. Уменьшительно-презрительное от «Бонапарт».

А тот, кто требовал к себе обращения только «*Наполеон*» — он ведь и простое, неискаженное «Бонапарт» считал за величайшее оскорбление себя и Франции. Так что «Бони» в британских (и только в британских) газетах — была не просто шутка: это был Залог непримиримой вражды, Залог войны на уничтожение. Подобно тому, как 500 лет до того резали невинных и никому не нужных в общем-то монгольских послов, зная, что после этого с монголами мира не может быть никогда.

И советские газеты тех годов с карикатурами на Гитлера — это такой же Залог. И взаимная моральная «натравленность» фашистов и коммунистов — это вполне серьезный, «материальный» аргумент.

А то, что нам ставят в вину «тот самый Пакт» и изменившийся тон советских газет 1940 года... это как если бы уцелевшие обитатели Освенцима начали бы пенять открывающим ворота русским солдатам: «Вы-то и под Вязьмой облажались, и под Харьковым — дважды. И в Сталинграде долго тянули, и под Курском. А уж под Ленинградом-то... И пришли-то нас освобождать в результате — гораздо позже, чем должны были... по нашим расчетам... И уж конечно, нельзя было входить в три прибалтийских республики».

Но «совпаденьям» несть числа — именно на Балтике Великобритания вписала наиболее яркую страницу в кодекс этого права. «Большая война» велась ею в XVIII—XIX веках с Наполеоном. Флот оного, как известно, был разбит при Трафальгаре, и вторжение Британии вроде бы не грозило. Но Наполеон, чисто теоретически, мог создать себе новый флот? Мог. А пожелав воссоздать флот, Наполеон, используя свое континентальное могущество, навер-

ное, мог бы захватить какую-нибудь страну, имеющую значительный флот и «приобщить его к делу»? Вполне. А у кого еще в Европе остается «значительный флот»? А вот — Датское королевство. Но оно пока ведет линию безупречного нейтралитета. А вдруг что изменится? Тем более, по исследованиям одного нашего (британского) писателя: *«Какая-то в державе датской гниль!»* В. Шекспир. «Гамлет»...

Надо подстраховаться.

26 июля 1807 года из Ярмута вышла британская эскадра в составе 25 кораблей, 40 фрегатов и малых судов. За ней несколькими отрядами шла армада из 380 транспортных судов с 20-тысячным десантом. 1 августа британская эскадра появилась в проливе Большой Бельт. 8 августа к наследному принцу-регенту Фредерику явился британский посол Джексон и заявил, что Англии достоверно известно намерение Наполеона принудить Данию к союзу с Францией. Англия этого допустить не может и в обеспечение того, что это не случится, она требует, чтобы Дания передала ей весь свой флот и чтобы английским войскам было разрешено оккупировать Зеландию, остров, на котором расположена столица Дании. Принц отказался. Тогда британский флот в течение шести дней бомбардировал Копенгаген, а затем высадил десант. Половина города сгорела, в огне погибли свыше двух тысяч его жителей. Командовавший датскими войсками престарелый (72-летний) генерал Пейман капитулировал. Англичане увели весь датский флот, верфи и морской арсенал сожгли. Принц Фредерик не утвердил капитуляцию и велел предать Поймана военно-полевому суду...

Но, может, пример 1807 года — слишком устаревший? Ведь с тех пор столько гуманистов и правозащитников «в земле Европейской просияли». Тогда вот пример как раз — из того, самого актуального, 1940 года. Исландия в то время была частью Дании (не будем вдаваться сейчас в тонкости их унии). И когда Гитлер в ап-

реле 1940 года захватил Данию, Великобритания, без объявления войны, без объявления вообще чего-либо захватила Исландию. Основание самое элементарное: Дания так и так попадает под Гитлера, но нельзя, чтобы вся, целиком. Остров Исландия для войны пригодится.

И еще как пригодился! Только представьте, что и Исландия стала германской — тогда неизбежно: *ни один* англо-американский конвой со стратегическими грузами *не дошел бы* до Мурманска. Более того, ни один конвой в Россию и не вышел бы из американских портов по причине абсолютной невозможности миновать Исландию с германскими базами...

Британское право, как известно, основано «на прецедентах». СССР тоже вел «Большую Войну» с фашизмом. Уже имели место прямые сражения с немцами и итальянцами в Испании, с Японией на Хасане и Халхин-Голе. Перемирия, пакты с главным противником, конечно, заключались (как и у англичан с Наполеоном), но это никак не отменяло главного факта: последней инстанцией разрешения «Большого исторического конфликта» будет схватка СССР — Германия. И присоединение нами в 1940-м году важнейшего стратегического плацдарма, трех республик, недотягивает до Британско-Датского прецедента по всем параметрам. Их правительства не открывали военных действий — раз; отсутствие большой крови и разрушений (как следствие первого) — два.

Нынешние политкорректные историки щелкают на счетах: *«Так, 1940-й год — СССР подмял три демократических государства,— три костяшки налево, минус».*

Можно согласиться... Хотя и с некоторыми поправками. Латвия на тот момент «демократической республикой» быть перестала — диктатура Ульманиса. Литва за год до этого объявила, что ни за себя, ни за свою территориальную целостность, ни за свой нейтралитет ручаться не может.

История тут была такая. По Версальскому миру, бывший немецкий город Мемель (с округой) назывался Клайпедой и передавался Литве.

Мемель, кстати, в некий исторический период был столицей и последним плацдармом Пруссии, добиваемой Наполеоном. Неизвестно, об этом ли вспомнили державы-победительницы, забирая у Германии сей важнейший порт, главное другое: они гарантировали Литве защиту — ее и ее благоприобретений. Гарантии эти были абсолютно аналогичны гарантиям, данным Польше, во исполнение которых, собственно, и была объявлена (через 5 месяцев после Клайпеды) война Германии.

20 марта 1939 года министр иностранных дел Германии фон Риббентроп объявил литовскому коллеге И. Урбшису: *«... если литовское правительство склонно вернуть Клайпедский край путем соглашения, то правительство Германии готово пойти навстречу и удовлетворить интересы Литвы в Клайпедском порту. Если литовское правительство не пойдет этим разумным путем, то Клайпедский край будет возвращен Германии по-другому. Если бы там произошли столкновения и хоть один немец погиб, тогда уже не мы, политики, занимались бы этим делом, а войска, начав поход, неизвестно где остановились бы. После начала военных действий германское правительство больше ни на какие переговоры не пошло бы».*

Не дожидаясь официального ответа Литвы, Адольф Гитлер отправился в Мемель на флагмане германских ВМС линкоре «Дойчланд». Литовцам дали официальный и унизительный совет: «Во избежании пустой траты времени, отправить специальным самолетом в Берлин полномочных представителей для подписания документа о передаче района Мемеля Германии».

Вооруженные силы Литвы составляли: кавалерийская бригада и три пехотных дивизии общей численностью в 24 тысячи человек, при 44 легких танках и 110 самолетах. И всего один военно-учебный корабль с шестью пуле-

тами и двумя пушками «Эрликон» двадцатимиллиметрового калибра. В военном отношении положение Литвы было безнадежно.

Но, чтобы получить помощь Британии и Франции, Литва должна была отвергнуть требования Гитлера, обратиться к странам-гарантам, подвергнуться нападению. И тогда Вторая мировая война началась бы в апреле, а не в мае 1939-го.

Как констатируют литовские историки: «... *можно было бы кровью тысяч солдат вписать героическую страницу в историю. Но в территориальном отношении Литва в конечном счете только проиграла бы. Ведь министр иностранных дел Германии фон Риббентроп дал ясно понять, что, затеяв сражение, литовцы потеряют всю страну. Конечно, очень больно, когда рубят руку, но глупо подставлять еще и голову...*»

21 марта Совет министров, «не находя другого выхода, считает, что он вынужден принять требование германского правительства. Перед лицом грозящей со стороны Германии опасности Совет министров не находит возможным выполнить требования ст.15 конвенции, заключенной между Литвой, Британской империей, Францией, Италией и Японией о Клайпедской территории. Министру иностранных дел поручается только информировать полномочных министров Франции и Великобритании в Каунасе о требовании правительства Германии вернуть Клайпедский край рейху».

То есть, исходя из своих национальных интересов (плюс напоминание, что *Германия учтет интересы Литвы в Клайпедском порту*) Литва не обращается за помощью к странам-гарантам и отдает Мемель. Значительно усиливая позиции Германии на Балтике — и также значительно ухудшая положение любого, решившегося на «Большую Войну» с Гитлером.

С точки зрения современной ситуации и современного понимания международного права можно до бесконеч-

ности спорить, в чем присоединение Советским Союзом тех трех республик отвечает признакам агрессии, в чем — нет. Но как раз чтобы сама-то международная ситуация стала *«современной»*, политкорректной — в общем, той, какая она сейчас есть — и требовалась ликвидация гитлеровского рейха, выигрыш Большой Войны!

Конечно, вот если бы прибалтам эпохи Мюнхена сесть в машину времени, точнее, влезть в нее всеми своими республиками, и перелететь бы сразу в 2006 год, где тебе и Совет Европы, и ПАСЕ... Но даже и эта фантазия не столь заоблачна в сравнении с цинизмом «Клайпедских героев», поучающих Россию: как, где, когда надо было проводить военные операции против Гитлера.

Но, быть может, прецедент Британии, подстраховавшейся с Данией-1807 слишком стар, а с Исландией-1940, слишком малозначителен? И «в культурном XX веке», Сталину действительно стоило как-то бы организовать сеанс связи и посоветоваться с Гавелом, Ландсбергисом, Клинтоном и Мадлен Олбрайт: как следовало вести «Большую Войну»?

Ну что ж, вот тогда и еще пример, опять из 1940 года. Правда, и тут опять действующее лицо Британия, но это как раз оттого, что именно она, островная Британия, чаще решается на противостояние любой ценой.

Глава 4

«Последний довод королей»

Многие готовы поставить знак равенства между пожаром и пожарной командой.
У. Черчилль

Вопрос 1. Назовите самое значительное морское сражение Второй мировой войны на Европейском театре военных действий.

Вопрос №2. Назовите его участников.

Правильный ответ: 1. Сражение 3 июля 1940 года у Мерс-эль-Кебиры (побережье Алжира).

Ответ на вопрос № 2 удивит, наверное, многих.

■ ДИЛЕТАНТСКИЕ ЗАПРОСЫ

А кто, собственно, сражался у этой Мерс-эль-Кебиры?

Правильный ответ: 2. Англичане и французы.

Трудно поверить, и тем не менее: «Мерс-эль-Кебира» — самое крупное на европейских морских театрах боевое столкновение — как по составу противоборствующих сил (три линкора против четырех), так и тактическому результату: один линкор потоплен, два повреждены, это не считая десятков эсминцев и вспомогательных судов.

Стратегическая операция ВМФ Великобритании, имевшая целью устранить опасность усиления флотов противника французскими кораблями, получила кодовое наименование «Катапульта». Замысел операции предусматривал взятие под контроль (захват, разоружение, интернирование) либо уничтожение максимально возможного числа боевых единиц ВМФ Франции в различных пунктах базирования, как на британской территории, так и за ее пределами.

15 июня французы уведомили британское правительство о намерении заключить перемирие с немцами. Ответ Черчилля: *«Наш договор, запрещающий сепаратные переговоры о перемирии или мире, был заключен с Французской республикой, а не с каким-либо правительством или государственным деятелем. Поэтому с ним связана честь Франции. Тем не менее, при условии, что французский флот будет отправлен в британские порты немедленно и до переговоров, правительство Его Величества дает свое полное согласие на то, чтобы французское правительство обратилось с запросом с целью выяснить условия перемирия для Франции. Правительство Его Величества, преисполненное решимости продолжать войну, полностью исключает себя от какого-либо участия в вышеупомянутом запросе относительно перемирия».*

Ранним утром 3 июля все стоявшие в портах Британии французские корабли были захвачены отрядами Королевской морской пехоты. Вооруженное сопротивление оказали экипажи только двух кораблей: эскадренного миноносца «Мистраль» и подводной лодки «Сюркуф». Это косвенно подтверждало опасения британцев, что другая часть французского флота беспрепятственно попадет в руки немцев. Ведь не считая нейтрализованного в Александрии Соединения «Х» и разбросанных по миру нескольких крейсеров, эсминцев, авианосца «Беарн» и мелких кораблей, в английских портах укрылись только два совсем старых линкора «Пари» и «Курбе», 2 суперэсминца (лидера), 8 эсминцев, 7 подводных лодок — всего не более десятой час-

ти французского флота, если судить по водоизмещению, и еще менее, если судить по их реальной силе. 90 % французской военно-морской мощи были сосредоточены в средиземноморских портах.

Теперь слово Е. Грановскому, автору прекрасной работы «Тень Трафальгара. Операция ВМФ Великобритании против кораблей французского флота в Мерс-эль-Кебире».

«Вышедший в отставку незадолго до начала войны, 57-летний вице-адмирал Джеймс Сомервилл теперь был срочно возвращен на службу Его Величеству для выполнения ответственного задания: вручить французам ультиматум с требованием сдать корабли англичанам или уйти в американские порты, а в случае их отказа подчиниться — уничтожить. Чем был обусловлен такой выбор командующего? Среди прочих английских адмиралов Сомервилл выделялся, пожалуй, некоторой чудаковатостью. "Как личность, — комментирует это историк Уоррен Тьют, — Сомервилл был активным, остроумным экстравертом, смаковавшим свою репутацию шоумена. *(Например, на капитанском мостике стоял с попугаем на плече Авт.).* Такова традиция, происходившая от времен Нельсона. Умение произвести эффект является неотъемлемой частью натуры любого выдающегося лидера"»...

Да, это по-своему очень интересный момент. Всеобщая унификация, гигантские армии XX века — заставили нас забыть многие черты истинного «военного стиля» прошлых эпох. Действительно, когда вся нация одевает шинели, когда разворачивается тотальная война — уже и некому вспомнить о... О том, в частности, что когда войны были дворянскими, сословными, был куда больший простор для всяческих «самовыражений». И эксцентричность признавалась за проявление *натуры любого выдающегося лидера...* Под Ватерлоо (и это хорошо подмечено в фильме Бондарчука) высшие британские офицеры щеголяли перед строем в шляпах и сюртуках своих клубов. Вспомнив

это, можно правильно понять и шуточки нашего военного гения — Суворова, иногда на военных советах рыдавшего (например, в самый тяжелый миг Альпийского похода), прыгавшего, кукарекавшего петухом.

Вспомнить можно и о кутузовском презрении к гладким и правильным рассуждениям, и его засыпании (иногда даже и с храпом) на военных советах. (Презрение к военным мудростям — это, допустим, художественная догадка Льва Толстого, но дремота Кутузова на военных советах — факт истории.)

Я намеренно задерживаю внимания читателя именно на эксцентричности настоящих военных гениев. Там, где воевать приходится по-настоящему (русская армия, английский флот), понимают, что эксцентричность — лучшее средство от тупости, формализма, боязливой вежливости. От всего-всего того, что уже в наши дни подведут под этот уникальный термин — *Политкорректность!*

Политкорректным, правильным, все обстоятельно просчитывающим был лорд Чемберлен. Политкорректным по форме был и весь Мюнхенский договор 1938 года — данная книга еще докажет это. Британцы с французами рассчитали даже размер компенсации чехам за стада скота, которые они не успеют отогнать из Судетов! Будут приведены и еще целые сферы политики, (например, в религиозном вопросе), где безусловно политкорректным был и сам фюрер.

А эксцентричными были Суворов, Кутузов и Нельсон. И адмирал Джеймс Сомервилл, выигравший самое значительное (на европейском театре) морское сражение Второй мировой и выходивший на мостик, вырядившись под капитана Флинта, с попугаем на плече, был также антиполиткорректен. Он атаковал флот страны, с которой Британия не воевала (как и СССР с Польшей в1939-м) и, кроме тех потопленных французских кораблей, он оказал на ход Второй мировой войны еще одно исключительно важное, почти решающее воздействие, о котором мало кто упо-

минает. Но на странице 23 приводится этот факт, и вы, думаю, согласитесь, что сомервилловская битва при Мерс-эль-Кебире должна занять свое, заслуженное место в истории Второй мировой.

«От него (Джеймса Сомервилла) не ждали чрезмерного служебного рвения, однако такая из ряда вон выходящая операция требовала исполнителя себе под стать.

Перспектива сражаться против французов ни у кого на флоте, от юнги до лорда адмиралтейства, не вызывала энтузиазма. Воинственная инициатива исходила свыше, от военного кабинета во главе с Черчиллем. По итогам состоявшегося вечером 30 июня в адмиральском салоне линейного крейсера "Худ" военного совета, на котором кроме трех адмиралов и штабных чинов присутствовали командиры всех крупных кораблей, а также 8-й и13-й флотилий эсминцев, Сомервилл в полдень 1 июля доложил в адмиралтейство, что он категорически против силового решения. К этому мнению присоединился и командующий Средиземноморским флотом Эндрю Каннингхэм: "Применение силы в Оране может иметь серьезные последствия". Ответ из Лондона пришел в 18. 46 тех же суток: "Британское правительство твердо решило уничтожить французские корабли, если не будет принято ни одно из условий ультиматума"».

В напутственной правительственной телеграмме командующему Соединением «Н» говорилось: «Вам поручается одна из самых неприятных и трудных задач, что когда-либо вставала перед британскими флотоводцами, но мы остановили свой выбор на Вас и полагаем, что Вы выполните свой долг до конца».

По-моему, похоже, что Черчилль в этой телеграмме стилизовался под знаменитый последний флажковый сигнал адмирала Нельсона, перед открытием огня в Трафальгарской битве: «Англия надеется, что каждый исполнит свой долг».

Соединение «Н» (Эйч) Сомервилла включало: линейный крейсер «Худ», линкоры «Резолюшн» и «Вэлиент», авиано-

сец «Арк Ройал», легкие крейсера «Аретьюза» и «Энтерпрайз», 11 эсминцев. В Мерс-эль-Кебире, выбранном первым объектом атаки, находились французские линкоры «Дюнкерк», «Страсбург», «Прованс», «Бретань», лидеры «Вольта», «Могадор», «Тигр», «Линкс», «Керсайнт» и «Террибль», гидроавианосец «Коммандант Тест». В Оране (несколько миль к востоку) находилось эсминцы, сторожевики, тральщики и переведенные из Тулона недостроенные корабли.

Соединение «Н» подошло к Мерс-эль-Кебиру утром 3 июля 1940 года.

В ультиматуме Сомервила, написанном по поручению «правительства Его Величества», после напоминаний о совместной боевой службе, коварстве немцев и прежней договоренности от 18 июня между правительствами Британии и Франции о том, что перед капитуляцией на суше французский флот присоединится к британскому или затопится, французскому командующему морскими силами в Мерс-эль-Кебире и Оране предлагалось на выбор четыре варианта действий:

1) выйти в море и присоединиться к британскому флоту для продолжения борьбы до победы над Германией и Италией;

2) выйти в море с уменьшенными экипажами для следования в британские порты, после чего французские моряки будут сразу репатриированы, а корабли будут сохранены для Франции до окончания войны (за потери и повреждения предлагалась полная денежная компенсация);

3) в случае нежелания вообще допустить возможность использования французских кораблей против немцев и итальянцев, чтобы не нарушать перемирия с ними, выйти под английским эскортом с уменьшенными экипажами во французские порты в Вест-Индии (например, в Мартинику) или в порты США, где корабли будут разоружены и сохранены до конца войны, а экипажи репатриированы;

4) затопить корабли в течение шести часов...

«В случае отказа от вышепредложенного я имею приказ правительства Его Величества использовать все необходимые силы для предотвращения попадания Ваших кораблей в руки немцев или итальянцев».

Теперь представьте все «опции» французского адмирала Женсуля. Немцы в Париже. Правительство Франции заключило перемирие, может, и близкое к капитуляции, но это его, французское правительство, пытающееся спасти страну в сложившихся условиях. Сдать корабли англичанам — нарушить условия перемирия и согласно немецкому ультиматуму, полученного тем же утром, последует «пересмотр условий перемирия», (конечно, в сторону утяжеления условий для Франции). И даже затопить их по сохранявшему силу приказу главнокомандующего он не может. Остается только сражаться. Дико даже представить: впервые после 1815 года (Ватерлоо) французы сразятся с англичанами... с которыми еще неделю назад они воевали бок о бок!

И представьте теперь варианты британского адмирала: перед ним не какие-нибудь ловкачи-нейтралы, а герои-моряки, вчерашние его боевые друзья. Которые как раз менее всех повинны в том, что сухопутные силы Франции разгромлены. Их-то с британцами боевая работа была вполне успешна. (И никакого Вацлава Гавела рядом, ни Горбачева с Новодворской, и никого из ПАСЕ — чтобы хоть посоветоваться: расстреливать боевых друзей, или...).

В 10.50 на эсминце «Фоксхаунд» поднят сигнал: «В случае непринятия условий ультиматума адмирал Сомервилл не даст французским кораблям покинуть гавань». В подтверждении этого английские гидросамолеты в 12.30 сбросили на главном фарватере несколько магнитных мин.

Срок ультиматума истекал в 14 часов. В 13.11 на «Фоксхаунде» подняли новый сигнал: «Если вы принимаете предложения, поднимите на грот-мачте квадратный флаг; иначе открываю огонь в 14.11».

С момента появления английского эсминца в гавани Мерс-эль-Кебира французские корабли развели пары, экипажи разошлись по боевым постам. Береговые батареи находились теперь в готовности открыть огонь. На аэродромах стояли, прогревая моторы для старта, 42 истребителя. Все корабли в Оране были готовы выйти в море, а 4 подлодки только ждали приказа, чтобы образовать барьер между мысами Ангуиль и Фалкон. Тральщики уже тралили фарватер от английских мин. Всем французским силам на Средиземном море была объявлена тревога, 3-я эскадра в Тулоне из четырёх тяжелых крейсеров и 12 эсминцев и шесть крейсеров в Алжире получили приказ выйти в море готовыми к бою и поспешить на соединение с адмиралом Женсулем, о чем тот должен был предупредить англичан.

А Сомервилл уже лег на боевой курс. Его эскадра в строю кильватера находилась в 14 000 м на норд-норд-вест от Мерс-эль-Кебира, курс — 70, скорость — 20 узлов. В 16.54 (в 17.54 по британскому времени) раздался первый залп. Пятнадцатидюймовые снаряды с «Резолюшн» упали близким недолетом в мол, за которым стояли французские корабли, засыпав их градом камней и осколков. Спустя полторы минуты первым ответил «Прованс», стреляя 340-мм снарядами прямо между мачтами стоящего справа от него «Дюнкерка». Адмирал Женсуль вовсе не собирался вести бой на якорях, просто тесная гавань не позволяла всем кораблям одновременно начать движение (на что и рассчитывали англичане!). Линкорам было приказано построиться в колонну в порядке: «Страсбург», «Дюнкерк», «Прованс», «Бретань». Суперэсминцы должны были выходить в море самостоятельно. «Страсбург», кормовые швартовы и якорная цепь которого были отданы еще до попадания первого снаряда в мол, начал движение немедленно. И только он покинул стоянку, как в мол попал снаряд, осколки которого перебили на корабле фалы, сигнальный рей и пронзили трубу. В 17.10 (18.10) капитан 1-го

ранга Луи Коллинс вывел «Страсбург» на главный фарватер и 15-узловым ходом направился и море. За ним рванулись 6 эсминцев.

Когда залп 381-мм снарядов поразил мол, на «Дюнкерке» отдавали швартовы и травили кормовую цепь. Буксир, помогавший сняться с якоря, был вынужден обрубить швартовы, когда в мол попал и второй залп. Командир «Дюнкерка» приказал немедленно опорожнить цистерны с авиабензином и в 17.00 отдал приказ открыть огонь главным калибром. Позже вступили в дело и 130-мм орудия. Поскольку «Дюнкерк» был ближайшим к англичанам кораблем, на нем и сосредоточил свой огонь «Худ» — бывший партнер по охоте за немецкими рейдерами. В тот момент, когда французский корабль начал отходить со своего места стоянки, первый снаряд с «Худ» попал ему в корму и, пройдя через ангар и унтер-офицерские каюты, вышел через бортовую обшивку в 2,5 метрах ниже ватерлинии. Этот снаряд не взорвался, поскольку тонких плит, которые он пронзил, было недостаточно для взведения взрывателя. Однако в своем движении через «Дюнкерк» он перебил часть электропроводки левого борта, вывел из строя кран для подъема гидросамолетов и вызвал затопление топливной цистерны левого борта. Ответный огонь был быстрым и точным, хотя определение расстояния затруднялось условиями местности и нахождением между «Дюнкерком» и англичанами форта Сантон.

Примерно в то же время попадание получил «Бретань», а в 17.03 381-мм снаряд поразил «Прованс», который ожидал, пока «Дюнкерк» выйдет на фарватер, чтобы последовать за ним. В корме «Прованса» начался пожар и открылась большая течь. Пришлось приткнуть корабль к берегу носом на 9-метровой глубине. К 17.07 пожар охватил «Бретань» с носа до кормы, а спустя две минуты старый линкор начал опрокидываться и внезапно взорвался, унеся с собой жизни 977 членов экипажа. Остальных начали спасать

с гидроавиатранспорта «Коммандант Тест», который чудом избежал попаданий за все время боя.

Выходящий на фарватер 12-узловым ходом «Дюнкерк» был поражен залпом из трех 381-мм снарядов. Первый попал в крышу башни №2, сильно вдавив броню. Большая часть снаряда срикошетировала и упала на землю примерно в 2000 метрах от корабля. Кусок брони или часть снаряда ударил в зарядный лоток внутри правой «полубашни», воспламенив первые две четверти разгружаемых пороховых картузов. Вся прислуга правой погибла в дыму и пламени, но левая «полубашня» продолжала действовать — броневая перегородка изолировала повреждения.

Второй снаряд ударил рядом с 2-орудийной 130-мм башней правого борта, ближе к центру корабля, и пробил 115-мм бронепалубу. Снаряд серьезно повредил перегрузочное отделение башни, блокировав подачу боезапаса. Продолжая свое движение к центру корабля, он пробил две противоосколочные переборки и взорвался в отсеке кондиционеров и вентиляторов. Отсек был полностью уничтожен, почти весь персонал погиб. Тем временем в перегрузочном отделении правого борта загорелось несколько зарядных гильз и взорвалось несколько загружаемых в элеватор 130-мм снарядов. И здесь вся прислуга была убита. Взрыв также произошел у воздуховода в носовое машинное отделение. Горячие газы, пламя и густые клубы желтого дыма через броневую решетку в нижней бронепалубе проникли в отделение, где 20 человек погибло и только десяти удалось спастись, а все механизмы вышли из строя. Это попадание оказалось очень серьезным, так как привело к нарушению подачи электроэнергии из-за чего вышла из строя система управления огнем. Неповрежденной носовой башне пришлось продолжать стрельбу под локальным управлением.

Третий снаряд упал в воду рядом с правым бортом чуть дальше в корму от второго, поднырнул под 225-мм броневой пояс и, пробив все конструкции, взорвался. Взрывом

уничтожило нижнюю броневую палубу на всем протяжении этих отделений, броневой скос над топливной цистерной. Осколки снаряда вызвали пожар в правом котле, повредили клапана трубопроводов и перебили главный паропровод между котлом и турбоагрегатом. Вырвавшийся перегретый пар с температурой 350 градусов нанес смертельные ожоги персоналу КО (котельного отделения), стоявшему на открытых местах.

На «Дюнкерке» после этих попаданий продолжали действовать внутренние валы, что давало скорость не более 20 узлов. Повреждение кабелей правого борта вызвало кратковременный перерыв в подаче электроэнергии в корму, пока не включили сеть левого борта. Пришлось перейти на ручное управлением рулем. С выходом из строя одной из главных подстанций были включены носовые аварийные дизель-генераторы. Зажглось аварийное освещение, башня №1 продолжала вести довольно частый огонь по флагману «Худ».

Всего до получения приказа о прекрашении огня в 17.10 «Дюнкерк» выпустил по английскому флагману сорок 330-мм снарядов, залпы которых ложились очень плотно. К этому моменту, после 13 минут расстрела почти неподвижных кораблей в гавани, ситуация перестала выглядеть для англичан безнаказанной. «Дюнкерк» и береговые батареи вели интенсивный огонь, который становился всё точнее, «Страсбург» с эсминцами почти вышел в море. Не хватало только «Мотадора», который при выходе из гавани замедлил ход, чтобы пропустить буксир, и спустя секунду получил в корму 381-мм снаряд. От взрыва сдетонировали 16 глубинных бомб и корму эсминца оторвало. Но он смог приткнуться носом к берегу на глубине примерно 6 метров и с помощью подошедших из Орана мелких судов стал тушить пожар. Англичане, удовлетворившись потоплением одного и повреждением трех кораблей, отвернули на запад и поставили дымовую завесу. «Страсбург» с пятью эсминцами пошел на прорыв. «Линкс» и «Тигр» атаковали

глубинными бомбами подлодку «Протеус», помешав ей выйти в атаку на линкор. Сам «Страсбург» открыл сильный огонь по сторожившему выход из гавани английскому эсминцу «Рестлер», заставив его быстро отойти под прикрытием дымовой завесы. Французские корабли начали развивать полный ход. У мыса Канастель к ним присоединились еще шесть эсминцев из Орана. К северо-западу в пределах досягаемости стрельбы был виден английский авианосец «Арк Ройал», практически беззащитный против 330-мм и 130-мм снарядов. Но боя не произошло. Зато поднятые с палубы «Арк Ройал» шесть «Суордфишей» с 124-кг бомбами в сопровождении двух «Скьюэ» в 17.44 (18.44) атаковали «Страсбург». Но попаданий они не добились, а плотным и точным зенитным огнем один «Скьюэ» был сбит, а два «Суордфиша» получили такие повреждения, что на обратном пути упали в море.

Адмирал Сомервилл решил броситься в погоню на флагманском «Худ» — единственном, кто мог догнать французский корабль. Но к 19 (20) часам дистанция между «Худ» и «Страсбургом» составляла 44 000 м и не думала сокращаться. В попытке уменьшить скорость французского корабля Сомервил приказал «Арк Ройал» атаковать уходящего противника торпедоносцами. Спустя 40—50 минут «Суордфиши» с небольшим интервалом провели две атаки, но все торпеды, сброшенные за пределами завесы эсминцев, прошли мимо. Эсминец «Пурсьювант» (из Орана) заблаговременно сообщал на линкор о замеченных торпедах, и «Страсбург» каждый раз успевал вовремя переложить руль. Погоню пришлось прекратить. Тем более, что на следующих с «Худ» эсминцах заканчивалось топливо, «Вэлиент» и «Резолюшн» находились в опасном районе без противолодочного эскорта, а отовсюду поступали сообщения, что со стороны Алжира подходят сильные отряды крейсеров и эсминцев. Это означало быть втянутым в ночной бой с превосходящими силами. Соединение «Н» 4 июля вернулось в Гибралтар...

■ ДИЛЕТАНТСКИЕ ЗАПРОСЫ

А почему, собственно, так подробно об этой Мерс-эль-Кебире?

А потому, что это не только самый значительный на море, *но и самый характерный бой Большой Войны.* Раскрывающий суть этого термина: Англия ни до, ни после Мерс-эль-Кебиры НЕ была в состоянии войны с Францией. Большая Война — это война с Большим Врагом. При которой совершенно неважно, кто с кем в соре, в мире, в перемирии, в браке. Большой Враг — это Гитлер. И ради исключения даже самой вероятности попадания к нему чьих-то военных кораблей — их надо уничтожить.

Подобно тому 381-мм снаряду, срикошетировавшему от башни «Дюнкерка», пролетевшему 2 километра и ударившему по городу, каждый снаряд — в этой битве — рикошетом бьет и по политкорректным карасям, порицающим Британию, а больше всего — Россию за действия 1940 года. Вот вам настоящее лицо Большой Войны в потрясающем описании Грановского.

... «Страсбург» продолжал уходить 25-узловым ходом до тех пор, пока в одном из котельных отделений не произошла авария. В результате погибло пять человек, а скорость пришлось уменьшить до 20 узлов. Спустя 45 минут повреждение было устранено, и корабль снова довел скорость до 25 узлов. Обогнув южную оконечность Сардинии, чтобы избежать новых столкновений с Соединением «Н», и 20.10 4 июля «Страсбург» в сопровождении лидеров «Вольта», «Тигр» и «Террибль» пришел в Тулон.

«Дюнкерк» находился в таком состоянии, что адмирал Женсуль приказал поврежденному кораблю сойти с фарватера и идти в гавань Сен-Андрэ, где форт Сайтом и местность могли обеспечить некоторую защиту от артиллерийского огня англичан. Спустя 3 минуты «Дюнкерк» вы-

полнил приказ и бросил якорь на глубине 15 метров. Экипаж приступил к осмотру повреждений.

Башня №3 (2-орудийная 130-мм правого борта) вышла из строя от пожара в перегрузочном отделении, прислуга которого погибла... Задымление башни №4 вынудило в ходе боя задраить носовые 130-мм погреба. Около 20 часов в элеваторе башни №3 произошли новые взрывы.

К счастью, «Дюнкерк» находился в базе. Адмирал Женсуль приказал приткнуть его к мели. Перед касанием грунта снарядная пробоина, вызвавшая затопление нескольких топливных цистерн и пустых отсеков правого борта, была заделана. Началась эвакуация ненужного личного состава, для производства ремонтных работ на борту оставили 400 человек. Около 19 часов буксиры «Эстрель» и «Котантен» вместе с патрульными кораблями «Тер Нёв» и «Сетус» подтянули линкор к берегу, где он сел на мель на глубине 8 метров. Началась заводка пластыря в местах пробития обшивки. После полного восстановления подачи электроэнергии приступили к самой тяжелой работе — поиску и опознаванию погибших товарищей.

4 июля адмирал Эстева, командующий военно-морскими силами в Северной Африке, опубликовал коммюнике, в котором говорилось, что «повреждения «Дюнкерк» незначительны и будут быстро исправлены». Это опрометчивое заявление вызвало быстрый ответ со стороны Королевского флота. Вечером 5 июля Соединение «Н» снова вышло в море, оставив в базе тихоходный «Резолюшн». Адмирал Сомервилл решил вместо проведения еще одного артиллерийского боя поступить вполне современно — использовать для атаки приткнувшегося к берегу «Дюнкерка» самолеты с авианосца «Арк Ройал». В 05.20 6 июля, находясь в 90 милях от Орана, Арк Ройал поднял в воздух 12 торпедоносцев «Суордфиш» в сопровождении 12 истребителей «Скьюэ». Торпеды были установлены на скорость 27 узлов к глубину хода около 4 метров. ПВО

Мерс-эль-Кебира не была готова к отражению атаки на рассвете, и только вторая волна самолетов встретила более интенсивный зенитный огонь. Потом последовало вмешательство французских истребителей.

К сожалению, командир «Дюнкерка» эвакуировал на берег прислугу зенитных автоматов, оставив на борту только личный состав аварийных партий. Патрульное судно «Тер Нёв» стояло у борта, принимая некоторых членов экипажа и гробы с погибшими 3 июля. Во время этой печальной процедуры в 06.28 начался налет английских самолетов, вышедших в атаку тремя волнами. Два «Суордфиша» первой волны сбросили торпеды преждевременно, и они взорвались при ударе о мол, не причинив никакого вреда. Спустя 9 минут приблизилась вторая волна, но ни одна из трех сброшенных торпед не попала в «Дюнкерк». Но одна торпеда поразила «Тер Нёв», который как раз спешил отойти от линкора. Взрывом маленький корабль буквально разорвало пополам, а обломки его надстройки осыпали «Дюнкерк». В 06.50 появились еще 6 «Суордфишей» с истребительным прикрытием. Звено, заходившее с правого борта, попало под сильный зенитный огонь и было атаковано истребителями. Сброшенные торпеды снова не достигли цели. Последняя группа из трех машин атаковала с левого борта. На сей раз две торпеды устремились к «Дюнкерку» по диагонали со стороны левого крамбола. Одна попала в буксир «Эстрел», находившийся примерно в 70 метрах от линкора, и буквально сдула его с поверхности воды. Вторая, очевидно, с неисправным прибором глубины, прошла под килем «Дюнкерка» и, попав в кормовую часть обломков «Тер Нёв», вызвала детонацию сорока двух 100-килограммовых глубинных бомб, несмотря на отсутствие в них взрывателей. Последствия взрыва были ужасные. В обшивке правого борта образовалась пробоина длиной около 40 метров. Несколько броневых плит пояса были смещены, а вода заполнила систему бортовой защиты. Силой взрыва стальная плита

выше броневого пояса была оторвана и заброшена на палубу, похоронив под собой несколько человек. Противоторпедная переборка на протяжении 40 метров оторвалась от креплений, другие водонепроницаемые переборки были разорваны или сдеформированы. Появился сильный крен на правый борт и корабль осел носом так, что вода поднялась выше броневого пояса. Отсеки за поврежденной переборкой затопило соленой водой и жидким топливом. В результате этой атаки и предыдущего боя на «Дюнкерке» погибло 210 человек.

На пробоину завели временный пластырь, и 8 августа «Дюнкерк» был стащен на свободную воду. Ремонтные работы продвигались очень медленно. Да и куда французам было торопиться? Только 19 февраля 1942 года «Дюнкерк» в полной тайне ушел в море. Когда утром явились рабочие, они увидели свои аккуратно сложенные на набережной инструменты и... больше ничего. В 23.00 следующих суток корабль достиг Тулона, неся на борту некоторые подмостки из Мерс-эль-Кебира».

Кроме прекрасной работы Е. Грановского, желающие получить «подтверждения из зарубежных источников» могут обратиться к книге «Война на море », авторы: Честер Уильям Нимиц (адмирал ВМС США, а ныне, как написал бы Маяковский, *«Человек и Авианосец»*) и Элмер Белмонт Поттер.

А также к «Энциклопедии кораблей»; этот сайт — ship.bsu.by, — похоже, использует перевод английской книги History of H.M.S. Hood Destruction of the French Fleet at Mers El-Kebir, 3rd July 1940. By Paymaster Sub-Lieutenant Ronald G. Phillips.

Это что касается «фактуры главной морской битвы Второй мировой». А вот среди «морально-политических» оценок в истории Второй мировой войны вы найдете десятки подобных этим:

«... Вообще, эти опасения (переход французского флота к немцам) выглядят несколько надуманными. Скорее всего, причина, заставившая англичан так жестоко обойтись с бывшим союзником, заключалась в чем-то ином...

... разгромив французский флот в Мерс-эль-Кебире, англичане, как считается, создали благодатную почву для коллаборационизма во Франции, не говоря уже о моральной стороне дела».

Собственно, и вся моя книга направлена против фальшивой политкорректности, рождающей подобные оценки. Право Большой Войны — вот единственно справедливый критерий оценки всех деяний, имевших место в ее период. Тем, кому не нравится это «новшество» — термин «Большая Война» можно напомнить, что и Гуго Гроций (мы к нему еще много раз обратимся), фактически разработавший «старые правила войны», — тоже в свое время воспринимался новатором.

Англичане при Мерс-эль-Кебире показали всему миру свою решимость вести борьбу с нацистской Германией до конца. И еще — свою несвязанность «старыми» правилами ведения войны.

А еще... как пишет американский историк Алистер Хорн, *«... именно это драматическое нападение на французский флот более всего убедило Рузвельта в намерении Черчилля (и Великобритании) продолжать войну* — это подтверждает и ближайший его сотрудник — Гарри Гопкинс».

Еще и еще раз задумайтесь над вышеприведенным свидетельством. Вот в каком смысле я ранее назвал битву адмирала Сомервилла одной из важнейших во Второй мировой. Мнение, решение президента США относительно будущей войны и будущего союзника сформировалось благодаря Мерс-эль-Кебире. То, что Большая Война не совпадает с любыми датами подписания договоров, объявлений отдельных, частных войн и перемирий — это как раз доказывает и

британское уничтожение Копенгагена в 1807 году, и Мерс-эль-Кебира, но и... присоединение Советским Союзом тех трех прибалтийских республик.

Наше отличие от Англии только в том, что им предстояло вести морскую блокаду Врага, нам — держать сухопутный фронт. Потому и Англия занималась «сомнительными флотами», а СССР — «сомнительными республиками».

Но, как оказалось, наша сухопутная, фронтовая миссия — тяжелее вдвойне. Что во время войны фронт держать тяжелее, чем вести морские операции, это, в общем-то, очевидно. Но есть еще и «послевоенная тяжесть»: вы теперь сравните — поток претензий по превентивным мерам к Британии (за Копенгаген, Мерс-эль-Кебиру) и к нам — за Прибалтику...

Начало Большой Войны, всегда постепенное, приблизительное, размытое — это период, когда определяется Большой Враг. Да и потом тоже, Большая Война, не зависит от всех частных войн, перемирий и пактов. И заканчивается она только когда этот Большой Враг... Да-да, как раз сам факт Нюрнбергского процесса, до сих пор вызывающего юридические споры, показывает, что и окончание Большой Войны — тоже особый случай.

НО именно, чтобы сама международная ситуация стала «современной», «правовой», политкорректной, в общем, той, какая она сейчас есть — и требуется победа в Большой Войне! Сначала Страсбург (столицу ПАСЕ), Прагу и Вильнюс надо освободить, чтобы там смогли вновь обосноваться те умники, которые расскажут, КАК правильно надо было их освобождать, и какие пени полагаются за нарушение их правил.

Глава 5
Терминологический кризис

Так, собственно, называлась моя аналитическая статья в «Независимой газете» в номере от 19 октября 2001 года. Дата вам подскажет и тогдашний общественно-политический фон, и, соответственно, редакционную задачу.

Месяц после атаки на небоскребы. «... *Мир изменился! ... Мы вступили в новую эпоху, эру!*... и т.д.». Много говорилось по поводу «террористически-камикадзевской» сущности оппонентов, с историческими примерами.

По этому «горячему вопросу» — скромный вклад тогдашней моей статьи был в отыскании самого древнего документированного упоминания «о камикадзе». Вы удивитесь, но это — Библия, Книга Маккавеев. Для евреев подвиги Маккавеев, восстановивших Иудейское царство — национальная святыня. Спортивные общества «Макаби» и т.д. Но в чем состоял подвиг одного из братьев Маккавеев? Вообразите: битва, решающая судьбу нации, царь Антиох (самый последовательный искоренитель еврейства в истории) бросает в атаку античные танки — боевые слоны в доспехах, с башнями для стрелков... Единственно, что себе прощали доблестные римляне — это бегство, капитуляция перед слонами Пирра Великого (примерно, кстати, в те же годы, когда Антиох выводил «свои танки»).

Далее из Первой книги Маккавейской, глава 6, ст. 43—46: *«Тогда Елеазар, (*младший брат полководца Иуды Маккавея*) увидел, что один из слонов покрыт бронею царскою и превосходил всех... и он предал себя, чтобы спасти народ и приобресть себе вечное имя... и подбежал он под того слона, и убил его, и пал на него слон».*

Ну разве этот бросок, вспарыванье брюха слона, не похож на бросок с гранатами под танк? Сегодня репортеры CNN назвали бы Маккавея — камикадзе...

Но была у той статьи и «сверхзадача». Тогда президентом Бушем-младшим активно вводился в оборот новый термин: «страны-изгои». Интересно, что каждая американская терминологическая новация в международном праве заканчивалась войной. Клинтоновский «Примат общечеловеческих ценностей над идеей национального суверенитета» — и нападение на Сербию. «Изгойство» — похоже, был такой же, вполне «рабочий термин». Это и дало мне повод обратиться к родоначальнику большей части современных военно-юридических положений и терминов — Гуго Гроцию. И опубликовать, наверное, самое обширное в общественно-политическом, неспециальном периодическом издании исследование по этой теме.

Гуго Гроций — голландский ученый XVII века. Историк и юрист. Ввел в обиход важнейшую идею «естественного права». Его «Три книги о праве войны и мира» и явились основой военной юриспруденции. До нынешних дней все объявления войн и мирные трактаты, Женевские конвенции и проч. — все разговоры о войнах ведутся *в его терминах.* Гроциевы идеи, в том числе *идея национального суверенитета,* стали теоретической базой Вестфальских мирных договоров 1648 года. Которые, в свою очередь, стали точкой отсчета нашей эпохи.

Гроций исследовал происхождение слова *«война»* — bellum. Оказывается, в латыни оно произошло от древней римской формы: duellum. Что означало «поединок». У греков — наоборот, слово «война», polemos — произошло от

«множество» (*поли*фония, *поли*витамины). То есть греческие *война, раздор* происходили от *распада* (на множества).

Таким образом, два языка, латынь и греческий, из которых и взяты почти все научные термины нашей цивилизации, выводят, с разных сторон, двух отцов *войны:* поединок (duellum, дуэль) и — множество (распад).

Один постулат Гроция: *«нельзя убивать преследуемых роком, в частности, примкнувших к воюющей стороне по принуждению»* — дождался своего времени и был положен в основу «Женевской конвенции о военнопленных». Военнопленных — призванных, *принужденных* государством к ведению военных действий -- стали отличать от наемников.

Фундаментально и гроциево разделение войн на: *публичные, частные и смешанные.*

Публичные ведутся органами гражданской власти, субъектами публичного права; *частные* — лицами, не имеющими гражданской власти; *смешанные*: с одной стороны воюет государство, с другой — частное лицо.

Последний пункт нужно осознать: у частного лица может быть своя армия, самый актуальный пример 2001 года: США — Бен Ладен.

Если кто помнит, в сентябре 2001 года НАТО объявило состояние *войны.* Правда, в графе *«кому»* — уникальный случай — пробел. Так сказать, «на предъявителя».

По «смешанным войнам» я тогда, в 2001-м, привел и другой блок примеров.

Взрыв на АПЛ «Курск» и подозрения на очередной подводный таран как возможную его причину вызвали в том числе и серьезные публикации. В той же «Независимой газете» контр-адмирал Валерий Алексин привел подробную историю попыток соглашений с американцами о безопасном плавании и причин срывов этих соглашений. Привел и полную историю всех инцидентов с нашими и американскими подводными лодками за последние 45 лет. Предложил Алексин и свой проект «более совершенного

соглашения» плюс, как необходимое дополнение. «Протокол об обмене опытом и сотрудничестве флотов...».

Проекты контр-адмирала Алексина — возможно, самые совершенные, детальные (текст со специальной терминологией на половину газетной полосы) правила поведения подлодок. Что, однако, не исключает и дилетантского взгляда на эту проблему. Ведь соглашения, мирные трактаты и пакты о ненападении подписываются, ратифицируются веками, и можно заметить, что кроме внутреннего совершенства договора, не меньшее значение имеют и внешние побудительные причины: «выполнять или похерить». И в самых безукоризненно прописанных соглашениях отыскиваются зацепки, двойственные толкования, и, наоборот, полуустные договоренности работают подолгу.

Обратим для начала внимание на особенность, уникальность ситуации. Десятки лет сухопутные армии СССР и США равновесно и мирно соседствуют. Военно-воздушные силы, например в их космической ипостаси, теснейшим образом даже сотрудничают. (Сигаретам «Союз-Аполлон» уже тридцать лет.) И сегодня генштабисты, главкомы-президенты и министры оборон визитируют друг друга, проходят фуршеты и брифинги в Москве и Брюсселе. И только военно-морские силы, подводники действуют почти *так же*, как бы они действовали и в условиях полномасштабной *объявленной* войны. (Ракеты атомных подлодок нацелены на стратегические объекты, а «друг для друга» под водой — только таран).

Вообразите: на Бородинском поле наша и французская пехота яростно бьются за флеши, а рядом, например, кавалеристы Мюрата и Уварова «братаются», устраивают совместные концерты и презентации. Странно вроде бы...

Но эта «странность» подкрепляется, однако, и другими примерами из военно-морских столкновений. Пример мне попался как-то... почти юмористический.

Весь восемнадцатый век шла борьба Англии с Францией. Историки называют это иногда *«Второй Столет-*

ней войной», в переносном смысле. То был примерно десяток войн, начиная с «Войны за Испанское наследство» 1700—1714 годов и до Наполеоновских войн, переходящих уже в век девятнадцатый. Все эти войны завершались правильными мирными договорами. Но если в Европе состояния мир/война соблюдались строго, то на далеких морях шли свои дела... И вот как-то в Вест-Индии французский караван расходится с британским фрегатом «Дюнкерк». Вдруг выстрелы, летят ядра. Капитан французов — несколько месяцев в пути, что там в столицах — не знает. Хватает рупор: «Эй, на «Дюнкерке»! У нас там мир или война?!»

Британец, тоже в рупор, кричит французу: «Мир! Мир!», и без паузы, даже не потрудившись понизить голос: «Правый борт! Пли! »

Но ведь и эти примеры, при всей парадоксальности, вполне укладываются в «геометрию Гроция». В океане, в международных водах, капитан корабля становится двойственной фигурой. Он и объект, военный чиновник государства, он же и частное лицо (хотя бы до ближайшего сеанса связи с землей). Его действия — следующий подраздел «права войны и мира». Выдача в свое время «каперских листов», как бы сказать, — прав на ограниченное пиратство, — похоже, это подтверждает.

С Новым Изгоем вас, уважаемые господа!

И уже после этого краткого исследования «гроциевских», веками проверенных терминов, можно обратиться к новинке Made in USA: *государства-изгои.* Термин предполагает наличие чего-то общего в этом списке: Ливия, Белоруссия, Сербия, Ирак, Иран, Северная Корея. Авторы твердят, что назначение в «изгои» — это не прихоть американцев, не личная антипатия Буша. Но *что* тогда? Не все же страны из этого списка имеют красные или зеле-

ные цвета на флагах, не у всех президенты носят военную форму и не у всех на фотографиях зверско-угрожающее выражение лица.

Пока авторы не дают строгого критерия «изгойства», можно дать только одно косвенное, коммуникативное определение, post factum. Итак: страна-изгой находится вне интенсивного мирового финансового, человеческого и товарного обмена. А если конкретно: туда не летят самолеты (ведущих авиакомпаний), туда не проходят платежи (first-class банков).

И вот в 2001 году мне довелось участвовать в организации одной московской PR-акции (Столетие реформы Витте и завода «Кристалл»), имевшей быть 17 сентября. И вот один фрагмент праздничной программы праздника пришлось отменить — как раз потому, что 12, 13, 14 сентября не прошли две «платежки» и не смогли прилететь из Нью-Йорка несколько нужных персон...

То есть 11—14 сентября, несомненно, объективно, Соединенные Штаты являлись «страной-изгоем». Как говорится, «не рой другому термин»...

На этом краткий исторический экскурс завершаем. Выяснено само происхождение термина «война», перечислены гроциевские типы войн и некоторые положения его «права войны и мира». Также указаны самые последние новинки в этой сфере: «общечеловеческие ценности как противовес национальному суверенитету» и «страна-изгой».

В следующей главе попробую некоторым образом обрисовать одно очень знаменитое, но очень ложное теоретическое положение, и на «развалинах его» предложить один новый термин.

Глава 6
Направление главного удара — фон Клаузевиц

Да, именно он, бывший полковник Русской армии, вернувшийся в прусскую в 1814 году и написавший книгу «О войне», Карл Клаузевиц.

Абсолютно всем известен его афоризм из той книжки: *«Война есть продолжение политики другими средствами»*. Клаузевица почитал и Ленин (именно в ленинском пересказе тот афоризм был известен на территории «одной шестой»), и Муссолини, назвавший перевод «О войне» на итальянский «... великой, подлинно фашистской книгой». (В Италии до 1943 года «фашистский» значило, разумеется, не ругательство, а наоборот).

Мною же взамен Клаузевицу предлагается историк Брюс Кэттон, написавший: «Отличительная особенность современной войны в том, что *она сама берет на себя командование*. Единожды начавшись, она настоятельно требует доведения до конца и по ходу действия инициирует события, оказывающиеся неподвластными человеку. Делая, как им кажется, лишь то, что необходимо для победы, люди, не замечая того, меняют саму почву, питающую корни общества».

Только то, что мы выше называли Большой Войной, у Кэттона — «Современная война». Пусть так, но вы же не

можете не признать, что весь пафос Кэттона именно в том, что *война — это конец политики.*

Да, в общем. об этом же писал и Энгельс, чья репутация, может, и подмочена дружбой-сотрудничеством с другим бородатым теоретиком, дававшим экономические прогнозы, сбывавшиеся с «точностью до наоборот». Фридрих Энгельс, однако, имел свой независимый международный авторитет военного ученого. Статьи ему заказывала и Американская энциклопедия. И вот что он предвидел еще в1887 году: *«Для Пруссии-Германии уже невозможна никакая война, кроме всемирной. ...это была бы война невиданного ранее масштаба... 8—10 миллионов солдат будут душить друг друга и объедать при этом Европу до такой степени... крах старых государств и их рутинной мудрости... короны дюжинами валяются по мостовым, и не находится никого, чтобы поднять их».*

Что. и это — «продолжение политики»? Согласитесь. что *«крах их рутинной мудрости»* — это явно о старых, довоенных политических планах.

Кстати, война (Первая мировая) России с Германией продолжалась и в 1917-м. Это что: «продолжение» царской политики — уже отрекшегося, арестованного царя? ... Война продолжалась и даже в 1918 году — это что: продолжение «буржуазно-временной» политики разбежавшегося Временного правительства и переодетого в женское платье Керенского?

Проигравшими в Первой мировой считали себя абсолютно все — это был крах всего мира Bell Epoqe («Прекрасная Эпоха» — устойчивое обозначение двух примерно десятилетий до Первой мировой войны. Прогресс, Конгрессы...).

И даже замечание Троцкого: *«Современные войны ведутся не тем оружием, которое имеется у воюющих стран накануне войны, а тем, какое они создают в процессе самой войны»*, — как-то косвенно говорит примерно о том же. Современная война — это всегда новая реальность.

Теперь оборотимся к анекдоту, приведенному мной в «Мюнхенской главе» этой книги, где описывается, как...

Собрались как-то в Мюнхене англичанин, француз, немец и итальянец... и немец сразу же объявил, что его войска войдут в Судеты — вне всякой зависимости от переговоров. И тогда англичанин, француз, немец и итальянец подписали договор, что действительно «пускай входит». А чешские представители Массарик и Местный (фамилия) ждали, действительно — в прихожей. А еще немец и англичанин, там же, в Мюнхене (раз уж приехали!) подписали отдельный договор, который некоторые въедливые историки называют «фактическим Германо-Британским пактом о ненападении»...

Известно, что за три дня до того, как герои мюнхенского анекдота собрались, один из них — немец, получил от американца (Рузвельта-президента) письмо с одной очень интересной фразой, которая, в общем-то, к Мюнхену отношения не имела, но была все-таки очень важной фразой, которую мы рассмотрим в главе «Право большой войны».

Так вот, писал Рузвельт-президент Гитлеру-фюреру тогда дословно следующее: «*... Социальная структура каждой вовлеченной в войну страны может рухнуть*». Мудрый был человек. Так о чем же это он: о «продолжении» или о Конце политики?

Но, может, истины здесь вообще нет, и прав другой гений — Мао Цзэдун, выпустивший в обращение знаменитые лозунги: *«Винтовка рождает власть»* (это скорее на нашу с Кэттоном мельницу), а потом, так же легко, и *«Партия управляет винтовкой»?..*

На кого более всего мне не хотелось бы походить в этой главе, так это на авторов книг, а чаще брошюрок (наверняка вам попадались), где «на пальцах» опровергается теория относительности Эйнштейна, законы Ньютона или вообще вся мировая история, хронология и т.д.

Я, разумеется, не возьмусь здесь, на 10 печатных листах, опровергать книгу «О войне» Клаузевица. Я просто констатирую, что кроме Клаузевица есть еще теоретики, и предложу вам на выбор самые конечные выводы их теорий (при условии, конечно, добросовестного цитирования).

По Клаузевицу, война играет подчиненную по отношению к политике роль, и только политика определяет цели, которые преследует та или иная война, масштаб войны, объем прилагаемых усилий и пр. Тем самым отношениям придается чисто иерархический характер, когда политике отводится роль вышестоящего по иерархии управляющего элемента, определяющего и направляющего ход боевых действий и военной кампании в целом.

Вот Клаузевиц дословно: «может возникнуть мысль, что политика может выдвигать перед войной требования, которые она не в состоянии выполнить; но данная гипотеза бросает вызов естественному и неизбежному предположению, что *политика знает инструмент*, который намерена использовать».

А вот, например Джон Киган (John Keegan): «... для многих обществ война обеспечивает больше религиозные, культурные функции, нежели чисто политические». Понятие культуры при этом определяется как «разделяемые верования, ценности, ассоциации, мифы, табу, императивы, обычаи, традиции, предания и стиль мышления, речь и художественная выразительность, придающие устойчивость любому обществу».

Вспомните тут роль Великой Отечественной в нашем сознании, в воспитании поколений!

По оценке Кигана, утверждение Клаузевица, «о войне как о продолжении... и т.д.» — *«неполное, узкое и предельно непоследовательное»*.

Рассел Уигли (Russell Weigley): «политика имеет тенденцию становиться инструментом войны ... война, начавшись, всегда имеет тенденцию генерировать собственную политику, создавать свой собственный моментум

(инерцию), делать устаревшими политические цели, во имя которых она была начата, выдвигая свои политические цели... динамика военного конфликта, особенно когда она имеет тенденции перехода к *тотальным формам*, диктует свои ограничения и подчиняет себе политику».

«Тотальные формы» — это ведь назван еще один из синонимов, или одно из измерений того, что я условно называю «Большой Войной». «Тотальная», «современная» (у Энгельса и Троцкого), народная, отечественная (у нас), мировая (у всех).

А еще: «*Великая мировая*» — так, если заглянуть в периодику той эпохи, долго, примерно с 1915-го — и до 1941 года называли Первую мировую. Пока наконец не поняли, что и уже идущая Вторая — тоже мировая война.

Мартин ван Кревельд (Martin van Creveld): «Если исходить из того, что война является продолжением политики, то надо признать, что война является рациональным расширением воли государства, то есть мы имеем дело не с чем иным, как банальным и бессмысленным клише. Более того, если война есть выражение воли государства, это означает, что она не затрагивает другие, иррациональные аспекты и мотивы, влияющие на войну». Согласно Кревельду, Клаузевиц описывает, каковой *должна быть природа войны,* но никак не реальную ее природу.

Но пока не поступало никаких подтверждений в пользу клаузевицкого постулата в виде ударов молний, гласа с небес («Сего слушайте, в нем истина пребывает! »), мы с вами вольны выбирать. Правда, вряд ли перечисленные Джон Киган, Рассел Уигли, Мартин ван Кревельд или Брюс Кэттон (упомянутый в начале главы) так уж известны, а наш Карл — это Имя, это брэнд, который раскручивали, пиарили два века, в том числе Гитлер и Муссолини с Лениным.

Да-да, и Гитлер, в последний день, в бункере, в своем политическом завещании его помянул (хотя, может, и совсем не к месту):

«... Этим я из глубины моего сердца выражаю благодарность всем вам, как единственное свое желание, чтобы вы, несмотря ни на что, не захотели отказаться от борьбы, но и дальше продолжали ее против врагов отечества, неважно где, верные убеждению великого Клаузевица».

В защиту Клаузевица Питер Парет (Peter Paret) пишет: «... происходит отрыв от исторического контекста, в котором была написана работа, и Клаузевиц выглядит «фрагментарным и противоречивым в своих поисках в силу неразвитости нашего исторического сознания».

Вот именно это добротное описание — «каковой *должна* быть природа войны» — разве вам не напоминает знаменитое толстовское описание предаустерлицкого военного совета?

Вейротер диктует пространную и гениальную диспозицию: «Дер эрсте колонне марширен... цвайтише колонне марширен...» — и Наполеон гарантированно уничтожается. Тут следует чье-то робкое замечание, что одно только выдвижение французов вперед на Праценовские высоты сразу же изменит исход битвы — ровно на противоположный. Вейротер изумленно смотрит на дилетанта: «Нет, такого выдвижения не предполагается».

Мишель Гендель (Michael Handel) и еще целый сонм ученых утверждают: «... изменились не наши интерпретации, а сама природа войны... наши трудности в понимании Клаузевица связаны с тем, что мы живем в реальности, которая качественно отличается от той, в которой жил и работал он».

Что и говорить, в «реальности, в которой жил» Клаузевиц, не было СС, газовых камер, печей и всего прочего. Однако фактически, он. Клаузевиц, ведь тоже участвовал в Большой Войне, «Большой» — в смысле определения, предлагаемого в этой книге, в войне из тех, что *сама берет на себя командование* — и участвовал, подчеркнем, весьма достойно. Как офицеру Клаузевицу Россия может быть

благодарна за один существенный эпизод. В 1812 году забитая, запуганная Пруссия была вынуждена выставить и подчинить Наполеону целый корпус, который воевал с нами на рижском направлении. И офицер российской службы Клаузевиц, вступив в переговоры с прусским корпусным командующим генералом Йорком, поспособствовал его переходу на нашу сторону (правда, случилось это в период... когда Наполеон уже давно держал в кармане яд, на случай плена)...

Но в манерах и нравах участников той Большой Войны (с Наполеоном), было еще много от влияния гуманистов, рыцарства... от того же Гуго Гроция. И те элементы новизны, тотальности, что потом так разовьются в войнах XX века — их Клаузевиц не разглядел.

Но вот мы вспомнили Аустерлицкий военный совет и толстовский сарказм по поводу *«Дер эрсте колонне марширен»,* и уже трудно заставить себя отложить взятую для сверки цитат «Войну и мир». А ведь на страницах гениального романа, между прочим, Клаузевиц и самолично появлялся. Правда, один раз и мигом, но что это за миг...

В ночь перед Бородинской битвой... Пьер Безухов подошел к князю Андрею Болконскому и только что хотел начать разговор, как по дороге недалеко от сарая застучали копыта трех лошадей, и, взглянув по этому направлению, князь Андрей узнал Вольцогена с Клаузевицем, сопутствуемых казаком. Они близко проехали, продолжая разговаривать, и Пьер с Андреем невольно услыхали следующие фразы:

— Война (Дер криг....) должна быть перенесена в пространство (им Раум). Это воззрение я не могу достаточно восхвалить, — говорил один.

— О да (О, йа...)

— О, йа...

— Да им Раум, — повторил, злобно фыркая носом, князь Андрей, когда те проехали. Им Раум-то у меня остался отец, и сын, и сестра в Лысых горах. Вот оно то, что

я тебе говорил, — эти господа немцы завтра не выиграют сражение, а только нагадят, сколько их сил будет... Они всю Европу отдали *ему* и приехали нас учить...

— Так вы думаете, что завтрашнее сражение будет выиграно? — спросил Пьер.

— Да, да, — рассеяно сказал князь Андрей. — Одно, что я бы сделал, ежели бы имел власть, — начал он опять, — я не брал бы пленных. Что такое пленные? Это рыцарство... Ежели бы не было великодушничанья на войне, то мы бы шли только тогда, когда стоит того идти на верную смерть, как теперь... Тогда бы все эти вестфальцы и гессенцы, которых ведет Наполеон, не пошли бы за ним в Россию, и мы бы не ходили драться в Австрию и в Пруссию, сами не зная зачем. Война не любезность, а самое гадкое дело в жизни...

Просто трудно прервать пересказ... Кстати, и этот Вольцоген, процокавший вместе с Клаузевицем мимо Пьера и князя Андрея — это тоже подлинный, исторический персонаж. Вольцоген был адъютантом генерала Пфуля. А Пфуль был в 1812 году автор «русского плана» войны (Дрисский лагерь... и т.д.). А ранее он же был автор плана, закончившегося Йено-Ауэрштедским сражением и уничтожением Пруссии за две недели...

... глядя на Пфуля, князь Андрей вспоминал и генерала Вейротера и генерала Мака (сдавшегося под Ульмом в 1805 году и сильно «подставившего» русских) ... и далее за князем Андреем вступает уже сам автор, Лев Николаевич, в том известном пассаже: кто и как самоуверен (англичанин, француз, итальянец).

«... Немец самоуверен хуже всех, и тверже всех, и противнее всех, потому что он воображает, что знает истину, науку, которую он сам выдумал, но которая для него есть абсолютная истина. Таков, очевидно, был Пфуль».

И если, после всего сказанного, требуются еще пояснения: с чего это сегодня автор ополчился на покойного Клузевица, суммирую.

Именно сегодня правозащитники и все делающие ставку на политкорректность в Совете Европы, ПАСЕ, Голливуде формируют стереотипы, оформляют претензии, пестуют поколения. Если нет, не было Большой Войны со своим правом, а была так... «война — продолжение политики» (а в их сознании и «война — продолжение политкорректности»), то Россия всегда будет виноватой, объектом претензий (зачастую и официальных, финансовых претензий). Самый кричащий пример: Литва недавно определилась с суммой финансовых претензий к России «за оккупацию». Сдающая Гитлеру города, Литва, с которой можно было бы поступить и как с флотом в Мерс-эль-Кебире, но только — в Большой Войне. Которая (Большая Война) — не есть, никак не может быть — «продолжение политики».

"Большая Война" в небольшом королевстве

Судить читателям, но я для иллюстрации главного теоретического положения своей книги примеры выбираю скорее по принципу оригинальности и занимательности. Возможно, есть и какие-нибудь таблицы, диаграммы, также подтверждающие, что «война — не есть продолжение политики другими средствами». Но мне кажется, что в сфере таких не строго определенных понятий, как «война» и «политика», составление любой цепочки формальных доказательств может вылиться в бесконечный спор о терминах. Поэтому один оригинальный и выразительный факт, мне кажется, будет убедительней. Поэтому... продолжим выковыривание изюма из булочек истории.

Собственно, следующий пример — одна короткая и яркая цитата, но требующая, к сожалению, не очень коротких и, скорей всего, не таких ярких моих пояснений.

Уинстон Черчилль в своей «Истории англоговорящих народов» (A history of the English-Speaking Peoples, 4 тома,

NY 1956—1958) дает такое вступление к рассказу о Второй гражданской войне в Англии:

«Расклад сил во Вторую гражданскую войну был прост донельзя. Король, палата лордов и палата общин, лендлорды и торговцы, город и крестьянство, епископы и пресвитеры, шотландская армия и Британский флот — все выступили против армии «новой модели». И армия со всеми справилась».

Пояснения здесь требуются следующие. «Расклад сил» в Первую гражданскую войну (1642—1646) был, наоборот, чрезвычайно сложным. Можно сказать, *около десяти* различных субъектов воевали, заключали перемирия и переходили с одной стороны на другую. Весьма приблизительно было так:

Аристократия, крестьянство, англиканский епископат, Север и Запад страны были за короля. Средний класс, купечество, флот, Центр, Юг, Лондон — за парламент.

Ирландцы, шотландские пресвитериане меняли линию фронта.

Парламент, из одной стороны — «против короля» — раскололся, и сторон конфликта стало несколько.

И посреди этой сложной политической кутерьмы Кромвель (по приказу парламента) постепенно формировал армию «новой модели».

А когда парламентские (английские) пресвитериане провели закон о роспуске армии в 1648 году, армия новой модели не подчинилась, и... далее см. выше.

Вот она, логика «Большой войны». Шесть лет, с 1642 года, идет «политическая война». «Армия новой модели» и была тем самым, по Клаузевицу, «другим средством продолжения политики». Но однажды количественный рост ее (новой армии) мощи перешел в новое качество, и... война продолжила сама себя. Все политики, бывшие враги, все действующие лица Первой войны, собираются на одной стороне. На противоположной — бывшее «другое сред-

ство» одного из них. И... Черчилль, несомненно, чувствует этот парадокс, что и позволяет ему выстроить столь элегантную фразу.

Гражданская война тоже порой сама берет на себя командование

Чье негодование и даже изумление мне так хорошо понятны — так это изумление и негодование героев нашей Революции и Гражданской войны где-то в начале тридцатых. Для краткости персонифицируем их, вообразим, например, Зиновьева.

Позади такие годы... ходил по пояс в крови, хватал и расстреливал тысячи заложников. Но и белогвардейцы тоже стояли в пяти километрах от Северной Трудовой Коммуны (так одно время назывался Санкт-Петербург), были в пяти минутах от поимки и вздергивания вождя Коминтерна...

И вот, наконец, тишина и мир... страна работает. Власть сохранена. Материальные блага теперь отпускаются пропорционально пережитым рискам... Из города Зиновьевска (бывший Елизаветград) к каждой славной дате шлют трудовые рапорты, приветствия и гостинцы... По уровню «либерализации» СССР 20-х годов примерно был равен России 90-х. Свободный въезд и выезд, иностранцы гуляют, валюта конвертируема — меняй и поезжай смотреть Европу. НЭП. В ВКП(б) — легальные платформы и фракции, обсуждение различных программ, почти в парламентских формах. «Совместные предприятия» с западными фирмами, концессии. Армия сокращена в 10 раз и переведена на предельно экономный территориально-милицейский принцип комплектования, потому как — полная Победа... Вроде пересидели... И вдруг, 5—7 лет спустя, как-то все снова... Какое-то «обостренье классовой борьбы», откуда-то взялись «вредители», опять расстрелы, и уже все чаще — расстрелы «победителей». Никакой логики!..

В России в «Первую гражданскую» расклад сил тоже был сложен: белые, красные, зеленые, атаманы, интервенты, эсеры, монархисты. В ВКП(б) — несколько группировок. «Силовики» сгруппированы вокруг трех центров: Штаб Рабоче-Крестьянской Красной армии, Реввоенсовет, ЧК. Красная армия в целом не стала главной новинкой, феноменом, ключом к Победе — подобно армиям Французской и Английской революций. (Чтобы долго тут не спорить, просто напомним: кромвелевская «новая модель» покорила Ирландию, французская — вообще пол-Европы. РККА — провалилась в Польше). Похоже, по целому ряду причин, главным феноменом, главным фактором Победы в нашей Первой гражданской стала не армия, а «полиция новой модели», ЧК. Хотя она и оставалась тогда лишь одной из силовых структур, под началом вполне лояльного Дзержинского.

Но вот наша Гражданская война тоже сама берет командование собою на себя. «Полиция новой модели» вдруг выскальзывает из рук двух безусловных политических руководителей страны с 1917 года: Председателя Совнаркома и Председателя РевВоенСовета, выбирает себе в вожди начальника третьестепенной структуры (Секретариата ЦК) — и доводит Гражданскую войну до логичного (тотального) конца...

Перефразируя Черчилля, можно сказать:

...Уцелевшие эсеры и меньшевики, троцкисты, рабочая оппозиция, децисты, профсоюзы, зиновьевцы, кулаки, военспецы, группы Рюмина и Рыкова, бухаринцы, Рабоче-Крестьянская Красная армия — все выступили против «Полиции новой модели».

И «Полиция» со всеми справилась.

Глава 7
Споры историков с Резуном

Общеизвестно, что сегодня в российской военной историографии главный спор идет вокруг идеи, «вброшенной» Суворовым-Резуном:

СССР планировал нападение на Германию, и Гитлер упредил Сталина буквально на 2 недели («суворовская» дата сталинского наступления — 6 июля 1941 года).

Язык Суворова-Резуна — яркий, эмоциональный, его аргументы часто найдены в местах, «куда ранее не ступала нога историка-популяризатора», изложены всегда понятно и вроде бы убедительно. Поддержка многих западных СМИ тоже на его стороне. Вот рецензия в предисловии к «Ледоколу»: «Мнение Виктора Суворова в области обороны становится общественным мнением. Он его формирует». «Интернэшнл дефенс ревью», Женева, сентябрь 1989 г.

Но настоящие историки, российские патриоты находят теперь и не менее убедительные контраргументы, доказывая, что СССР планировал оборонительную войну против Германии. Например, Алексей Исаев, Андрей Зорин, Олег Тишков оперируют серьезными фактами и не уступают Резуну в эмоциональной убедительности.

Не хочется становиться в позу фокусника, но я считаю (и постараюсь это доказать), что по одному вопро-

су, главному в этой книге, обе точки зрения в общем-то верные, и главное... вполне патриотичные. Да-да, жутко выговаривать, но у перебежчика, предателя, антисоветчика Резуна главный *исторический* тезис — отнюдь не антисоветский.

Механика этого фокуса проста. Возьмите два обсуждаемых варианта:

1. СССР планировал обороняться от Германии.
2. СССР планировал атаковать Германию.

Добавьте третий вариант (опробованный на тот момент всей Европой!):

3. СССР планировал перейти на сторону Германии.

Потом объедините первые два варианта (ибо что обороняться, что наступать-воевать), и у вас получится:

1. СССР планировал воевать с Германией.
2. СССР планировал перейти на сторону Германии.

Конечно, все прекрасно понимают, что о переходе по «чешской модели» («упреждающая капитуляция») речи быть не могло, но ведь моделей перехода на тот момент было опробовано достаточно: по факту перехода границы (Дания), по факту бомбежки (Нидерланды), по факту высадки воздушных десантов (Норвегия), по факту реальной угрозы столице (Франция), по факту отыскания общих геополитических целей (Финляндия, Венгрия, Румыния). Теперь допустим, что «тот самый пакт» — действительно пролог к переходу в гитлеровский лагерь (в чем зачастую и обвиняют СССР), а не к яростной борьбе...

■ ДИЛЕТАНТСКИЕ ЗАПРОСЫ

А кто, собственно, прав, Резун или антирезунисты?

Но ведь любой генштаб обязан планировать, просчитывать, прорабатывать одновременно все стратегические варианты. И оборона в генштабах всех европейских держав рассматривалась, как временная, вынужденная, как подготовка к наступлению. Алексей Исаев в «Антисуворове» пишет:

«... за кадром (у Резуна) остался вопрос, у кого они были оборонительные? Все планы войны крупных держав — участников двух мировых войн двадцатого столетия были наступательными. Причем наступательный характер не зависел от того, кто явится инициатором войны. Для военного планирования это было абсолютно безразлично, планы вопрос очередности объявления войны не рассматривали.

Оборонительными были только планы мелких стран, основной линией планирования в этом случае была упорная оборона в надежде на то, что могущественные союзники сокрушат напавших на страну-карлик противников.

И если дилемма — воевать или перейти на сторону врага — решена как «воевать», — то ничего принципиально взаимоисключающего в наборах «атакующих» и «оборонительных» мер нет.

И главное! Согласитесь, что при такой постановке вопроса и резуновские, и антирезуновские аргументы по сути патриотические. Один нашел сто доказательств плана грозной атаки через Румынию и Венгрию на рейх. Другой нашел сто доказательств, что планировалось стоять насмерть на «Линии Сталина». Значит, в сумме найдено двести доказательств, что СССР не планировал передать свой потенциал Гитлеру!

... А вот возражения *против реальности «варианта перехода на сторону Гитлера»*... О, это такой противоречивый клубок истинно героического и невыносимо гнусного, что, право, долго подумаешь, прежде чем брать его в руки.

1. Аргумент историков, дипломатов: «Всегда, во всех коалициях, все государства-участники попугивали друг друга возможностью сепаратного мира». Разыгрывать карту угрозы сепаратного мира — это чаще элемент давления на союзников, и тут еще очень далеко до реализации подобного шага...

2. Возражение, допустим, ленинградца или сталинградца 1942 года: «Да это вообще невозможно — жить под гитлерюгой».

3. Аргумент «объединенного европейца» 1942-го (или 2002 года). «Ну, мы-то хоть и не германцы, но все же культурно более близки, экономически более интегрируемы и полезны. Вот Гитлер и нашел для нас работенку (потому и заводы-электростанции взрывать — ни-ни, иначе светят каменоломни в Тюрингии). А те — скифы, им грозит полное уничтожение, пускай и воюют насмерть».

Из этих трех, конечно, «приятнее» всего поговорить с третьим.

— Мсье (пан), ваши конструкторские бюро и заводы, конечно, прекрасны, «Рено» и «Шкода» — прекрасные машины, но в плане чисто теоретического сравнения потребностей вашего бывшего управляющего Адольфа, танки Т-34 были ему гораздо более интересной и нужной вещью. Захватывая их на поле боя (это случалось, да, и часто), немцы разбирали и пытались копировать их (безуспешно), давали воевать на них своим отборным экипажам. И уж конечно уральские заводы, их производящие, и Кировский (КВ-2), были бы для вашего Адольфа гораздо более желанными объектами. Не говоря уже про те безымянные «номерные» заводы — изготовители «катюш» и Ил-2.

А насчет расово-культурной близости как гарантии от освенцимов... Фюрер был вообще странной, фантастической личностью. Х-художник. Постичь расовый тип какого-либо народа можно, только увидев (тут он прав) его подлинных представителей: крестьян и крестьянских де-

тей. Потому-то и впечатлениям венского калейдоскопа своей юности (завсегдатаи салонов, пивных, «меблирашек») Гитлер решающего значения не придавал. А повторял фразы вроде: «Эльзасский крестьянин — чрезвычайно расово чистое существо. Что думает, делает эльзасский крестьянин — необычайно важно». В Первую мировую Гитлер воевал на Западном фронте. Потому-то он и был так потрясен (не меньше, чем Сталинградом) впервые увидев под Винницей белоголовых русских детей. «Да они же большие арийцы, чем мы! » — подавленно признавался он соратникам. Правда (фюрер есть фюрер!), изучив этот вопрос со всей дотошностью, он все же нашел, что «... к 14 годам арийский тип все же сильнее проступает в немецких детях».

То есть «чемпионат по арийскости»: детская сборная России выиграла, а юношеская проиграла (при единоличном судействе фюрера). Так что причудливый ваш фюрер мог мгновенно и самым разительным образом изменить «рейтинг» любого европейского... контингента.

Впрочем, нет, было у него и одно неизгладимое «расовое впечатление», вынесенное из школы. В «Застольных беседах» он вспоминает: *«В нашем классе маленькие чехи плакали — в день, когда пришло известие о падении Порт-Артура. А я — вот с тех пор и полюбил Японию!»*

Занятный психологический этюдик. Паршивец, он еще и о России-то ничего не знал, но Японию полюбил — не как покорительницу Порт-Артура, а как наказательницу «маленьких чехов», лупивших его в школе. И далее важный вывод — в протянутые уши окружающих его «застольных» генералов: «Чехи всегда будут надеяться на «матушку-Россию! »...

Если бы!.. В 1938-м!

ДИЛЕТАНТСКИЕ ЗАПРОСЫ

*Но ведь Резун в «Ледоколе» пишет **не только о сталинском** плане атаки в 1941 году, но и...?*

Да-да. Именно... Резун еше пишет, что Сталин чуть ли не сам усадил Гитлера в канцлерское кресло. А вот это уже — совершенно «особь статья». И «Ледокол», и все прочие военно-политические тексты Резуна определенно распадаются на две части, условно говоря, военную и политическую. Это не игра слов. Линия водораздела столь объективна, прослеживается даже в самой фактуре текста, словно под одним «лэйблом» пытались «спаять» совершенно несродные материалы: сталь и фанеру, например. «Военный» Резун, *«душа пуста, мозг полон номерами дивизий»*, в общем-то, вполне адекватен одной узкой теме — доказательству того, что Сталин в 1941 году планировал атаковать (или контратаковать?) Гитлера. Здесь он (Резун) неутомимый ткач, и его полотно, его собственная сеть доказательств прочны. Сотни, тысячи примеров, одни «его» склады яловых сапог на границе в 68-м и 41-м чего стоят! Здесь все его «номера дивизий в мозгу». А вот «политический» Резун, пытающийся взвалить на Сталина вину за приход Гитлера к власти — тут не плотная ткань, а пара гнилых ниток. Дико и смешно строить «доказательную базу» на цитате Троцкого: «Ах, если бы не было Сталина, не было Гитлера, не было гестапо! » Да даже если б это Резун-школьник писал реферат, его можно было бы пожурить: «Бывают цитаты-доказательства, а бывают цитаты — как бы вздохи».

Вот и самая кратчайшая цитата из начальника германского генштаба Гальдера: *«... но континентальное мышление фюрера...»* — это косвенное, совершенно нечаянное свидетельство. Это цитата-доказательство... Речь там шла о многих вариантах предлагаемых Гитлеру колоний, так сказать, «африканских и азиатских мюнхенских идеях». И Гальдер вздыхает, что *континентальное мышление фюрера* не позволяло ему всерьез даже рассматривать подобные предложения. Все мысли — о континенте, о Евразии, то есть о советских территориях. Войны на Западе — разве только необходимое обеспечение Главной войны — на Востоке. ...

Должен признаться: словечко «ах» в «базисную резуновскую цитату из Троцкого» я добавил сам, для довершения картины, но и так ясно, что это *типа вздоха.* Муж постылой жене: «Ах! Если бы не ты, я бы мог стать профессором, академиком! » И наоборот: «Ах, если бы не ты — я бы могла выйти замуж за... миллионера! » Даже этот довесок у Троцкого с первой попавшейся бытовой деталью: «... и гестапо бы не было! » — подтверждает психологический рисунок. Почему гестапо? не СС, не СД?... А это как: «... ах! ни тебя бы, ни твоих... грязных носков! »

Строить базу на таких эмоциональных «ах, если б» выгнанной в Мексику жены (или «политической проститутки». по другому известному определению) — это просто дурной тон. И вся резуновская политическая часть — это еще несколько таких же цитат Троцкого 1936, 1938 и 1939 годов. *«Сталин окончательно развязал руки Гитлеру, как и его противникам, и подтолкнул Европу к войне» (ноябрь 1938). «СССР придвинется всей своей массой к границам Германии как раз в тот момент, когда Третий рейх будет вовлечен в борьбу за передел мира»* (июнь 1939). И все эти «наисекретнейшие сведения», все эти «горячие репортажи» — с родины текилы, где сидит уже более десяти лет, как отставленный от дел, Троцкий.

Если не жалко 35 рублей, у метро найдите «Ледокол» и — убедитесь. А лучше загляните в Интернет.

А нашим историкам я бы посоветовал обратить внимание: Резун действительно неутомимо роется в военных архивах, чутко находит факты, оказавшиеся вне поля зрения многих, и ловко преподносит их. Надо признать, что он, Резун, образно говоря, привел на поля бывших сражений Второй мировой целую новую армию читателей. Но его «исторические» книги — не конкуренты серьезным работам того же Исаева. Он в ряду Коэльо, Дэна Брауна, Донцовой, Корецкого, Толкиена. То есть, когда человек выбирает почитать: про бандитов-алхимиков-проституток-артистов — или «про войну».

Значит, нужна просто другая модель использования Резуна. Например, человек выпускает свинью на трюфельное поле, свинья сначала ищет, потом отрывает трюфели, *но* на этом ее «сотрудничество» заканчивается. Человек находит другое применение трюфелю, отличное от желаний его хрюкающего «сотрудника».

К появлению в Европе нового Большого Врага мы если и причастны (неудачными инструкциями немецким коммунистам), то это как бы на философском уровне «взаимосвязанности всего сущего» и примерно в той же мере, в какой причастны Польша, Мексика, Мальта, Тибет, Гваделупа...

«Приход Гитлера» — это ведь три шага, примерно равные по значению:

1) победа НСДАП на парламентских выборах,

2) назначение президентом Гинденбургом 30 января 1933 года Гитлера канцлером,

3) смерть Гинденбурга 2 августа 1934 года и предшествовавшее несколькими днями решение, что в случае этой смерти президентом станет канцлер.

А потом уже Гитлер провел еще одну государственную рокировку: сохраняя пост канцлера, присвоил себе звание фюрера, а пост рейхспрезидента отменил. И ввел положение, что все без исключения армейские офицеры обязаны были присягать на верность, но уже не конституции, а фюреру, то есть лично Адольфу Гитлеру.

Теперь вернемся к этим трем шагам наверх.

1) На парламентских выборах, действительно, Гитлеру помогло нежелание социалистов и коммунистов объединиться. Резун тут долго мусолит фамилию коммуниста Реммеле, про которого наконец выясняется только, что *«он был ярый поклонник Сталина»*. Кошмарное разоблачение. Но ведь и по всей Европе социалисты очень трудно и редко сходились с коммунистами. Уж так они задуманы, и «Интернационалы-то» у них разные (Второй и Третий).

2) Нельзя забывать, что канцлера-то все равно назначал президент Гинденбург — иногда сообразуясь с парламентскими раскладами, а иногда и нет. Только 1932 году он, Гинденбург, 28 марта назначил канцлером Генриха Брюнинга, сформировавшего правительство и 30 мая ушедшего в отставку (по требованию Гинденбурга, в дальнейшем для краткости будем писать: «уволен Гинденбургом.)

3) Далее, 1 июня канцлером назначен Франц фон Папен — уволен 17 ноября. Далее, 3 декабря назначен фон Шлейхер — уволен 30 января 1933 года. Далее, назначен Гитлер.

Гинденбург был абсолютной и непререкаемой фигурой в Германии, а почему он ей стал? Вот вам пример на уровне «взаимосвязи всего сущего»: Гинденбурга таким, м-м... *«квази-кайзером»* (да простится мне этот термин) действительно сделали русские, потому что дали себя разбить под Танненбергом. Эта победа Гинденбурга в 1914 году (причем практически на месте исторического Грюнвальда, где за 500 лет до того тевтоны были разгромлены польско-литовско-русским войском) спасла Германию и дала ему такой авторитет и славу, что... Но если разматывать дальше, то и Гинденбург победил потому, что русские не отмобилизовавшись и в нарушение всех планов бросили вперед и в одиночку армии Ренненкампфа и Самсонова — по страстным французским мольбам, спасая Париж и отчасти спася его (немцы перебросили в Восточную Пруссию войска, которых им не хватило для реализации Плана Шлиффена) ... Вот они, истинные силовые линии взаимосвязей в мировой истории.

НО, даже только чтобы *вообразить фельдмаршала старой школы, величественного прусака* Гинденбурга, советующегося со Сталиным по назначению своих канцлеров, это... это надо отступить на тысячу лет, наново переписать и переврать всю мировую историю, всю хронологию, позвать Фоменко с Носовским — и то такого, пожалуй, не представишь.

Вот чем Гитлер принципиально отличался от всех трех предыдущих канцлеров 1932 года, так это наличием у него своей собственной армии, даже двух: отряды СА Эрнста Рема (это практически полностью своя гвардия), и отряды «Стального шлема» (ветераны рейхсвера, «хозяин» — Альфред Гугенберг, капиталист, один из богатейших людей Германии).

Особенность политической жизни Германии тех лет: многие партии имели свои полубоевые отряды. И коммунисты, и даже социалисты (да-да, у них были «зеленорубашечники»). Такой вот был, говоря по-современному, «дресс-код»... Кстати, и известная фраза Гитлера «Кто хозяин на улице — тот хозяин в Германии» — это именно о той «романтике» уличных потасовок, срывах чужих и охране своих митингов. Так вот, Хозяином на улице Гитлер стал, когда к его «коричневорубашечникам», СА, мультимиллионер Гугенберг согласился присоединить своих «стальношлемовцев». Это произошло примерно в те же дни, когда экс-канцлер Папен вместе с Тиссеном, Круппом просили Гинденбурга за Гитлера.

Коммунисты (даже если их признать на 100% сталинцами) стояли дальше всех от этих комбинаций, более того, были мишенью и главной жертвой договаривавшихся в приемной Гинденбурга сторон.

Книга «Повседневная жизнь Берлина при Гитлере», автор — Жан Марабини, хороша именно свой «недиссертационностью». В ней нет сквозной теории, но есть несколько сотен микросвидетельств политиков и «маленьких людей», дипломатов и корреспондентов западных газет в Германии. Автор словно гулял с диктофоном по улицам Берлина тридцатых годов. И он свидетельствует: *в 1932 году даже немецкие евреи(!) больше боялись коммунистов, чем Гитлера,* (немецкие евреи были на 90% люди состоятельные).

Пример настоящей, признанной историками всего мира помощи Гитлеру — это его фактическое спасение «мюнхенцами» в момент самой реальной угрозы потери власти...

Военное сотрудничество СССР и Германии (еще один резуновский пункт)? Но это как раз 20-е годы. С приходом Гитлера интенсивность совместных работ снизилась. После «пакта», конечно, наоборот, значительно выросла, но это уже другое, это маневр, на который имеет право Взявшийся за Большую Войну, реальные составляющие которой на тот момент были: и Испания, и Хасан, и Халхин-Гол.

Честно сказать, за предыдущие две страницы книги мне несколько неловко. Неловко излагать столь банальные истины. Но все же в завершение, для тех, допустим, кто на этот момент прочитал только... Резуна и Дэна Брауна. И такой осведомленный историк, как Черчилль, писавший свои воспоминания в период самого жестокого противостояния с СССР, нигде и ни разу не обвинил Сталина в том, что Гитлер пришел к власти.

Повторю, что в самом широком смысле на положение в Германии влиял не только СССР, но и Греция, Тибет, Мексика, Гондурас, Мальта... Весь мир... И... Швеция, тихая Швеция.

Обычно о шведско-гитлеровских связях повторяют одно: шведская железная руда. Да, руда из Кируны была основой германской металлургии. Немцы, так обожавшие эпитет «стальной», сталь — по происхождению — имели шведскую. И если каким-нибудь «меченым атомом» проследить тот сложный путь, окажется, что осколки и пули, которые еще носят в себе ветераны войны в России, Британии, США, раньше лежали под горой... далеко-далеко, на самом севере Швеции.

Можно сказать: продавали руду, бизнес есть бизнес. Можно сказать, и что откупились бесперебойными поставками от возможного вторжения Гитлера. План такой у фюрера был — разработки того же генерала Фалькенхорста, покорителя Норвегии и Дании. И не реализовался он, возможно, по причине «неискания добра от добра». Сейчас руда идет — тьфу-тьфу! — а в случае... возможны и ди-

версии Сопротивления, и бомбежки англичан. Если глянете на карту, выход из Кируны — одна тонкая нитка единственной железной дороги. Это не густая сеть дорог Германии, которые, сколько их ни бомби, работали до мая 1945 года. Кируну можно было отрезать одним авианалетом. Но *шведский «нейтралитет» оказался самой лучшей противовоздушной обороной путей снабжения рейха.*

А если перейти от мира вещественного, материального (пусть даже и такого любимого фашистами материала, как сталь), то окажется, что и в мире идей Швеция была связана с Германией.

Великий путешественник, ученый и писатель Свен Андерс Гедин — один из главных кумиров Гитлера. Человек при, том действительно благородный, он желал мира Европе и, как многие, считал истинным миротворцем фюрера. Открыто повторял, что сам он на четверть еврей. Кроме того, был большим другом России. (И тут Резун мог бы «по-ледокольному» разоблачить: *СССР и Гитлер «дружили через Гедина... и наверняка... сговаривались»*). Рейхсканцлер во все годы был рад подолгу беседовать со шведом. Именно Свен Гедин открывал Олимпийские игры 1936 года в Берлине.

Герман Геринг впервые в своей жизни увидел свастику в Швеции в замке фон Розенов. Первый в Европе институт расовой биологии был открыт в 1921 году, в «шведском Оксфорде», Упсале, и это был проект правящей тогда социал-демократической партии. Еще из шведских аналогов или даже предвосхищений, предшествия подобных мер в Германии — общий учет евреев Швеции. Но списки те не потребовались... Выходит, руда, железная руда спасла шведских евреев... Да, вот вам еще пример «взаимосвязи и взаимовлияния всего сущего». В Швеции были созданы и отряды «Северной молодежи» — «Нордиск унгдум», и тоже ранее, чем гитлерюгенд. В «Северной молодежи», кстати, маршировал и Ингвар Кампрад, впоследствии — основатель всемирной сети ИКЕА (Есть идея!).

По подсчетам журналиста Боссе Шона. 500 шведских добровольцев воевало в СС, в дивизиях «Викинг» и «Норланд». Рядовые там получали 311 крон в месяц, сержанты 563 крон, капитан 1200. Средний заработок тогда в Швеции был 270 крон. Один из этих шведских эсэсовцев был даже свидетелем на свадьбе Адольфа Гитлера и Евы Браун. И, завершая марьяжной темой, вспомним и Геринга, встретившего в Швеции «любовь жизни» Карину фон Канцов...

Это — Швеция. Ее можно бы записать, в современных терминах, в «ассоциированные члены» Объединенной (Гитлером) Европы. Может, кому-то и покажется, что факты ее соучастия в «фашистском проекте» как-то смонтированы, сведены для преувеличения, «выпячивания» ее, шведской, доли вины и ответственности. Нет, повторюсь, весь смысл этой книги в указании как раз на сходство ситуаций во всех (кроме Британии и СССР) странах Европы, и на полное сходство принятых ими решений. «Мы ценим и бережем свою материальную культуру. Мы — не фанатики. Кто-то другой должен будет пожертвовать своей недвижимостью и нас освободить».

Так что примите как доказательство «от противного»: автор не намерен «выпятить соучастие» *тихой, тихой Швеции,* чтоб за этим «раздутым примером» не спряталась... какая-нибудь *«тихая, тихая Голландия»*... А вот, кстати, пример и «голландского соучастия». подвернувшийся совершенно случайно, без какого-либо целенаправленного «поиска улик».

Одна из тяжелейших воздушных битв 1944 года на Балтике. Немецкая авиация, базируясь главным образом на Котку (Финляндия), держит наш флот в Финском заливе запертым, как в бутылке. (Вообще, нейтрализация значительных военно-морских сил исключительно авиацией — одно из главных немецких «ноу-хау» той войны.) Наши летчики долго пытаются прорвать эту блокаду, в длительных авиасражениях выявляется и главный оплот, прикры-

вающий базы люфтваффе — крейсер ПВО «Ниобе». 7 наших авиаполков, 132 самолета были брошены в решающий бой. В итоге «Ниобе» был все же потоплен, люфтваффе отброшено от Финского залива. Два наших летчика получили в тот день «Героя Советского Союза». И в финале драматичного описания наш автор мельком упоминает, что тот знаменитый «Ниобе» — это бывший голландский крейсер «Гельдерланд»...

И сколько таких примеров реального соучастия «Объединенной Европы» можно наверняка отыскать в анналах Второй мировой войны!

Голландская история войны упоминает о попытках обороняться, перечеркнутых «жестокой бомбардировкой Роттердама». Встречается и фраза «...но силы оказались слишком неравны», что в сочетании с тем фактом, что Гитлер, атакуя Бельгию с Францией, выделил на Голландию только 16 000 солдат, оставляет, конечно, интересное впечатление.

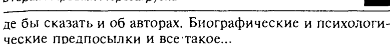
Справедливости ради надо сказать, подытоживая тему «влияния», что Резун по ней еще не высказался до конца. *«Как Сталин создал Гитлера, как помог ему захватить власть и укрепиться — отдельная большая тема. Книгу на эту тему я готовлю»,* — пишет он. То есть будут и «еще цитаты». Правда обещание это он уже почти 15 лет как выполнить не может. Неужели кончились мексиканские высказывания Троцкого? Что тут посоветуешь? Вот разве... фильм недавно вышел — «Фрида». О знаменитой художнице, мексиканской революционерке, боевой подруге и любовнице Льва Троцкого — Фриде Кало. Если уж в раскрытии темы прихода Гитлера к власти стали так важны политические обозрения «Глядя из Мексики», подобно тому, как на ВВС — «Глядя из Лондона». Может, в фильме еще поискать подтверждающих цитат? Действие там происходит как раз в 1939—1940 годах, коей поры свидетельства Троцкого уже так успешно использованы в «Ле-

доколах». Может, и «Фрида Кало» что-нибудь добавит, типа: *«Ах, если бы не Сталин, мой Левик был бы чисто второй Ленин! Второй Наполеон!»* Фрида, как и Троцкий в ту пору, была «в самой гуще исторических, революционных событий», но, что еще более важно, Фрида Кало сегодня очень «раскрученная» личность (может, и поболее Троцкого), ее в фильме сама Сальма Хаек играет! (А мечтали ее сыграть, даже умоляли об этом режиссера фильма — Мадонна и Дженифер Лопес!) Для попсовой книжки это будет просто — в самую десятку, вам любой рекламщик и пиарщик это подтвердят. Когда на обложке будет: *«Сенсационные новости о тайных причинах Второй мировой войны! Как говорила Фрида Кало, Троцкий говорил, что Сталин натравливал Гитлера!»*

А предисловие к «Ледоколу» написал Буковский, если помните такого. Приравненный к Луису Корвалану во время одной бартерной операции, а далее совокупным западным пиаром еще и более приподнятый, до фантастических котировок, — уж он-то наверняка разъяснит Резуну всю важность «информационных поводов», важность любых привязок к громким именам, VIP-персонам. Хотя бы и в такой форме: *«Последние разоблачения Дженифер Лопес! Знаменитая мега-звезда утверждает: "Фрида Кало, чьи тайные дневники я прочла, собираясь сыграть ее роль в одноименном блокбастере, неопровержимо свидетельствует: Гитлер был всего лишь пешкой в коварных руках Сталина!"».*

Два Вовы-историка (Буковский и Резун)

Некоторые главы моей книги дополняются портретами упоминаемых персон. И по мере приближения к финалу этой главы во мне нарастало некое тягостное чувство. Кажется, вот в чем тут дело. Долг историка, или, скажем, памфлетиста, требует доведения темы до предела. Опровергнув версию, которая мне кажется ложной, нужно вро-

де бы сказать и об авторах. Биографические и психологические предпосылки и все такое...

И вот, перебрав мысленно некоторые факты, аргументы, вдруг осознаешь совершенную безнадежность, невозможность ведения какого-либо спора, описания черт этих персон. (Зрительный образ этого усилия — вроде попытки сечения плеткой лужи какой-то жижи.) Понимаешь, что дело как раз именно в отсутствии персон. Перед тобой просто... говорящая (чавкающая) грязь... Объяснюсь, кстати, почему речь идет и об авторе «Ледокола», и об авторе предисловия к «Ледоколу». Кажется, вещи несравнимые, даже по объему. Но такое представление как раз идет от настоящих книг, с настоящими авторами, аргументами, настоящими темами для споров.

Здесь же полная безнадега в том, что все заслонено этими бесформенными и безразмерными (и бессмысленными) определениями: «диссидент», «жертва режима». И становится совершенно неважно, кто сам бежал, кого выменяли по бартеру, кто накатал книгу (1000 страниц), кто — лишь предисловие (5 страниц).

Но все же (придется) — окунемся... допустим, в Буковского.

«Смешно вспоминать теперь, но в те далекие годы антикоммунизм, да и просто негативное отношение к Советскому Союзу, были вроде дурной болезни в глазах западной интеллигенции, и честный бытописатель матерого социализма не мог рассчитывать не то что на признание своего таланта, а и просто на рецензию. Лишь немногим из нас удалось к тому времени пробить брешь в стене молчания.

Виктору же было еще труднее, чем нам. Ведь *даже мне* какая-то левая мразь в одном телевизионном споре осмелилась намекнуть, что, мол, "некоторые люди" могут расценить мои взгляды как "предательство своей страны". Но то было однажды, и мне, с моей биографией, легко было разделаться с той пакостью. Ему же с самого начала пришлось жить с этим бессмысленным клеймом...»

И переходя от «жалистного» к «логике»...

«... Победа революции в России была, по выражению Ленина, "меньше, чем полдела". Чтобы эта победа стала окончательной и бесповоротной, "мы должны добиться победы пролетарской революции во всех, или по крайней мере в нескольких основных странах капитала". Без их промышленного потенциала нечего было и думать о социализме. Отсюда и ленинский НЭП, и новая тактика "осады капиталистической цитадели", использования их противоречий для ускорения пришествия мировой революции, то бишь, начала мировой войны. Сталин в этом смысле был всего лишь верным учеником Маркса — Ленина».

Могу пояснить. Вся, абсолютно вся логическая цепочка Резуна сводится к следующему. Берется что-нибудь бесспорное, банальное, ну вроде: Si vis pacem — para bellum (хочешь мира — готовься к войне). И дальше ведется цепочка: Сталин готовился к войне? — Да, еще как! (далее — 130 страниц добротных, в общем, доказательств). «Так, значит, он и Гитлера поставил в канцлеры Германии — чтобы было с кем воевать! » (и об этом еще 5 страниц, тех самых, со «свежими» цитатами Троцкого 1939 года).

Так и Буковский: Сталин — верный ученик Маркса — Ленина? Да! А у Маркса есть тезис о неизбежности мировой революции? Да! А мировая революция — это ведь по сути мировая война? Верно. Ну так вот Сталин и...

Для таких силлогизмов действительно равно достаточно и 150 страниц, и двух абзацев. Но после этого Володям надо объяснить читателю, почему в настоящих книгах, настоящих историков (Черчилля, например), нет и следа подобной «логики на пальцах». Еще немного Буковского:

«Словом, понятно, что наши отечественные историки никак не могли признать изложенных в этой книге фактов, не признав природную агрессивность коммунизма и его ответственность в преступлении против человечества наравне с гитлеризмом. Но что же мешало западным историкам заметить столь очевидную истину?

Да ровно то же, что и их советским коллегам: конформизм. Ведь и здесь, на Западе, существуют могущественные политические силы, которые способны сделать глубоко несчастным любого умника, вылезшего с неугодными им откровениями. Признать, вслед за известным анекдотом, что Гитлер был всего лишь "мелкий тиран сталинской эпохи", здешний истеблишмент и сейчас еще не готов, а до недавнего времени автор такой теории был бы подвергнут остракизму как "фашист". Ни карьеру сделать, ни профессором стать, ни даже опубликовать книгу такой смельчак никогда бы не смог. Оттого-то и на Западе людей, решившихся открыто заявить себя антикоммунистами, нашлось не многим более, чем в бывшем СССР».

Вы только вообразите: «Черчилль — конформист! » В действительности трудно даже представить что-либо более несовместимое. (Вроде, м-м... «Колобок Резун перебежал не из ГРУ, а из балета Большого театра»). Самый талантливый, и уж конечно, безусловно, самый информированный летописец Черчилль был министром и до получения должности премьера в 1940 году. И, что существенно, пишет он свою историю не в момент дружбы-союза со Сталиным, между Тегераном и Ялтой, а в самый разгар холодной войны с СССР, объявленной отчасти им же. И даже близко Черчилль не считает Сталина (или немецких коммунистов) виновниками гитлеровского прихода к власти. Ах, ну тогда, значит, Черчилль — «конформист»!

И во всем у Буковского очень заметна логика человека, получившего должность в Кембридже именно *«за сугубое диссидентство».* Который хорошо понимает всю уязвимость своего положения: и «бартерная сделка: Корвалан — Буковский», и кембриджское его «кормление» — все лишь мельчайшие завитки большого исторического узора. Ну, подвернулся он случайной живой иллюстрацией к какому-то программному докладу о «... коммунистической угрозе и необходимости поддержки диссидентства»... но ведь

все может в одну минуту поменяться... «*Ведь и здесь, на Западе, существуют могущественные политические силы, которые способны сделать глубоко несчастным любого умника, вылезшего с неугодными им откровениями*». Вот образ, выбранный для себя: *умник, которого могут сделать глубоко несчастным*, эдакий... Акакий Акакиевич Геббельс.

А другой Вова-историк, захламивший известную часть полок наших книжных ларьков, недавно, на своей примерно 15-й — 16-й книжке предпринял новый маркетинговый ход: « Я беру свои слова обратно!» Пришлось, я заглянул, прочитал несколько страниц — похоже, да: Резун следующие 10—15 книжек действительно продаст под соусом частичных самоопровержений. Перед маршалом Жуковым он уже извинился. Но вот по самой важной (на мой взгляд) теме его «ледокольных» натяжек: Гитлера на Сталина (а по сути — взваливания на СССР ответственности за Вторую мировую войну) — тут самоопровержений нет... А вообще, это забавно: новый Иуда не вешается, а лишь старательно прибавляет к тридцати еще и 31-й — 35-й сребреники — за свои «Воспоминания о Гефисиманском саде». А потом еще и 36-й — 40-й сребреники — за «Поправки к Воспоминаниям о... Я беру свои слова обратно! »

И в эту плоскость с неизбежностью, по закону растекания полужидкой субстанции, перейдет любой разговор. Потому и закончим с «вовчиками-историками». И перейдем к историку — из самонастоящих.

Глава 8

«Слишком много Черчилля!»

Уже неизвестно, кто именно из журналистов запустил этот лозунг, но в 1915 году его подхватили очень многие британские газеты. Военно-морской министр в 1911—1915 годах, Черчилль имел перед страной достаточно много заслуг (включая энергичный перевод флота с угля на нефть), но в январе 1915-го он ввязался в длительную десантную операцию у Дарданелл.

Вроде бы русские уверенно громили турок на Кавказе, и никто не ожидал, что британский десант на полуостров Галлиполи, близ пролива Дарданеллы, будет так жестко и удачно турецкими войсками блокирован. Черчилль тогда начал лихорадочно и яростно, как бы это выразиться... тянуть все британское «военно-экономическое одеяло» к Дарданеллам, перехватывая резервы с главных фронтов, забывая, что вся эта операция была «запущена» как небольшая и всего лишь отвлекающая. Он ссорился с десятками морских и сухопутных военачальников, чиновниками и коллегами по правительству. Выбивая новые контингенты, «повышал ставки» и в итоге все же превратил обидное, но частное поражение в... крупное британское фиаско. В то время в газетах и появился этот слоган: «Слишком много Черчилля!» На языке оригинала это звучало, наверное, так: «Too much Churchill!» Сэру Уинстону пришлось подать в отставку. Ка-

жется, Ллойд Джордж тогда элегантно отметил: «органическую неспособность Черчилля занимать какой-либо пост, кроме премьер-министровского».

Нам Черчилль долгое время был известен по ленинскому определению: «Злейший ненавистник советской власти». На эти страницы он мог попасть и в другом, где-то даже противоположном качестве, например, как муж орденоносицы (так, кажется?) Клементины. Супруга его, Клементина Черчилль, президент «Фонда помощи России», была награждена орденом Трудового Красного Знамени. (Все силюсь вообразить этот орден с известным зубчатым колесом и красным знаменем на груди леди Клементины). Мог он быть упомянут и как глава государства — первого (с 22 июня 1941 года) союзника СССР по Второй мировой войне. Или как выдающийся историк, лауреат Нобелевской премии по литературе 1953 года.

Но в соответствии с парадоксальными потребностями моего жанра, памфлета, слон Черчилль здесь появится как продолжение и развитие теории, силлогизма микроба — Вовы Буковского.

В «Монументе Человеческой Слепоте», как и в «Ледоколе», (предисловием к которому он является) оба Вовы (Буковский и «предисловлевыемый» им Резун) обвинили Сталина и СССР в приходе Гитлера к власти. Отсутствие подтверждений других, в том числе и западных историков они объяснили, тем что мешает им...

... Да ровно то же, что и их советским коллегам — конформизм. Ведь и здесь, на Западе, существуют могущественные политические силы, которые способны сделать глубоко несчастным любого умника... *ну и далее см. предыдущую главу.*

И Черчилль (Уинстон Ленард Спенсер, герцог Мальборо, 1874—1965) тоже не считает Сталина и СССР виновниками гитлеризма — ни в малейшей степени. Значит — тоже конформист! Вот с этого места писать сей пам-

флет стало действительно веселее. Комический эффект бесспорен. Ведь говоря по правде, именно к сэру Уинстону можно приложить и еще одно ленинское определение, заученное всеми школьниками Советского Союза: *«Какая глыба! Какой матерый человечище!»*

Да, именно Толстого и Черчилля можно назвать, в том числе, и «величайшими нонконформистами XIX—XX веков». Кому-то и сама возможность сопоставления фигур Льва Толстого и Черчилля покажется приколом, безмерным оригинальничанием, но я готов приложить все усилия, что бы указать на реальные точки и линии сходства, и главное — доказать продуктивность, объективную полезность этого сопоставления, подобного парным жизнеописаниям великих греков и римлян у Плутарха.

Черчилль и Толстой

Начнем с пунктира — общих черточек самого внешнего свойства. Оба — представители старинных родов, носители феодальных титулов. Оба рано лишились отцов, но получили хороший запас долголетнего физического здоровья. Оба в 26-летнем возрасте отправились на свои кампании (Крымскую и Бурскую войны) как волонтеры и как литераторы (корреспонденты «Современника» и «Морнинг пост» соответственно).

И необходимо признать, что факт переходов Черчилля в 1904 году из консерваторов в партию либералов, а 1923 году вновь в консерваторы был и для потомка герцога Мальборо, и для политика его уровня так же невероятен, как если бы он и вправду ходил по Даунинг-стрит с сигарой и... босой. Эта полная независимость от своего класса, от диктата своих корпораций (политиков, писателей, историков) и, главное, абсолютная независимость от современных им условностей и мыслительных штампов — вот что объединяет сэра Уинстона и графа Толстого.

И если только вы способны правильно понимать, что есть нонконформизм в данных условиях, вы безусловно признаете величайшим британским нонконформистом сэра Уинстона, выдававшего в том числе такие перлы:

Лучший аргумент против демократии — пятиминутная беседа со средним избирателем. (Это в стране, где чуть ли не главная гордость — многостолетняя избирательная система.)

У него были все ненавистные мне добродетели и ни одного восхищающего меня порока. (Тоже не слабо в обществе консервативных и пуританских традиций.)

Фанатик — это человек, который не может изменить взгляды и не может переменить тему. (Очень может быть.)

И пусть один из них Нобелевскую премию принял, а позицию другого несколько лет «нобелевские комитетчики» зондировали через родственников («Не пошлет ли? » — прогнозируемый отказ знаменитейшего писателя мира мог сильно повредить, как считали, престижу недавно учрежденной премии. Тогда составлялись тонкие интриги по убеждению графа премию все же принять, но безуспешно), главное, что объединяло Толстого и Черчилля, — их свобода и независимость в суждениях и в литературных творениях.

Наделенные огромным запасом витальности, они весьма схоже относились и к медицине. И знаменитое толстовское: «...несмотря на то, что князя NN лечили врачи — он выздоровел». И черчиллевские: «В молодости я взял себе за правило не пить ни капли спиртного до обеда. Теперь, когда я уже немолод, я держусь правила не пить ни капли спиртного до завтрака», «В моем возрасте я уже не могу позволить себе плохо себя чувствовать».

Но что, собственно, нового может сказать автор о столь известных личностях, и где анонсированная продуктивность их сопоставления?

Возьмем самую главную из обсуждаемых тем: причины Второй мировой войны. Черчилль в своей книге «Вто-

рая мировая война» (Churchill W.S. The Second World War. London, 1951) не утомляет нас, читателей, (как не утомлял и себя, писателя), особо развернутыми статистическими или архивными исследованиями. (Представить страшно, какими томами таблиц производства стали, угля, графиков роста безработицы, вооружений, населения, тоннажа линкоров и т.д. можно окружить эту тему.) Ту рутину, которой занимались историки-ремесленники, ее ведь и Лев Толстой презирал необычайно. Помните, как он, Лев Николаевич, выражал суть их (ученых-ремесленников) работы: *сначала прилежно переписывают из книг в тетрадки — а потом из этих своих тетрадок составляют свою книгу.*

Главное, в чем они находили применение своим способностям — это в поиске того угла зрения, под которым эти терриконы фактов до них еще не рассматривались. В принципе понятно, что творчество оригинального историка Льва Толстого заслонено гениальными творениями Толстого-писателя, но и оригинальность историка-Черчилля тоже зачастую ускользает от нас.

Вот что вносит он в свой список важнейших причин Второй мировой войны:

«Немцам навязали то, что было идеалом, к которому стремились либералы Запада... Предубеждение американцев против монархии ясно показало поверженной империи (Германии в 1918 году), что в качестве республики она может рассчитывать на лучшее обращение со стороны союзников, нежели в качестве монархии. Если бы мы придерживались мудрой политики, то увенчали и укрепили бы Веймарскую республику конституционным монархом в лице малолетнего внука кайзера, поставив над ним регентский совет. Вместо этого в национальной жизни германского народа образовалась зияющая пустота. Все сильные элементы, военные и феодальные, которые могли бы объединиться для поддержки конституционной монархии... оказались выбитыми из колеи. Веймарская республика, со всеми ее достоинствами и идеа-

лами, рассматривалась, как нечто навязанное врагом... не сумела завоевать преданность и захватить воображение германского народа».

Оцените. Это не открытие из архивных или статистических раскопок — это увидено «невооруженным», но и «незашоренным» взглядом. Англия в 1960-х годах была весьма зависима от поддержки США, но Черчиллю это не мешает увидеть (и показать другим, всем читателям своих мемуаров) примитивность и ограниченность американского взгляда на историю и мироустройство. Вот они — корни нынешней американской *политкорректности: в любой стране в любое время, без монарха (или диктатора) будет непременно красивее, приличнее и уютнее, чем с оным.*

А если бы та черчиллева мысль посетила, в 2003 году, например, его «коллегу» — британского премьера Тони Блэра? И тот, вдобавок, сумел бы с черчиллевым упрямством донести ее до Джорджа Буша: «Не стоит строить *«Веймарскую республику» в Ираке.* Англия не будет в этом участвовать». Может, обошлось бы и без лондонских взрывов.

Правда, у американцев всегда к «доброму следователю» найдется в комплект и «плохой следователь». А к принстонскому профессору-идеалисту — суровый реалист, с уже другим, тоже хорошо известным геополитическим постулатом: «о нашем сукином сыне». Но, к несчастью, германский кайзер — не был «их сукиным сыном», а значит: вперед, на авансцену — либералы! «Да здравствует Веймарская республика! » Так и пошло...

И так далее — вся история межвоенной Европы разобрана Черчиллем «пошагово». И что интересно в его подходе — для каждого шага к войне Черчилль определяет главных виновников — из числа великих держав.

— Отказ США от обещанных Франции гарантий неприкосновенности границ.

— Вывод французских войск из Рейнланда.

— Программа американских займов Германии.

— Введение Германией воинской повинности.

— Вхождение вермахта в оставленный Францией Рейнланд.

— Убийство австрийского канцлера Дольфуса.

— Нападение Муссолини на Эфиопию.

— Аншлюс Австрии.

— Фактически сепаратное военно-морское соглашение Англии и Германии — «Мюнхен».

И всегда вершина этого «хит-парада потворства Германии» выглядит примерно так:

1. США, 2. Англия, 3. Франция;
1. Франция, 2. Англия, 3. США;
1. США, 2. Англия, 3. Франция;
1. Англия, 2. Италия, 3. Франция;
1. Франция, 2. Англия, 3. США;
1. Италия, 2. Англия, 3. Франция;
1. Англия, 2. Франция, 3. Италия;
1. Англия, 2. Франция, 3. Италия.

И так далее. И ни разу — СССР. Наша страна появляется в этом периоде истории вообще очень редко. Очень многим — есть все же у нас, соотечественники, такая черточка — будет, наоборот, *неприятно* и *даже обидно* такое наше «неприсутствие» в «грандиозных европейских событиях». Но тут просто надо напомнить себе, что «грандиозными» тогда были только амбиции фашистской Германии, а вся остальная Европа сползала к Второй мировой войне, словно жалкая, дряхлая старушка, неизвестно как оказавшаяся на ледяной горке.

Итак, Советский Союз появляется в предвоенной истории:

1. Первое развернутое упоминание действий СССР встречается у Черчилля только на 87-й странице его книги. Понятно, уважаемые читатели — что это (номер страницы) не бог весь какой показатель, даже если сообщить для сравнения, что вся история от окончания Второй ми-

ровой войны до «Мюнхена», в мемуарах Черчилля харвестовского издания — это 170 страниц.

Более надежной привязкой этого первого упоминания СССР будет дата: 2 *мая 1935 года.* Французское правительство подписало Франко-Советский пакт, и вскоре французский министр Лаваль посетил Москву. Именно тогда прошли те переговоры, фрагмент которых (точнее, бесподобный анекдот) впервые был опубликован как раз в мемуарах Черчилля. См. Глава 1. Сегодня его чаше повторяют в разрезе: «Чувство юмора у И.В. Сталина». А после этого колоритного фрагмента с тем самым сталинским: *«А сколько дивизий у папы Римского?»* следует продолжение:

Лаваль не собирался связывать Францию какими-либо точно сформулированными обязательствами, на которых Советы имеют обыкновение настаивать. И все же он добился того, что 15 мая (1935 года) было опубликовано заявление Сталина — одобрение политики национальной обороны Франции, с целью поддержания на определенном уровне ее вооруженных сил. Как фактор европейской безопасности, Франко-Советский пакт... имел ограниченное значение. Франция не достигла с Россией настоящего союза. К тому же на обратном пути Лаваль остановился в Кракове. Там на похоронах маршала Пилсудского он встретил Геринга, с которым сердечно беседовал. Высказывания Лаваля, выражавшие недоверие и неприязнь к Советам, через немецкие каналы были своевременно доведены до сведения Москвы.

2. Второй раз, когда СССР предстает действуюшим лицом, и теперь даже одним из лидеров Европы — это, конечно, война в Испании. Советский Союз настолько смело и действенно противостоит там Германии и Италии, что вслед за ним впервые делает несколько решительных шагов и Франция, рискнув предоставить авиацию испанским республиканцам. Но Англия провозглашает нейтралитет и тут же, в том числе и устами Черчилля, окрикивает Францию впервые пытающуюся бороться с фашизмом.

3. Чехословакия. Теперь проявления роли СССР пойдут по нарастающей. СССР пробует объединить Европу и спасти Чехословакию. 18 марта мы предложили созвать конференцию по *«... путям и способам реализации Франко-Советского пакта в случае угрозы миру со стороны Германии».*

Теперь Черчилль — яростный сторонник присоединения Англии к этому (*Франко-Советскому)* пакту, ранее критикуемому за аморфность. Но вот ответ тогдашнего британского премьера Чемберлена:

«План «Великого союза», как его называет сэр Уинстон, приходил мне в голову... мы предлагали этот план на рассмотрение начальников штабов и экспертов министерства иностранных дел. Это очень привлекательная идея, можно много чего сказать в ее защиту, пока не подойдешь к ней с точки зрения ее практической осуществимости. Достаточно только взглянуть на карту, чтобы увидеть, что Франция и мы ничего не можем сделать для спасения Чехословакии от вторжения немцев. Поэтому я отказался от любой идеи предоставлении гарантий Чехословакии или Франции в связи с ее обязательствами перед этой страной». 20 марта 1938 года.

Читатель! Вот к этому письму нужно хорошенько приглядеться, чтобы понять, до каких пределов идиотизма, дуракаваляния можно дойти (и заодно довести всю Европу!), сохраняя при этом вполне выдержанный дипломатический тон. Ведь это только с виду нормальные рассуждения нормального премьер-министра, нормальной страны. Но, вдумайтесь, и: какой же фактически получается театр абсурда.

«Прекрасное предложение. Изучали. Обсуждали с начальниками штабов, а потом, как нечаянно глянули на карту Европы... Ба! Да это, оказывается, невозможно...»

И Черчилль тоже не скрывает сарказма:

Начальникам штабов и экспертам министерства иностранных дел, конечно, не пришлось сильно напрягать свой интеллект, чтобы сказать премьер-министру, что *англий-*

ский флот и французскую армию действительно нельзя развернуть в горах Богемии, как барьер между чехами и гитлеровской армией вторжения. Это действительно было ясно при одном только взгляде на карту...

Но главное, по-моему, в том признании Чемберлена — дата. Еще *20 марта 1938 года* он (Чемберлен) фактически принял решение остаться вне игры... и потом полгода, до самой «мюнхенской» встречи 30 сентября, он как-то умудрялся «поддерживать интригу в Европе», обнадеживал чехов, выкручивал им руки, разоружал, *обещая другие гарантии* взамен за оставление «Судетского рубежа», и в итоге все-таки сдал их, чехов, Гитлеру, уже фактически «голеньких» и морально раздавленных.

СССР пытается через Англию и Францию, через Лигу Наций добиться согласия Польши или хотя бы Румынии (это уже порядочный крюк) разрешения на «военный транзит».

4. Ну и, наконец, «жаркое лето 1939 года», окончившееся знаменитым Пактом Молотова — Риббентропа и войной.

Но вот теперь хочется предварить очередную порцию цитат неким лозунгом, возвращающим сознание к фактам того периода истории.

«Краткий курс истории ВКП(б)» у нас объявлен как бы «одиозной книгой» и используется сейчас очень хитро и очень тупо одновременно. Как самое простое доказательство «от противного». Положим, надо доказать, что: «... в какой-то момент СССР чего-то собирался сделать». Как это доказать проще всего? Открывают «Краткий курс». «Видите, здесь написано, что СССР *НЕ собирался* этого делать?! — Да! — Но ведь это же *тот самый, великий и ужасный — "Краткий курс"!* — И значит, можно считать абсолютно доказанным, что СССР — собирался! »

Удивительно другое: сколь важной оказывается роль подобной легковесной болтовни. В итоге в общественном

сознании значительной части мира главная противостоявшая Гитлеру страна (СССР) сначала переводится в ассистенты (к тому же не очень умелые) Британии и США, а потом уже и в ассистенты (и тоже не очень ловкие) фашистской Германии. Можно, конечно, и просто посмеиваться над тем известным, очень громким даже фактом, что по результатам опросов чуть ли не треть «дремучих» американцев считают, что во Второй мировой войне СССР сражался на стороне Гитлера. Но ведь есть еще и другая значительная часть аудитории, более образованная, знающая факты и считающая, что Германия и СССР были союзниками, сообщниками, позже, однако, рассорившимися... И сегодня все действия США по (вынужденно) мягкому уничтожению России, от создания Аль Каиды до «санитарных кордонов», — все базируется в том числе и на *этом* общественном мнении.

И главное, как кажется строителям упрощенных схем («Краткий курс...» со знаком минус), ими «нащупано самое уязвимое место внешней политики СССР» — лето 1939 года, пакт... Тема, конечно, бездонная. И в одной главе можно перекрыть только одну лазейку, правда, протоптанную целым отрядом фальсификаторов.

Так вот, любители простых доказательств: *«Краткий курс истории ВКП(б)» и британский премьер-министр и историк Черчилль абсолютно едины в трактовке и оценке событий 1939 года (как впрочем, и всего предвоенного периода),* за вычетом оценок коммунизма и внутренней политики СССР, оцениваемых — разумеется, вышеуказанными источниками диаметрально противоположно. Вчитайтесь:

«Английское и французское правительства предприняли новые попытки договориться с Советской Россией. Было решено направить в Москву специального представителя... Вместо Идена эта важнейшая миссия была возложена на Стрэнга... не имевшего никакого влияния. Назначение столь второстепенного лица было фактически

оскорбительным шагом.... Переговоры вращались вокруг вопроса о нежелании Польши и Прибалтийских государств быть спасенными Советами от Германии. Дискуссии продолжались в течение всего июля, и наконец советское правительство предложило, чтобы переговоры продолжили военные делегации... Английское правительство направило адмирала Дрэкса... как оказалось, не имевшего письменных полномочий на переговоры. Русскую сторону представлял маршал Ворошилов. Военное совещание вскоре провалилось из-за отказа Польши и Румынии пропустить русские войска... Теперь мы знаем, что одновременно советское правительство дало согласие на приезд в Москву германского представителя. Молотов и его подчиненные проявили изумительные образцы двуличия во всех отношениях с обеими сторонами...

На следующий день (23 августа) в Москву прибыл Риббентроп. Невозможно сказать, кому он (Пакт, как следует из контекста) внушал большее отвращение — Гитлеру или Сталину. Оба сознавали, что это лишь временная мера... Антагонизм между двумя империями был смертельным... В пользу Советов нужно сказать, что Советскому Союзу было жизненно необходимым отодвинуть как можно дальше на запад исходные позиции германских армий ...В их сознании еще не угас огненный след тех катастроф, которые потерпели их армии в 1914 году, бросившись в наступление на немцев, еще не закончив мобилизации. А теперь их границы были значительно восточнее, чем во время первой войны. Им нужно было силой или обманом оккупировать Прибалтийские государства и большую часть Польши, прежде чем на них нападут. Их политикой руководил не только холодный расчет, но и суровые реалии создавшейся ситуации...»

И в других фрагментах своих мемуаров Черчилль возвращается к этим фактам, и, надо признать, не жалеет черных красок, морально оценивая нас примерно так:« ...*Со-*

веты смотрели со злорадством», «... *они ненавидели и презирали западные демократии»,* «... *а мы считали их расчетливыми эгоистами».* Характерно и название отдельной главы, посвященной этому периоду: «Советы и Немезида». Немезида, богиня мести, вроде как бы отомстила нам за *злорадство и расчетливый эгоизм.*

О «санитарном кордоне», «санитарах» и упорно выживающем «пациенте»

Но именно эти упреки нашим пропагандистам и контрпропагандистам «надо благодарно принимать». Ведь совсем-совсем другие обвинения реально осложняют политику современной России! Да что там политику! — нашу жизнь пытаются сделать сложнее, *тяжелее, и даже реально беднее*, выстраивая против нас новый «санитарный кордон», объединяя Польшу, Литву, Финляндию, Латвию, Эстонию, Румынию в противостоянии... *«коварной и опасной России, когда-то с помощью пакта Молотова — Риббентропа растоптавшей их суверенитеты»*, или оккупировавшей их территории (Да-да, и голос Румынии в этом хоре, лишившейся в 1940 году Бессарабии, тоже нельзя забывать).

А экономические последствия «кордонов» хорошо известны всякому экономисту. Любого вида дискриминация страны в конечном итоге еще и дискриминация ее товаров, ее купцов. «Вопрос бабок». А «кордон» — это как бы... половина блокады... И когда осенью 2005 года поднялась памятная кампания против Российско-Германского газопровода (по дну балтийского моря), оставалось только ждать... И точно! Очередной польский политик, а именно — министр обороны Польши Радек Сикорский уподобил-таки это соглашение... «Новому пакту Молотова — Риббентропа». Называлось это и «Газовый пакт Путина — Шредера». Апеллировали, конечно, к США и «ко всем де-

мократиям». (Это при том, что США только что продавили нефтепровод Баку — Тбилиси — Джейхан — в обход России.) То есть эти «гиены-санитары» Восточной Европы стремятся вернуть себе местечко на «санитарно-кордонной службе» не только одной русофобии ради. Жалованье тоже «имеет значение»! А уж каналов его поступления бесчисленное множество. От очередной Нобелевской премии (Леху Валенсе), до прямой государственной помощи прибалтам. А удалось бы им сорвать строительство Балтийского газопровода — тогда сами польские тарифы за перекачку по их территории, приняли бы характер *монопольной ренты.*

И такую же ренту снимали за обслуживание российского экспорта-импорта в нами же построенных Ново-Таллинском. Вентспилском портах...

В 1990-х годах я опубликовал одну статью в журнале «Новая Россия» (бывший «Советский Союз»), посвященную отчасти и той новой геополитической ситуации, сложившейся после 1991 года. Собирая материалы, беседуя с разными политиками, имевшими отношение к... я запомнил, какие хитрые, многоуровневые интриги шли против самой идеи строительства нового порта в Ручьях (Усть-Луга, Ленинградской области). Санкт-Петербург давно не справляется с обслуживанием товаропотоков, и тогда сложилась целая группировка, лоббировавшая интересы финляндских, эстонских, латвийских, литовских портов, блокировавшая (в том числе и с «природоохранными аргументами»), любые проекты создания новых портов в Ленинградской области. И одновременно спешно строившая новый эстонский порт в Силламяэ.

Я со своей журнальной миссией застал тогда очень интересный момент. Глава Кингисеппского района Владимир Густов уходил на повышение — в правительство Ленинградской области. (Потом он поднимется еше выше — станет министром и вице-премьером в правительстве Примакова). «На районе» оставался Александр

Дрозденко. Он мне и рассказал о ходе этого геополитического соревнования, как один бизнесмен, загодя скупивший земли в районе Усть-Луги, успешно задержал начало строительства — то есть выиграл для эстонцев в целых два года... Мне запомнилось это физически явственное ощущение гонки. И еще одна временная параллель. В тридцатых годах, когда у СССР была аналогичная геополитическая ситуация (на Балтике не окно — а маленькая «форточка»), Усть-Луга чуть не стала важнейшей стройкой пятилетки. Лозунг был: «Даешь Второй Кронштадт»! — тогда понимали эту просто уникальную уязвимость единственного порта и военно-морской базы, усоседившихся в известной «маркизовой луже». В 1939 году в районе Усть-Луга — Вистино бешенными темпами бросились возводить «Второй Кронштадт». Присоединение прибалтийских республик, а потом и война — «закрыли тему». И вот в 1990-х годах геополитические условия повторяются — но как сложно геополитика пробивается в полуотравленное сознание россиян! Я помню, как тяжело «пробивался» в 1995 году этот материал об Усть-Луге. Кто? Что? Ощущение было, что несколько одиночек-энтузиастов в Ленинградской области схватились с международным монстром, при полном равнодушии всей страны. Вроде и победили, и отмечены (новый глава района Александр Дрозденко тоже ушел на повышение в Ленинградскую область, а непосредственный руководитель проекта — Владимир Якунин — стал главой российских железных дорог), но по отклику в общественном сознании это было похоже на выигрыш нашими, где-то очень далеко, футбольного матча, права на трансляцию которого вдобавок не были выкуплены.

Понимание приходит с запозданием, и когда уже в 2006 году нужен ответ на действия другого ветерана «санитарно-кордонной службы» — Литвы, отрезавшей сообщение с Калининградской областью, единственный реальный ответ — паромная линия Калининград — Усть-

Луга. И сегодня этот порт, наш самый глубоководный на Балтике — это прорыв «санитарного кордона», который вокруг России возводится неустанно и непрерывно.

А для иллюстрации всей исторической глубины вопроса у меня есть и еще одна маленькая, но очень памятная картинка по теме «блокада». В Стокгольме, неподалеку от смотровой вышки Катарина-Хиссен вы найдете улочку двухэтажных домишек. Называется она «Рюс-гартен», «Русское подворье». В период до позапрошлой Смуты (XVI века) Россия владела на побережье Балтики отрезком, — как раз от нынешней Усть-Луги до устья Невы. И после той Смуты, когда стали селиться русские купцы. Жили на первых этажах, а на вторых, точнее, на чердачках хранили свой товарец. Ходили по стокгольмским рынкам... почти как офени, как коробейники. А все более-менее серьезные партии классических «льна, пеньки, дегтя, хлеба» закупались в России шведскими купцами «на корню». Вот, во что выродилась внешняя торговля державы. (В соответствующих главах истории вы найдете и термин «неэквивалентный обмен» — о российской торговле 17 века). Это и есть вечный идеал кордоностроителей, и вся «чистая демократия» (и усмешки по поводу нашей «суверенной демократии»), и вся политкорректность, «коротичность», «работа над историческими ошибками», «необходимость покаяния» — все для осуществления этого идеала: «русские подворья» в европейских столицах и русские коробейники с матрешками на улицах...

Вернемся к «нашим пактам»

И вот каков должен быть ответ «гиенам-санитарам» Прибалтики, идеологически опирающихся на критику Пакта Молотова — Риббентропа:

Британский премьер историк и «Краткий курс истории ВКП(б)» свидетельствуют: «США, Британия и Франция виновны в самом факте появления мощной фашисте-

кой Германии. А СССР по мере нарастания угрозы войны предпринимал необходимые (хотя, как оказалось, и недостаточные) меры обороны».

Ведь быть наблюдателем (пускай, даже и *злорадным*) чемберленовского предательства Европы — это совсем не то, что быть его соучастником!

Оцените теперь и последующий фрагмент. Следствия Пакта:

«... а через две недели (боевых действий) польская армия численностью около двух миллионов человек прекратила свое существование. Пришла очередь Советов. 17 сентября русские армии хлынули через почти не защищенную восточную границу и широким фронтом пошли на запад. 18 сентября они встретились со своими германскими партнерами в Брест-Литовске. Здесь в минувшую войну большевики в нарушение своих официальных соглашений с западными союзниками заключили сепаратный мир с кайзеровской Германией и подчинились ее грубым условиям. Сейчас в Брест-Литовске русские коммунисты ухмылялись и обменивались рукопожатиями с представителями гитлеровской Германии...»

Бесспорно, еще одна уникальная ценность черчиллева взгляда — то, что он — ветеран обеих мировых войн. И в его «Истории» эти мимоходные вводные фразочки: *«...а в прошлую войну...»*, *«...а в минувшей войне он был...»*, *«...а в прошлой войне для этого потребовалось»* — это просто главный рефрен. Это способ мышления умудренного человека, ведущего стратега обеих мировых войн. Вот он упоминает о встрече советских и германских войск 18 сентября 1939 года в Брест-Литовске — и, конечно, вспоминает, что именно здесь же в 1918 году «в минувшую войну» был заключен Брестский договор России с Германией.

Черчилль тут если и не обвиняет, то напоминает об одном безусловно «отягчающем обстоятельстве», как бы концентрирует, конденсирует историю, превращая *Брест-Литовск* в какое-то «просто заколдованное» место российско-германских «сговоров».

И еще три абзаца — «о роли историка в рабочем строю»

Я, конечно, делился замыслом (и первыми набросками) этой книги с некоторыми солидными нашими книгоиздателями, историками-публицистами. Сказать честно: никакое одобрение, даже «горячая поддержка», даже крики «браво» (случись бы таковые), по поводу некоторых фрагментов не уравновесили того, пусть даже небольшого недоумения (неодобрения) по поводу... в том числе того, о чем сейчас речь пойдет.

Мне кажется, роль истории как поля межнациональных диалогов, споров, соперничества будет только расти. Доказательство — самое элементарное. Общая масса полемики, «разлитой в мире», величина или постоянная, или уж точно неубывающая. Удельная доля «идеологических элит», ведущих (озвучивающих) споры, а также коммуникационные возможности растут. А между тем количество «полемических площадок» сократилось. Ранее, например, диалоги, споры СССР — США сублимировались, вытеснялись в сферу политэкономии. Спор, грубо говоря, шел: кто правее, Маркс или Кейнс?

Вспомните хотя бы, сколько обсуждалась, какую долю общественного внимания занимала та самая ... «конвергенция». То была штука сложная, приблизительно ее, конвергенцию, можно было понять (интересно, а кто ее понимал не приблизительно?) как вариант ничейного исхода матча Маркс — Кейнс. А игравшие «на победу» обрушивались на «конвергенцию» с обеих сторон. Согласитесь же, что сегодня громкость этих политэкономических споров значительно прикручена. «Религиозная площадка диспутов» также давно и изрядно опустела. Тоже характерный момент. Сначала шли споры (войны) непосредственно за догматы. Потом войны, как бы сказать...за «массу паствы». (Паства понималась. как некая паста. Чья передавит?). Сейчас допустимы, комильфо, только споры по истории религий.

Знаменитый фукуямовский «Конец истории» можно и так понять, что историю перестанут делать (во избежание «ядерной зимы»), а займутся ее интерпретацией. И если доля «исторических» споров и доля общественного внимания к ним растет, то абсолютно недопустима прежняя тактика угрюмого отпирательства или замалчивания.

С чем я и столкнулся

Нет, не в том смысле, что пробовали «замолчать» меня, не пропустить в печать книгу. В конце концов с доходов от некоторых других публикаций я мог бы издать десять таких книг за свой счет. Но меня «крайне напрягла» тактика восприятия — примерно такая: «Ну, Адольф Гитлер как трастовый управляющий ЗАО «Европа» — это хорошо, правильно. А вот возня с Черчиллем, как известно «злейшим ненавистником» — это зря. Брест-Литовский мир 1918 года — вообще слишком большая трагическая тема. Зачем еще и ее притягивать ко Второй мировой? А *русские, ухмылявшиеся и обменивавшиеся рукопожатиями с представителями гитлеровской Германии* в том же Бресте — это вообще... в духе опровергаемого тобой Резуна!»

Вот оно. Вот здесь я готов «идти на принцип». Мой подход в следующих тезисах.

1. Черчилль (англичане вообще) имеют право припомнить нам Брестский мир 1918 года. Сколько «исторических сложностей» не приплетай, но это ведь еще и просто *сепаратный мир*, нарушение союзнических договоров.

2. Сколько бы ни прятали, ни отпирались, но какое-то приложение к Пакту Молотов — Риббентроп о разделительной линии в Польше было. Иначе советские и немецкие войска просто смешались бы в кашу. А они, как известно, сомкнулись весьма аккуратно. В том же Бресте.

3. Вывод. В первую войну мы вели себя... неадекватно. Бросились на Австрию за южных славян! На Германию (не

отмобилизовавшись) — спасать Париж! Не то чтобы «слишком благородно», «в рыцарских латах, с турнирным копьем — на танк». А именно — неадекватно. Проиграли. Значит... Победа требует *других* подготовительных шагов.

4. Советские войска перешли через *незащищенную восточную (польскую) границу*. Заметьте: на романтическом (или бытовом) уровне *не защищенную* — звучит трогательно, и как дополнительное осуждение *преступившего*. В мире же «Реаль политик» — ровно наоборот! *Незащищенную* — означает, что польских войск на нее оттянуто не было. Значит, СССР ни на волосок не повлиял на ход (и исход) двухнедельной польско-германской войны!

5. Наш же западный союзник в итоге ведь признает: *В пользу Советов нужно сказать, что Советскому Союзу было жизненно необходимым отодвинуть как можно дальше на запад исходные позиции германских армий.* Так что русско-германское рукопожатие в Бресте 1939 года — это не капитуляция 1918 года, а как бы приветствие боксеров перед схваткой. А значит, в нем и зерно будущего освобождения Польши.

6. А вот уже после этой холодной калькуляции фактов и факторов можно найти место и для «морально-героического». И тут вспомнить: ведь после тех двух мрачных Брестов (1918 и 1939 гг.) был же и... Третий Брест!

Да-да! Знаменитая героическая Брестская крепость, продержавшаяся дольше, чем вся Польша в 1939-ом! Дольше, чем объединенные Англия — Франция в 1940-м! Месяц там шли бои, по современной военной терминологии, «высокой интенсивности», и еше несколько месяцев, почти до октября 1941 года, шло очаговое сопротивление.

Во Франции времен де Голля была разработана такая стратегия: «Оборона по всем азимутам». Так вот, для бойцов «идеологического фронта»: отпирательство «по всем азимутам», или даже отбрехивание «по всем азимутам» — это просто... неправильная стратегия. И нынешним за-

щитникам идеалов и истории России следует более всего опасаться «подошедших подкреплений» — бывших защитников идеалов социализма.

Возвращаясь к дипломатии

Потому-то так «too much Churchill!» (слишком много Черчилля!) в этой книге. Но, положим, об этом же (о вине Запада в становлении фашистской Германии) говорят и многие другие, не ослепленные русофобией, западные историки («конформисты», по определению Буковского). «Много Черчилля» в этой книге еще и оттого, что его взгляд ценен тем, что это взгляд — изнутри. И речь не только в сорокалетнем депутатском стаже сэра Уинстона, не только в уникальном списке его министерских постов:

1911—1915 — Первый лорд Адмиралтейства (морской министр),

1919—1921 — военный министр и министр авиации,

1924—1929 — министр финансов,

1939—1940 — военно-морской министр,

1940—1945 — глава коалиционного правительства,

1951—1955 — глава правительства консерваторов.

Речь идет еще и об уникальном положении, дающем возможность наблюдений, подобных вот этому:

«... (Посол Германии) Риббентроп в то время собирался покинуть Лондон и занять пост министра иностранных дел Германии. Чемберлен в его честь дал прощальный завтрак на Даунинг-стрит, 10. Мы с женой тоже приняли приглашение премьер-министра... Там присутствовало около 16 человек. ... Примерно в середине завтрака курьер из министерства иностранных дел вручил пакет. Я обратил внимание, что Чемберлен глубоко задумался. Позже мне сообщили содержание письма: "Гитлер вторгся в Австрию, механизированные части быстро продвигаются к Вене"... Завтрак шел своим чередом, однако вскоре госпожа Чем-

берлен, получив от супруга какой-то сигнал, встала и сказала: "Пойдемте все в гостиную, пить кофе". Мне стало ясно, что они очень хотели побыстрее закончить прием. Все, охваченные непонятным беспокойством, стояли, готовясь проститься с почетными гостями».

Однако Риббентроп и его жена, казалось, ничего не заметили. Напротив, они задержались на полчаса, занимая хозяина и хозяйку оживленной беседой.

Тогда Черчилль вмешался, подошел к госпоже Риббентроп и сказал «ускоряюще-прощальную» фразу: "Надеюсь, Англия и Германия сохранят дружественные отношения". — "Только постарайтесь не нарушать их сами", — ответила она кокетливо.

Я уверен, что они оба прекрасно понимали, что произошло, но считали ловким ходом — подольше удержать премьер-министра от его деловых обязанностей и телефона... Наконец Чемберлен обратился к послу: «Прошу прощения, но сейчас я должен заняться срочными делами», — и вышел из гостиной без дальнейших церемоний. Риббентропы все еще задерживались, но большинство из нас удалилось под различными предлогами. Наконец и они откланялись. Больше я никогда не видел Риббентропа, вплоть до того момента, как его повесили».

Вы понимаете всю силу этой последней фразы? Вот идет «светская тусовка». Фраки, обмен колкостями и всяческими bon mot. И даже срочная депеша об угрозе новой европейской войны не может заставить забыть требования этикета. Гостю нельзя не предложить кофе (кстати, кофе подается — и обязательно! — в другой комнате, не там, где проходил завтрак). (Мне вспомнился тут и булгаковский кот Бегемот, возражавший Воланду: «Меня нельзя выгонять, я еще кофе не пил».) ... Короче, «сплошные светские условности» и ловкость Риббентропов, с помощью милой светской болтовни отнимающих у Англии еще полчаса времени в тот момент, когда скорость дипломатических реакций особенно важна. Но все-таки самая ценная фраза именно в том потрясающем

заключительном фрагменте: «... Наконец и они откланялись. Больше я никогда не видел Риббентропа, вплоть до того момента, как его повесили». Только это не надо понимать так, что сэр Черчилль в 1946 году приезжал в Нюрнберг посмотреть на повешенного Риббентропа (или на саму процедуру повешенья). Это, конечно, и не напоминание Черчилля о вещах, само собой разумеющихся: 1) во время войны министры Англии и Германии видеться не могли, 2) Риббентроп, как всему миру хорошо известно, входил в первую м-м... «одиннадцатку» повешенных по приговору в Нюрнберге.

Это Memento mori — это Голос самой Истории, напоминание, чем окончились светские тусовки у Чемберленов. Внезапное напоминание, вызывающее даже и звуковую ассоциацию: зловещие аккорды — «рука судьбы», стучащаяся в бетховенской сонате. Или энергичный киномонтаж: вот человек во фраке, с чашечкой кофе — и вот он с петлей не шее. Возможно, это подсознательно найденный прием. Ведь Черчилль, постоянно критикуя политику Чемберлена, его близорукое «джентльменство» с Гитлером, ни разу не позволил себе ни одного осуждающего высказывания о личности Чемберлена. Все только о его благородстве, безупречных манерах, безукоризненном владении собой... И вот она, «тяжелая поступь рока»: оказывается, и носителей прекрасных манер, посетителей салонов, случается, вешают.

Этим Memento mori в адрес всех салонных дипломатов Черчилль очень напоминает Льва Толстого. Граф в «Войне и мире» презрительно смеется не только над безответственностью, но и над бесполезностью всей дипломатии «хорошего тона» перед лицом «Большой Войны», саркастически переспрашивая: *«...Следовательно, стоило только Меттерниху, Румянцеву или Талейрану, между выходом и раутом, хорошенько постараться и написать поискуснее бумажку ... и войны бы не было?»*

Другим контрапунктом Первого тома воспоминаний (Развязывание войны) идут еще одни черчиллевы Memento mori: его, перебивающие блаженную дипломатическую

болтовню, периодические врезки-справки о росте люфтваффе, об отставании Королевских ВВС. Похоже, что сэр Уинстон (в 1919—1921 гг. — военный министр и министр авиации) — первый на Британских островах, и долгое время единственный, кто предвидел новую роль авиации в надвигающейся войне.

Да! А ведь был же еще этот... как его...

... Муссолини. Вот-вот! Он самый! Ведь была же еще страна — из разряда «Великих держав» (списка строго, формально определенного, и очень небольшого). То есть была и еще одна Великая держава, ставшая «на ту сторону». Был же... точно, и Муссолини, истинный хозяин брэнда «фашизм», считавший порою даже и немецкий «нацизм» или дешевой «лицензионной копией», или вовсе подделкой. (Муссолини как автор фашио-стиля, подделываемый, словно сегодняшние Армани или Гуччи.)

Был и соответствующий набор политических и дипломатических шагов Англии, Франции, США и Лиги Наций, поощривших Муссолини, превративших этого... немного фатоватого, немного декоративного персонажа в...

Италия ведь не была проигравшей в Первой мировой, и «Версаль» для нее был символом — не унижения, а наоборот, некоей рождественской елкой, местом получения нескольких малозаслуженных (по жалкому вкладу в победу 1918 года) подарков. Тем, значит, «чище эксперимент», тем интереснее и показательней история фашизации страны на этом примере.

Ллойд Джордж, бывший в дружеских отношениях с Муссолини отметил, как его (Муссолини) поразил, как ему запомнился тот случай, когда студенты Оксфорда давали торжественную клятву никогда не сражаться за короля и Родину... Вот в чем бы я сблизил Гитлера и Муссолини, под каким термином объединил, так это — импрессионизм.

И у Адольфа полно этих пассажей: *«И тогда я понял — Чеха! (Еврея, Хорвата, Русского)»*, *«... тогда вдруг уяснил себе...»* Вот и Муссолини тогда — «понял Англичанина». (И понял неверно.) И если вернуться к много раз уже упоминавшемуся термину «политкорректность», то можно подытожить: именно английская «политкорректность» создала у Муссолини «некорректный», *неправильный* образ англичанина. Ведь это знаменитое нынче слово «correct», вошедшее в состав самого главного глобального термина, всего-то и означало (раньше, во всяком случае, означало) «правильный».

Последующие шаги Англии (и Лиги Наций) по поощрению Муссолини приведем очень кратко и опять с выразительными цитатами из Черчилля. 1935 год, Муссолини готовится напасть на Абиссинию (Эфиопию). В Англии тогда премьер Болдуин. Совпадение его политики, его стиля с последующими, чемберленовскими — дополнительное доказательство всего, изложенного в «мюнхенско-чешских» главах.

«Только спустя несколько месяцев я начал понимать, на каких принципах строились санкции (против Италии). Премьер-министр заявил, что, во-первых, санкции означают войну, во-вторых, он твердо решил не допустить ее, в-третьих, он твердо решил осуществить санкции... Под руководством Англии и Лаваля (Франция) комитет Лиги Наций, которому поручили разработать программу санкций, воздерживался от всего, что могло спровоцировать войну. Был составлен грандиозный план, поставки многих товаров в Италию были запрещены. Но нефть, без которой абиссинская кампания не могла бы продолжаться, поступала свободно, так как считалось, что прекращение ее поставок развяжет войну. Экспорт алюминия в Италию был строжайше запрещен, но как раз алюминий был одним из немногих металлов, производившихся Италией в количествах, превышающих собственные потребности. Ввоз железного лома и железной руды был запрещен, но в

производственном цикле итальянской металлургии использовались стальные болванки и чугун, а на них список не распространили...

Еще в меньшей степени Англия была намерена использовать свой флот. Рассказывали всякие басни об итальянских эскадрильях пикировщиков с пилотами-смертниками... По сути, это миролюбие было одной из причин, приведших к более ужасной войне. Муссолини удался его блеф, и из этого факта один важный наблюдатель (Гитлер) сделал для себя далеко идущие выводы.. В Японии тоже внимательно наблюдали за развитием событий...

Все итальянское снабжение шло через Суэцкий канал, контролировавшийся англичанами, флот английский превосходил итальянский вчетверо.

... Но оказалось, что у нас мало истребителей для прикрытия с воздуха и очень мало снарядов для зенитной артиллерии... адмирал, командующий флотом, был возмущен, что ему приписали утверждение, будто он не располагает достаточными силами для боевых действий...»

И так далее. Картина полного хаоса, абсурда, суеты, беспомощности правительств, пока война не примет, наконец, характер Большой, Народной войны, нарисована Черчиллем вполне колоритно. Особенно эта жажда — наверное, всех администраций мира, — нахватать как можно больше поручений и функций. И особенно желательно, чтобы эти поручения были взаимоисключающими, чтобы было легче объяснить повсеместные провалы.

И поскольку с самого начала главы декларировалось некое сходство Черчилля и Льва Толстого — оцените тогда еще и этот фрагмент.

«Граф же Растопчин, который то стыдил тех, которые уезжали, то вывозил присутственные места, то выдавал никуда не годное оружие пьяному сброду, то поднимал образа, то запрещал Августину вывозить мощи и иконы, то зах-

ватывал все частные подводы, бывшие в Москве, то на 136 подводах увозил делаемый Леппихом воздушный шар, то рассказывал, как он сжег свой дом и писал прокламацию французам, торжественно упрекавшую их в разорении его детского приюта, то приказывал народу ловить всех шпионов и приводить к нему, то упрекал за это народ, то собирал народ на Три Горы, чтоб драться с французами, то чтоб отделаться от этого народа отдавал ему на убийство человека и сам уезжал в задние ворота; то говорил, что не переживет несчастия Москвы, то писал в альбомы по-французски стихи о своем участии в этом деле, — этот человек не понимал значения совершающегося события, а хотел только что-то сделать сам, удивить кого-то... как мальчик резвился над величавым и неизбежным событием оставления и сожжения Москвы и старался своей маленькой рукой то поощрять, то задерживать течение громадного, уносившего его вместе с собой, народного потока» ***(Война и мир. Том 3.)***

Растопчин всюду повторяет, что его главные цели: 1) поддержание спокойствия в Москве, 2) постепенная эвакуация. Наверняка это и соответствовало поручениям царя... И опять слово Льву Николаевичу:

«Если допустить эту двоякую цель, всякое действие Растопчина оказывается безукоризненным. Для чего не вывезены московские святыни, оружие, патроны, порох, запасы хлеба, для чего жители обмануты тем, что Москву не сдадут, и разорены (не успев вывезти имущество)? — Для того, чтобы соблюсти спокойствие в столице... (пункт 1). Для чего вывозились кипы ненужных бумаг из присутственных мест, шар Леппиха? — Эвакуация (пункт 2)».

Да, видно, все глупости, какие только теоретически возможны, — они будут совершены. Все варианты помутнения разума — неизбежно случатся. Хорош уже и этот вывоз бумаг из «присутственных мест» — ненужных даже и в мирное время (вообразите, например, какой-нибудь «Архив

обращений и жалоб в ДЭЗ»). Но особенно прекрасен этот шар Леппиха. Видно, это все-таки неизбежно, что среди самой напряженной войны к властям пробьется очередной сумасшедший «с прожектом» и будет выслушан, и одобрен и снабжен всеми затребованными средствами. Вроде бы и смеялись все над Леппихом, говорили, что шар его произведет какое-то действие, если только (это я уже не по «Войне и миру», шарик тот запомнился многим): «...если только французы будут настолько любезны, что соберутся в одно место (согласованное с направлением ветра и господином Леппихом) и сожмутся в толпу, насколько возможно плотно, тело к телу, и любезно подождут пока тот будет бросать мешки с порохом», — но вот же...

В 1811 году голландец Леппих предлагал сей «перпетуум мобиле» Наполеону, но был, разумеется выгнан. И вот, пожалуйста, — прекрасная боковая, периферийная деталь: идет Отечественная война. Лошади и повозки — один из важнейших ресурсов (Андрей Паршев в своей известной книге «Почему Россия не Америка?» как пример мудрой стратегии приводит расчет Кутузова в 1812 году — именно на наше превосходство в транспортных средствах) ... И вот этот безумный шар тащат сначала в Нижний Новгород, потом... под Петербург, и вот уже в ноябре (представляете? — идут бои у Березины), делается пробный запуск в Ораниенбауме. Шар не взлетел...

«Ему (Растопчину) не только казалось, (как это кажется каждому администратору), что он управлял внешними действиями жителей Москвы, но ему казалось, что он руководил и их настроениями посредством афиш, писанных тем ерническим языком, который народ в своей среде презирает, и который не понимает, когда слышит сверху.

Москва сожжена жителями, это правда, но не теми, что остались в ней, а теми, что выехали из нее. Москва, занятая неприятелем, не осталась цела, как Берлин, Вена, только вследствие того, что жители не подносили ключей французам, а выехали из нее».

О наших Растопчиных 1941—1942 годов еще будет сказано, и ту, соответствующую, главу следует отсюда перебросить как мостик — вот этот вывод, это полуинтуитивное понимание таких людей, как Черчилль и Лев Толстой: война может быть или Абсурдной, или Народной.

До смешного доходит. Ну никак не расстаться! *«Слишком много Черчилля»* еще и потому, что сэр Уинстон — мог ли он это даже вообразить! — в 1956 году оказался мобилизованным ЦК КПСС — для проведения сугубо внутрипартийных разборок. Как известно, «военные» обвинения Хрущева в адрес Сталина свелись, строго говоря, к двум пунктам:

1) руководил войной по глобусу.

2) не внял предупреждению Черчилля о скором начале войны.

Хрущев: «Из опубликованных теперь документов видно, что еще 3 апреля 1941 г. Черчилль через английского посла в СССР Криппса сделал личное предупреждение Сталину о том, что германские войска начали совершать передислокацию, подготавливая нападение на Советский Союз... Черчилль указывал в своем послании, что он просит «предостеречь Сталина с тем, чтобы обратить его внимание на угрожающую ему опасность». Черчилль настойчиво подчеркивал это и в телеграммах от 18 апреля, и в последующие дни. Однако эти предостережения Сталиным не принимались во внимание».

Тут, уважаемые читатели, мне так и мерещится повестка:

«Гр-ну___ Черчиллю явиться ... числа, Старая площадь, дом 2, для дачи свидетельских показаний».

И Хрущев, прокурорски допытывающийся: «А скажите еще, гражданин Черчилль, когда вы посещали в Москве товарища Сталина, не видели ли вы в его кабинете ... глобус?»

Ну так вот вам тогда и... «показания гражданина Черчилля»:

«Я написал краткое и загадочное письмо, надеясь, что приведенные факты и то, что это было первое письмо, которое я посылал ему после моей официальной телеграммы от 25 июня 1940 года, рекомендовавшей сэра Криппса в качестве посла, привлекут его внимание и заставят призадуматься».

Вот и это *краткое и загадочное* письмо... «прилагается к Делу»:

Премьер-министр — **Стаффорду Криппсу**
3 апреля 1941 года

«Передайте от меня Сталину следующее письмо — при условии вручения лично вами.

— Я располагаю достоверными сведениями от надежного агента, что когда немцы сочли Югославию пойманной в свою сеть, т.е. после 20 марта, они начали перебрасывать из Румынии в Южную Польшу три из своих пяти танковых дивизий. Как только они узнали о сербской революции, это передвижение было отменено. Ваше превосходительство легко поймет значение этих фактов».

Но посол Криппс не выполнил поручение Черчилля, объяснив, что накануне он сам писал Вышинскому письмо с примерно теми же предупреждениями, и боялся повтором «ослабить впечатление». Это, впрочем, версия самого Черчилля, а хотел ли он действительно, чтобы его *загадочное* письмо вовремя легло на сталинский стол — вопрос сложный.

«... Я был раздражен этим и прошедшей задержкой. Это было единственное послание перед нападением Германии, которое я направил непосредственно Сталину. Его краткость, исключительный характер, тот факт, что оно исходило от главы правительства... должно было привлечь внимание Сталина.

...Лорд Бивербрук сообщил мне, что во время его поездки в Москву в октябре 1941 г. вы (господин Сталин) спросили его: "Что имел в виду Черчилль, когда заявил в парламенте, что он предупредил меня о готовящемся германском нападении?" "Да, я действительно заявил это, — сказал я, — имея в виду телеграмму, которую я отправил вам в апреле 1941 года". И я достал телеграмму, которую сэр Стаффорд Криппс доставил с опозданием. Когда телеграмма была прочтена и переведена Сталину, тот пожал плечами: "Я помню ее. Мне не нужно было никаких предупреждений. Я знал, что война начнется, но я думал, что мне удастся выиграть еще месяцев шесть или около этого..."»

Днем 22 июня 1941 года Черчилль выступил по радио. первым из руководителей стран всего мира:

«Нацистскому режиму присущи худшие черты коммунизма. У него нет никаких устоев и принципов, кроме алчности и стремления к расовому господству... За последние 25 лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я. И я не возьму назад ни одного своего слова, которое я сказал о нем. Но все это бледнеет перед развертывающимся сейчас зрелищем. Прошлое с его преступлениями, безумствами и трагедиями исчезает.

Я вижу русских солдат, защищающих свою землю, свои поля, которые их отцы обрабатывали с незапамятных времен. Я вижу их защищающими свои дома, где их матери и жены молятся — да, ибо бывают времена, когда молятся все, — о безопасности своих близких... Я вижу десятки тысяч русских деревень, где с великим трудом вырывается у земли хлеб насущный, но где существуют истинные человеческие радости, где смеются девушки и играют дети. Я вижу, как на это все надвигается гнусная нацистская военная машина с ее щеголеватыми, бряцающими шпорами прусскими офицерами, с ее искусными агентами и серой массой вымуштрованных свирепых солдат... машина, которая только что усмирила и связала по рукам и ногам десятки стран...

..Я должен заявить о решении Правительства Его Величества и уверен, что с этим решением согласятся все в свое время великие доминионы, ибо мы должны высказаться сразу же, без единого дня задержки...

У нас лишь одна единственная неизменная цель. Мы полны решимости уничтожить Гитлера и все следы его нацистского режима. Ничто не сможет отвратить нас от этого, ничто. Мы никогда не станем договариваться, мы никогда не вступим в переговоры с Гитлером или с кем-либо из его шайки. Мы будем сражаться с ним на суше, мы будем сражаться с ним на море, мы будем сражаться с ним в воздухе, пока, с Божьей помощью, не избавим землю от самой тени его и не освободим народы от его ига. Любой человек или государство, которые борются против нацизма, получат нашу помощь... Отсюда следует, что мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем...

... Сейчас не время морализировать по поводу безумия стран и правительств, которые позволили разбить себя поодиночке, хотя совместными усилиями они смогли спасти себя и весь мир...»

3 июля 1941 года Сталин в обращении по радио к советскому народу сказал: «...Историческое выступление премьера Великобритании г. Черчилля о помощи Советскому Союзу и декларация правительства США о готовности оказать помощь нашей стране, которые могут вызвать лишь чувство благодарности в сердцах народов Советского Союза, являются вполне понятными и показательными».

Глава 9
Новые топ-менеджеры «Объединенной Европы»

17 марта 1940 года было создано Имперское министерство вооружений и боеприпасов (Reichsministerium die Waffe und Munition), ставшее главным организатором германской военной промышленности вплоть до конца войны. Много о нем написано, здесь же отметим следующий интересный факт: и в период подготовки к войне (известный «Четырехлетний план») и в первые полгода с лишним мировой войны Германия как-то без этого министерства обходилась. Как?

Каждый вид вооруженных сил проектировал, выдавал заказы и принимал оружие, военно-хозяйственное имущество и боеприпасы, разрабатывал планы по материальному обеспечению *своей* производственной программы. А непосредственными производителями были «старые немецкие концерны».

Например, танкостроение Германии находилось в ведении девяти крупных концернов, поставлявших танки и бронекорпуса. Они контролировали 32 завода, принадлежащих 27 различным фирмам. И характерно, что фирмы эти специализировались не только в этой сфере. Из восьми заводов Даймлер — Бенц лишь один выпускал танки.

То есть функционировала та структура немецких производственных фирм, какой она складывалась еще в XIX веке.

Тогда какова причина столь радикальной реформы марта 1940 года? Конечно, новый уровень потребностей вооружений для вермахта... НО и новый уровень возможностей. Новые шахты, электростанции, месторождения, заводы... В апреле 1940-го планировался бросок Дания — Норвегия. в мае — Бельгия, Нидерланды, Люксембург и суперприз — Франция. И опыт протекторатов Чехии и Моравии, на тот момент уже два года исправно пахавших на него, подсказывал Гитлеру: «Промышленно развитые», «культурные» страны передадут все в целости, «без фанатических эксцессов» и будут покорно работать (возможно, и ожидая, что кто-то, когда-то рискнет целостью своего «недвижимого имущества», начнет настоящую войну, «придет», «освободит»). Так все и вышло.

Рейху на баланс поступили громадные французские стратегические запасы: 8,5 тысяч тонн нефти, десятки тысяч тонн цветных металлов, 5000 паровозов, 40 000 автомобилей (правда, это совокупно с бельгийскими и нидерландскими).

Таким образом, созданное 17 марта 1940 года, не в период подготовки («Четырехлетний план»), а уже во время войны, Имперское министерство вооружений и боеприпасов (Reichsministerium die Waffe und Munition), коим руководили небезызвестные Тодт и Шпеер — это орган управления промышленностью именно «Объединенной Европы».

Чехи уже работают, а насчет норвежцев, датчан, голландцев, бельгийцев и французов в рейхе спокойная уверенность: будут работать!

Однако оставалась проблема в широком смысле слова: продовольственная. Весной 1941 года в рейхе были снижены нормы потребления ряда продовольственных товаров. Но, оказывается, чиновники из министерства продо-

вольствия еще задолго до этого просчитали: *«Европейскую войну можно продолжать только в том случае, если весь вермахт на третьем году военных действий* (это значит, считая от сентября-39, а не от июня-41, третий год войны в России никак не планировался. — *Прим. авт.*) *будет питаться за счет России».*

15 мая германские газеты объявили, что мясной рацион, выдаваемый по карточкам с июня, будет урезан на 100 грамов в неделю. Представительство конины в этом рационе росло все более и более.

Вот и еще, может, несколько неожиданный, пример понимания сути той войны. Наш поэт, и тоже княжеского рода («тоже» — это я вспомнил французского графа Экзюпери, упоминавшегося в 1-й главе — как прикрытие французских и европейских коллаборационистов) писал изысканные, «неоклассические» стихи до и после войны. Но на самой войне израненный гвардии капитан писал:

Вы нашей земли не считаете раем,
А краем пшеничным, чужим караваем,
Штыком вы отрезали лучшую треть.
Мы намертво знаем, за что умираем:
Мы землю родную у вас отбираем,
А вам — за ворованный хлеб умереть!

(Арсений Тарковский)

Немецким пивзаводам не хватало ячменя. Эрзац-пиво делалось на основе отходов молочного производства. Питье его было, конечно, тягчайшее, может, и непосильное испытание для «арийского духа».

В общем, не помогали даже и ежегодные прилежные поставки Франции по репарациям: 750 000 тонн пшеницы, 140 000 тонн мяса, 650 млн литров молока, 220 млн литров вина.

Вот что и стало главным фактором для разработчиков плана «Барбаросса».

Далее процитируем английского историка Лиддела Гарта (сэр Басил Генри Лиддел Гарт \ Sir Basil Henry Liddel Hart), ставшего ведущим современным британским историком, чей труд «Вторая мировая война», стал, по оценке специалистов, «почти главной официальной историей английских вооруженных сил».

«... По убеждению Гитлера, Германии следовало приобрести больше "пространства, полезного в сельскохозяйственном отношении", в малонаселенных районах Восточной Европы. Было бы напрасно надеяться, что ей с готовностью уступят это пространство. "История всех времен — Римская империя. Британская империя — доказала, что любое пространственное расширение может быть осуществлено лишь путем подавления сопротивления, путем риска... Ни в прошлые времена, ни сейчас не существовало и не существует пространства без владельца". Эту проблему следовало решить не позже 1945 года, ибо "после этого можно будет ожидать лишь перемен к худшему". Все возможные каналы подвоза были бы тогда перекрыты, и обострился бы кризис снабжения продовольствием.

Планы Гитлера были гораздо шире, чем намерение вернуть территории, отнятые у Германии после Первой мировой войны, и было бы неправильно утверждать, будто западные государственные деятели не знали об этом. В 1937—1938 годах многие из них были весьма откровенны в частных беседах, но не в своих публичных выступлениях. В английских правительственных кругах выдвигалось немало предложений относительно того, чтобы позволить Германии осуществить экспансию в восточном направлении и таким образом отвести опасность от Запада. Эти круги доброжелательно относились к стремлению Гитлера приобрести жизненное пространство и давали ему понять это. Однако они не удосужились подумать о том, как, если не угрозой применения подавляющей силы, можно заставить покориться владельцев этого пространства.

Немецкие документы свидетельствуют, что Гитлера особенно ободрил визит лорда Галифакса в ноябре 1937 года.

Галифакс был тогда лордом — председателем совета, вторым лицом в правительстве после премьер-министра. Сохранилась стенограмма беседы Галифакса с Гитлером. Галифакс дал Гитлеру понять, что Англия не будет мешать ему в Восточной Европе. Возможно, Галифакс имел в виду не совсем это, но таково было впечатление от его слов, и это имело чрезвычайно важное значение...»

Завершить тему «побудительно-питательных» мотивов принятия плана «Барбаросса» хочется примером удивительно точного понимания именно нашим народом этой заумной «германской геополитики», того, что Гальдер называет *«континентальным мышлением фюрера»*. И понимание это было выражено с таким достоинством и поистине просто с царственным сарказмом, что нельзя не исполниться гордости за соотечественников...

Кроме знаменитого «московского марша» колонн немецких пленных было проведено 16 августа 1944 года и в городе Киеве *«... конвоирование группы немецких пленных в количестве 36 918 человек»*. НКВД следило за поведением наших граждан во время прохождения. Все высказывания, выкрики, действия тщательно фиксировались. Были, конечно, плевки, угрозы, призывы расстреливать, НО — бросания камней не зафиксировано... Академик АН Украины Соколов *«сравнил это с 1941 годом, когда немцы вели советских пленных... наши не правы, допуская столь хорошее отношение к фрицам»*.

И вот этот поистине восхитительный, хотя и недооцененный эпизод (из отчета Хрущева Сталину): *«... в районе базара молодые женщины бросали в колонну яичную скорлупу с возгласами: «Хотели яйка?!»*

Простые женщины, потерявшие отца, мужа и обреченные на десятки лет нищеты, житья в землянках и тяжелейшего труда по восстановлению того, что во франциях и голландиях бережно сохранялось — эти женщины, два-три года слышавшие главный немецкий геополитический лозунг: «Млека, хлеба, яйка! » — они и нашли благородно простой и гениально остроумный ответ...

Еще интересно — не знаю, обращал кто-нибудь внимание: среди лидеров нового звена «евроменеджмента» — министров Reichsministerium die Waffe und Munition — обнаружился интересный «архитектурно-строительный уклон». Первым рейхсминистром стал Фриц Толт, ранее шеф общенациональной строительной организации «Тодт», создавшей знаменитые по сей день рейхсавтобаны. Но 29 ноября 1941 года (буквально за 5 дней до начала нашего контрнаступления под Москвой) Тодт подал очень мрачный доклад фюреру («в военном и военно-экономическом отношении война уже проиграна, необходимо политическое урегулирование»), и затем в 1942-м погиб в несколько странной авиационной катастрофе.

Следующим и, собственно, последним рейхсминистром стал любимый архитектор фюрера Шпеер. Он вдруг оказался очень успешным руководителем промышленности «Объединенной Европы». За два года ему удалось, например, добиться трехкратного увеличения выпуска бронетанковой техники. Годы его руководства министерством называют «эрой Шпеера». Даже и среди вопросов к будущему герою «нюрнбергского процесса» попадались такие... с неким оттенком восхищения: «... а как же вам удалось? »

Но не будем вытягивать уж слишком ноту восхищения этим «евроменеджером» — по танковому производству он все же проиграл СССР. Известно следующее его высказывание: «... германская промышленность вооружений не приемлет конвейерный метод Америки и России, а в основном полагается на немецкий квалифицированный труд».

«Шпееровский» принцип дублирования поставок узлов и агрегатов с разных заводов был излишне усложнен и приводил к огромным перегрузкам транспортной системы. Например, в производстве Panzer V Panther участвовало 136 смежников. Корпуса поставляли 6 заводов, моторы — 2, коробки передач — 3, траки — 4, башни — 5, во-

оружение — 1, оптику — 1, стальное литье — 14, поковки — 15, остальные — готовые агрегаты, детали и крепеж.

В «извинение» Шпееру приводят необходимость рассредоточения мощностей и снижения их уязвимости от воздушных бомбардировок. НО можно опять-таки вспомнить и о танках «КВ», выпускавшихся в блокадном Ленинграде, о Сталинградском тракторном.

■ ДИЛЕТАНТСКИЕ ЗАПРОСЫ

А почему, собственно?

«Спецы-историки» по некоторым темам — настолько во власти стандартов, «двойных стандартов» в том числе, что требуются именно *«Дилетантские запросы»* (не путать с депутатскими) — чтобы вернуть простой здравый смысл, например, в сферу оценки «участия, соучастия и Сопротивления Гитлеру» во Второй мировой войне.

А почему именно 29 ноября 1941 года тот самый Тодт пошел... и т.д.?

Действительно, интересно поразмышлять над датой самоубийственного «тодтовского» доклада фюреру («война проиграна») ... 29 ноября. Почему именно тогда? ...

Может, «хозяйственник» Тодт как-то узнал о готовящемся 5 декабря советском военном ударе, ставшем внезапным даже для немецких полководцев, и испугался, что вместо рейхсавтобанов ему скоро придется строить БАМ? Этот вариант — «с тайной помощью узнал о...» — это, конечно, ерунда, александрдюмовщина. Мое предположение таково. Дата доклада — это как бы точка решения уравнения:

1) момент получения в свое «распоряжение» максимального куска страны, но 2) ДО первого военного поражения. Он ведь, Тодт, отвечает за экономическую отдачу захваченных земель.

Допустим, август-41 — он получил еще слишком мало, чтобы судить, январь-42 — его проблемы уже заслонены военным разгромом. А конец ноября-41 — как раз: у него,

у Тодта — уже вся Украина, Белоруссия и пол-Черноземья, к военным претензий пока (вроде бы) никаких (график наступления: захваченные квадратные км/дни — почти польский). А перспектив хозяйственного освоения, «сотрудничества», как оказалось...

... Их все (перспективы), просто смакуя, перечисляет Илья Эренбург. В Калуге два афериста обещали «наладить производство газовой воды». Нет, не пугайтесь, «газовая вода» — это не по части химического оружия — «газировка». Сколько немцы носились с этой парочкой! — а реализация... ну представьте себе всю насущную важность газировки в оккупированной Калуге! А в Киеве, кажется, стала выходить газета. Издатель, как оказалось — румынский сутенер Бузескул...

В декабре 1941 года специальная комиссия по производству танков и запасных частей изучала возможность привлечения промышленного потенциала оккупированной части СССР. Некоторые надежды возлагались на выпуск танковых бронекорпусов на заводе имени Ильича в Мариуполе, доставшегося немцам с меньшими повреждениями... Но этот завод, как и прочие советские заводы, не вошел в гитлеровское ЗАО «Европа». Ведь кроме удачного или неудачного подрыва заводских корпусов при отступлении, «блокирующим пакетом» (если продолжить акционерную терминологию) обладали «кадры», люди. И если в Париже, Брюсселе, Копенгагене и Праге они готовы были работать под любым флагом, то в Мариуполе, Донбассе дело обстояло совсем не так. Прибавьте сюда зависимость заводов от инфраструктуры: подрывались водокачки, линии электропередачи. Знаменитая «рельсовая война»... — правда, за эти диверсии приходилось расплачиваться не только «недвижимым имуществом». В Белоруссии немцы положили на рельсы 400 заложников и пустили паровоз... Но гражданам стран — бывших пайщиков гитлеровского ЗАО сие и вообразить трудно. Наиболее

им представимые герои Сопротивления — это Киану Ривз с подружкой в фильме «Матрица».

В 1940—1941 годах германские танкостроительные фирмы по указанию министерства вооружений и боеприпасов заказывали ряд деталей мелким машиностроительным фирмам во Франции, Бельгии, Дании, Румынии. Но особый вклад внесли заводы «Шкода» в Пльзене и «ЧКД» в Праге (переименованный немцами в «ВММ»), до самого конца войны производившие легкие танки и самоходные установки собственной, чешской разработки для вермахта. Правда, выпуск средних или тяжелых танков немецкой конструкции здесь не развивался.

В Австрии на базе штирийских рудников у Линца был построен крупный металлургический комбинат с цехами производства бронекорпусов. Аналогичные цеха работали на заводе качественной металлургии фирмы «Белер» в Калфенберге. Это позволило строить средние и тяжелые танки на крупном заводе «Нибелунген» в Санкт-Валентине. Его продукция, равно как и чешских фирм «Шкода» и «ВММ», во всех статистических сводках значится как немецкая.

Еще раз предоставим слово рейхсминистру Шпееру, вернее, воспроизведем слово, произнесенное им на Нюрнбергском процессе:

«Постоянный рост военного производства вплоть до осени 1944 года является поистине удивительным. Однако этого было недостаточно для удовлетворения потребностей фронта, и каждый фронтовик может подтвердить этот печальный факт. Ожесточенные бои в России и в Нормандии, а также катастрофические отступления летом 1944 года привели к таким потерям, которые не мог восполнить наш тыл... развязка наступила после того, как прекратилось снабжение горючим и были разрушены наши коммуникации в результате опустошительных налетов англо-американцев. Хотя в Германии было вооружение и боеприпасы, они, по крайней мере в достаточном количестве, не могли больше доставляться на фронт.

С другой стороны, союзники имели все необходимое, а ресурсы, которыми располагало союзное командование в Соединенных Штатах и в Британской империи, были настолько велики, что оказалось возможным передать России огромное количество военных материалов. Не следует забывать, что сама Россия превосходила западных союзников в производстве артиллерийских орудий и танков.

Подавляющее экономическое превосходство противника и наша неспособность отразить его воздушные налеты ясно показывали, что у нас нет никаких шансов на победоносное завершение войны. Я не обвиняю промышленность Германии. Ее достижения были огромны, но все же она не могла соперничать с производственной мощью Соединенных Штатов, Британской империи и Советского Союза. Война одновременно с тремя этими державами была для Германии безумием и могла иметь только один исход.

Утверждение, что войну можно было бы выиграть, если бы не было предательства и саботажа, опровергается приведенными выше фактами. Даже если допустить, что саботаж действительно имел место, то и тогда мы должны будем признать, что он мог ускорить проигрыш войны, но не был основной причиной нашего поражения. Утверждают, что саботажники, принадлежавшие к оппозиции, делали все от них зависящее, чтобы ускорить разгром Германии. Заявляют, что они мешали производству вооружения, и боеприпасов и отдавали вредительские распоряжения, поддерживали связь с противником, всячески тормозили отправку на фронт пополнений. Но вся литература о движении Сопротивления, включая произведения враждебно настроенных писателей, не содержит ни одного доказательства, что на фронте когда-либо проводился саботаж. Отдельные случаи имели место незадолго до начала войны, в начале кампании во Франции и в последние месяцы войны, когда члены движения Сопротивления устанавливали политические контакты с противником. Это все».

Эта цитата топ-менеджера ЗАО «Европа» здесь приводится как переход к следующей теме исследования:

«Движение «Сопротивления» в Европе». Ведь если провести обычное конвертирование терминов. связанное с переходом на противоположную точку зрения, меняя «подлых шпионов» на «храбрых разведчиков», то упомянутые Шпеером выше «предатели и саботажники» — это и есть те деятели Сопротивления, «вклад которых в общую...» или, скажем, «помощь» которых советской Победе мы пытаемся оценить. Первая оценка допрашиваемого рейхсминистра: *«... так, особо не досаждали»*. А гипотезу о «решающем вкладе саботажников» он, Шпеер, опровергает уже энергично и категорически.

Но важность темы не позволяет ограничиться лишь сей оценкой. В огромном историческом пласте мы наверняка отыщем и другие, может, даже противоположные оценки. Эта же, шпееровская, важна именно как общесистемный взгляд, взгляд человека, имевшего дело только с *макро*экономическими проблемами Объединенной Европы. Потенциал стран, отраслей, выстраивание оптимальных связей, пути сообщений и уроны от бомбежек, захваты и потери месторождений... в общем с этих высот «Сопротивление» было слаборазличимо, точнее, незаметно.

Еще один топ-менеджер, начальник Генерального штаба вермахта, генерал Гальдер:

«Мой главнокомандующий и я выступали против Гитлера всякий раз, когда нужно было помешать ему принять решение, которое, по нашему мнению, было невыгодно для Германии и армии. Но все, в чем нуждались войска для выполнения их трудных и тяжелых задач, всегда отправлялось на фронт. В борьбе с Гитлером мы никогда не шли на действия, которые могли бы причинить какой-либо вред нашим войскам на фронте».

Говорили, что за последние месяцы войны подкрепления не прибывали, что положенное для пехоты снаряжение отправлялось в танковые дивизии, а пехота получала горючее, предназначенное танковым частям. Любому,

кто находился в это время на фронте, станут понятны причины такого положения. В последние месяцы войны наши коммуникации были нарушены настолько, что фактически было невозможно обеспечить доставку пополнений к месту назначения. Командиры боевых групп забирали в свои руки все то, что следовало через районы расположения их войск. Мы хорошо знали, что пополнения, боевая техника и горючее, предназначенные для фронта, задерживались также и гаулейтерами, которые все это использовали для своих собственных частей фольксштурма».

Это — ответ на еще одну гипотезу: «А не были ли перебои в снабжении фронта последних месяцев заслугой какой-либо организации Сопротивления, какой-нибудь из двух «Капелл»?»

«Остается выяснить наше отношение к событиям 20 июня 1944 года — покушению на Гитлера. Лично я узнал об этом из сообщения, переданного по радио; в то время мы вели тяжелые оборонительные бои в районе Львова. Мы все были буквально ошеломлены, когда узнали, что немецкий офицер оказался способен совершить покушение и, главное, в такой момент, когда солдаты на Восточном фронте вели смертельную борьбу, стремясь остановить наступление русских войск. Мы хорошо знали о злоупотреблениях, совершаемых руководителями "коричневых рубашек", особенно "рейхскомиссарами", а также о высокомерном поведении этих людей и о преступлениях начальников особых отрядов (айнзатцгрупп) СС, хотя вблизи фронта мы редко чувствовали присутствие этих подозрительных личностей. Партийные деятели не пользовались большой популярностью на фронте. В периоды затишья многие выражали свое недовольство поведением этих "господ", и все говорили, что в этом надо разобраться сразу же после окончания войны. Тем не менее, солдаты-фронтовики — а мы, офицеры генерального штаба в войсках, гордимся, что относимся к ним — были возмущены, услышав о покушении; солдат на фронте выполнял свой долг до самого конца. Только во время заключения в лагере

мы узнали более подробно о том, что послужило причиной покушения на Гитлера. Я должен признать, что люди, виновные в этом, руководствовались высокими идеалами и глубоким сознанием своей ответственности за судьбу нашей страны. Полковник граф Штауфенберг и его единомышленники из ОКХ сознавали, что гитлеровский режим приведет Германию к катастрофе. Они глубоко верили, что устранение Гитлера избавит Германию от дальнейшего кровопролития. Но если бы покушение на Гитлера удалось, это привело бы к кровавой внутренней распре с войсками СС. Во внешней политике это также не привело бы к каким-либо успехам. Противник решил проводить политику "безоговорочной капитуляции" вне зависимости от того, будет или не будет в Германии национал-социалистского правительства. Такой политикой Рузвельт только усиливал волю к сопротивлению каждого немца и тем самым совершал ту же ошибку, что и немецкие политические руководители в России, не видевшие разницы между коммунистами и русским народом. Если бы покушение на Гитлера удалось, все немцы возложили бы ответственность за катастрофу на наш офицерский корпус и в особенности на германский генеральный штаб. Во всяком случае, нам не следует забывать, что война была проиграна не участниками заговора 20 июля 1944 года».

Смертная казнь за самые различные проявления неповиновения (вроде распространения враждебных слухов), объявленная в рамках «тотальной войны», усилила атмосферу террора в тылу, но не могла спасти нацистский режим. Если в годы Первой мировой войны в Германии за государственные преступления было казнено 50 человек, то в годы Второй — около 30 тысяч. В меморандумах СД, предназначавшихся высшему руководству Третьего рейха, особое внимание обращалось на пораженческие настроения, охватившие молодежь допризывного возраста. В крупнейших городах стали стихийно возникать альтернативные объединения молодежи полукриминального характера,

называвшие себя «пиратами». Брожение тыла постепенно начинало охватывать и армию, введение должности офицера по национал-социалистскому воспитанию не компенсировало падения боевого духа солдат. Проведенная в июле 1944 года сверхтотальная мобилизация дала всего 300 тыс. новых солдат, хотя для простой компенсации людских потерь вермахта было необходимо более миллиона.

Прилагающийся портрет евроменеджера

О втором и последнем министре Reichsministerium die Waffe und Munition стоит сказать еще несколько слов. Главным образом потому, что в опубликованной в 1970 году Альбертом Шпеером книге «Внутри Третьего рейха», кроме огромного объема фактов и «эксклюзивных» наблюдений, есть одно, почти мимоходное замечание, очень важное для нашего «досье».

«Внутри Третьего рейха» признают «самыми выдающимися политическими мемуарами всех времен». Писал ее Шпеер в крепости-тюрьме Шпандау, отбывая 20-летний срок по приговору, полученному им в Нюрнберге. Писал тайно, передавая «на волю» по листочку.

А на самом Международном военном трибунале 1946 года Шпеер привлек внимание по двум пунктам: 1) он, единственный из всех обвиняемых, признал свою вину за преступления Третьего рейха: «Этот суд необходим, в авторитарной системе за такие ужасные преступления все несут общую ответственность». 2) он единственный имел определенные личные отношения с Адольфом Гитлером. Вот благодаря этому пункту Альберт Шпеер был в Нюрнберге не только обвиняемым, но и самым «востребованным» свидетелем. Понятно, что за скамейкой трибунала возвышалась, громоздилась фигура фюрера. Ученые, историки и психологи, прежде всего западные, хотели както объяснить, рационализировать, вычленить «психоло-

гические предпосылки». Альберт от этой роли, в общем, не отбрыкивался, заявляя: *«Мне кажется, что если бы у Гитлера мог когда-либо быть друг, этим другом был бы я»*. Известно было, что фюрер, будучи сам несостоявшимся архитектором, видел в Шпеере воплощение собственных юношеских мечтаний. Также зафиксировано, что Гитлер часами стоял прикованный к наброскам и макетам Шпеера. В 1938-м он вручил ему Золотой партийный значок.

Родился Шпеер 15 марта 1905 года в Манхейме. Изучал архитектуру, был ассистентом в Берлинском техническом институте. В 1931 году вступил в НСДАП, а в 1932-м — в СС. Состоял членом нескольких второстепенных архитектурных комиссий по сооружению штаб-квартиры гауляйтера Берлина, затем ему было поручено техническое обеспечение гигантского партийного съезда в Темпельхофе 1 мая 1933. Мастерское использование Шпеером быстро сооружаемых флагштоков и необычных световых эффектов придало нацистским массовым сборищам особый помпезный стиль. В 1934-м ему поручили разработать проект обустройства участка для партийных съездов в Нюрнберге.

Тут я должен внести небболышое уточнение. Все повторяют: «Архитектор, архитектор...» И сам я в этой главе объединял Шпеера со строителем Тодтом, пытаясь вывести некую закономерность. НО, строго говоря, на момент, когда его приблизил фюрер, Шпеер не строил, не проектировал зданий. Оформление съездов, парадов, павильонов — это все иная сфера, хотя и смежная. (У нас, в современной России, этим занимается знаменитый дизайнер Краснов.) И только много позже Шпеер получил от Гитлера и собственно архитектурные заказы. Получается, что случай Шпеера, как и беспрецедентный экспромт с покорителем Норвегии генералом Фалькенхорстом (фон Ястржембским), разобранный нами в 13-й главе — проявление определенной интуиции Гитлера.

«... Он приблизил к себе способного архитектора, назначил его руководителем отдела Германского трудового

фронта и ввел в штаб своего заместителя. В 1937-м Шпеер стал Главным инспектором рейха по архитектуре, получив задание «вновь сделать Берлин настоящей и истинной столицей Германского рейха». Воплощая грандиозные замыслы Гитлера, Шпеер неутомимо работал: проектировал государственные учреждения, стадионы, дворцы, монументы и целые сверхгорода для будущей Великой Германии. Шпеер открыто выражал восхищение идеями своего патрона, которые другие архитекторы называли «безумной сентиментальностью», годной для прошлого века».

В 1941-м Шпеер был избран депутатом рейхстага. А с 1942 года он — министр вооружения и военной промышленности вместо погибшего в авиационной катастрофе Фрица Тодта. Шпеер был также членом центральной плановой комиссии, генеральным инспектором водных ресурсов и энергетики, директором организации Тодта, руководителем Национал-социалистического корпуса водителей и начальником главного партийного технологического управления. Некоторое время он считался вторым человеком в Третьем рейхе и безусловным диктатором германской военной промышленности. Он достигал необыкновенных производственных результатов, несмотря на противодействие со стороны других нацистских руководителей и невзирая на тяжелые потери от бомбежек союзников. В последние недели войны он оказал сопротивление приказам Гитлера проводить тактику «выжженной земли».

В своих показаниях Шпеер утверждал, что его деятельность была «технологической и экономической», а не политической, что он был лишь архитектором, и все, что ему было известно о происходящем, это то, что он мог прочитать в газетах. Но он признавал, что отвергал жестокость не в силу гуманности, а с практической точки зрения, поскольку излишняя жестокость была бы помехой в его усилиях увеличить производство. Трибунал ограничился

тем, что признал «соучастие» Шпеера в программе использования подневольного труда: «В качестве смягчающего обстоятельства было признано то, что... на заключительных этапах войны он был одним из немногих, кто имел смелость сказать Гитлеру, что война проиграна, и предотвратить бессмысленные разрушения промышленных предприятий». Шпеер был признан виновным по пункту 3 (военные преступления) и пункту 4 (преступления против человечности). 1 октября 1946 года он был приговорен к 20 годам заключения в берлинской тюрьме Шпандау. Освободился, как бы у нас сказали, «по звонку», в 1966-м. Тоже факт интересный, учитывая, что сотни немецких генералов освобождались через 3—5 лет.

Теперь вернемся к шпееровской книге «Внутри Третьего рейха». «...самые выдающиеся политические мемуары всех времен. Книга демонстрирует, каким образом неограниченная власть Гитлера смогла сочетаться с новым механизмом, обеспеченным современной технологией». Но для целей нашего исследования из мемуаров Шпеера я выношу одно очень важное наблюдение и прошу вспомнить о нем в главе *«А сколько было колонн»*. Как мне кажется, существует и будет все более развиваться в политкорректных работах ученых Объединенной Европы (брюссельской) мысль о том, что предыдущая «Объединенная Европа» (берлинская) была эдаким монолитом, кристаллом неограниченной воли Гитлера. За этот «монолит» и прячется ответственность и даже экономическая заинтересованность стран вроде Франции, Бельгии, Чехии, Голландии. Они пишут о «жестоких приказах фюрера», но были и «заказы» (наверняка и с предоплатой). Вот и Шпеер пишет, что:

«Третий рейх на самом деле был весьма далек от монолитного тоталитарного государства, а был лишь раздробленным феодальным княжеством, контролируемым местными политиками. Каждый отстаивал собственные личные интересы и стремился к собственной выгоде, не заботясь о том, какой ценой дается война».

Гимн технократам

Шпееровский принцип «самоответственности промышленности», а главное, разработанная им новаторская система планирования (в значительной степени вошедшая и в современную теорию управления) стали одной из главных удач Германии в ту войну. Но и самые бесспорные успехи рейхсминистра вооружений не спасали его от интриг Геринга, Гиммлера и более всего — Бормана. Шпеер вспоминает, как однажды он принес Гитлеру номер английской газеты «Обсервер» за 9 апреля 1944 года. Гитлер надел очки и уселся читать.

«"В известном смысле Шпеер для Германии сегодня важнее, чем Гитлер, Гиммлер, Геринг, Геббельс или даже генералы. Как-то так получилось, что они стали работать на подхвате у этого человека, который действительно обеспечивает работу гигантского двигателя и выжимает из него максимум возможного. Его пример — чистый образец революции менеджеров. Шпеер — не один из тех опереточно-живописных наци, которые всегда на виду. Вообще неясно, есть ли у него какие-либо иные, чем самые расхожие, политические убеждения. Он спокойно мог бы присоединиться к любой партии, которая обеспечила бы ему работу и карьеру. Это ярко выраженный тип преуспевающего среднего человека — хорошо одет, вежлив, непродажен. И по образу жизни семьи (жена и шестеро детей) — типично средний класс. В гораздо меньшей степени, чем кто-либо другой из немецких руководителей, он напоминает о чем-то немецком или типично национал-социалистском. Он, скорее всего, служит воплощением того типа, который во все возрастающей мере начинает играть важную роль во всех воюющих странах — чистого техника, не принадлежащего к какому-нибудь классу, блестящий человек без знатного происхождения, у которого нет иной цели, кроме как пробиться, опираясь на свои технические и организационные способности. Именно отсутствие пси-

хологического и духовного балласта и непринужденность, с которой он обращается с ужасным механизмом нашей эпохи, позволяет ему продвинуться столь далеко... От гитлеров и гиммлеров мы можем избавиться, но шпееры будут среди нас".

Гитлер внимательно дочитал до конца, сложил листок вдвое и молча отдал его мне с каким-то почтением».

Почти такими же словами (поверьте — и мы сэкономим место в этой книге) и сам Шпеер описывает команду технократов Вернера фон Брауна. Далее.

«У меня было намерение наладить во Франции, Бельгии, Голландии массовое производство потребительских товаров: одежды, обуви, текстиля, мебели, с тем, чтоб предприятия аналогичного профиля в Германии переориентировать на военную продукцию... я пригласил французского коллегу в Берлин. Министр Бишелонн, профессор Сорбонны, имел репутацию чрезвычайно способного и энергичного человека. Не без некоторых пререканий с МИДом я добился, чтоб его принимали как гостя немецкого правительства. 17 сентября я принял Бишелонна, с которым у меня сложились почти дружеские отношения. Мы оба были молоды, верили, что нам принадлежит будущее... Я был готов отменить территориальное обкрадывание Франции... тем более, по моим представлениям, не столь уж и важно, где проходят государственные границы в Европе, при связанности воедино совместным производством.

Ключевой в тот день была проблема депортаций рабочей силы из Франции в Германию (доходивших до 50 000 чел/месяц).

Бишелонн пренебрег указаниями Лаваля (французский премьер), я — Заукеля. Согласованный план был выгоден для обоих сторон... Были определены заводы, изъятые из заукелевской практики насильственной мобилизации рабочей силы, о чем извещали охранные грамоты за моей личной подписью... под конец вне сферы Заукеля оказались все ведущие предприятия числом в десять ты-

сяч... Вместо 50 000 стало депортироваться менее 5000 человек. 1 марта 1944 года Заукель с раздражением рапортовал: "Мои службы докладывают, что все подошло к концу. Во всех префектурах одно и тоже: министр Бишелонн заключил с министром Шпеером соглашение..."».

Признайте: в этих описаниях Объединенная (Гитлером) Европа и Объединенная Европа-2 (нынешняя) — ну просто неразличимы. Один и тот же дух оптимизации, расчета, сотрудничества.

Разве что штриха небольшого недостает: чтобы Шпеер перевел свое Министерство (Reichsministerium die Waffe und Munition) в Брюссель, в столицу нынешних европейских технократов.

Значит, нужно уточнить баланс: в числе противников СССР тогда были не только фанатики вроде Гитлера, Заукеля, Геббельса, но и европейские топ-менеджеры.

Глава 10

О передаваемом в трастовое управление имуществе
(и немного — об общественном порядке в период передачи)

Чтобы представить весь масштаб чешско-гитлеровского сотрудничества, уместно дать общее представление о мощи хотя бы одного-двух чешских предприятий.

История концерна «Шкода» началась в 1859 году: граф Валленштейн-Вартенберк основал в городе Пльзень литейные и машиностроительные фабрики, выпускающие оборудование для сахарных мельниц, пивоварен, шахт, паровых двигателей и котлов, элементы металлических мостов и железнодорожных сооружений. В 1869-м владельцем фабрики стал инженер и предприниматель Эмиль Шкода (Emil Skoda), фамилия которого стала торговой маркой.

В 1880-х годах «Шкода» — передовое в Европе литейное и металлообрабатывающее предприятие, чья продукция шла на самые «знаковые» объекты XIX века: электростанции на Ниагарском водопаде, шлюзы на Суэцком канале. В Первую мировую войну «Шкода», крупнейший производитель оружия в Австро-Венгрии, поставляет тяжелые пушки и боеприпасы для армии и флота.

В 1917 году на одних только заводах Пльзеня было 35 000 работников. «Шкода», одна из фирм, обеспечив-

ших Чехословакии 1-е место в мире по экспорту вооружений, поставляет их в Южную Америку и Азию, в дальневосточные страны.

В 1925 году в состав «Шкоды» вошла автомобильная компания Laurin&Klemen, о которой надо сказать следующее. В 1895 году Лаурин (Vaclav Laurin) и Клемент (Vaclav Klement) основали производство по выпуску велосипедов «Славия» (Slavia). А спустя 4 года, в 1899 году, компания Laurin&Klement приняла решение перейти от выпуска велосипедов к производству мотоциклов, мгновенно завоевавших популярность. Это решение быстро принесло компании известность, благодаря выступлению новых мотоциклов в различных международных соревнованиях. В 1905 году сошел первый автомобиль «Voiturette A», как и первые мотоциклы, имевший огромный успех. Именно «Voiturette A» завоевала для L&K стабильное положение на развивающемся международном рынке автомобилей. А в 1907 году, благодаря постепенно расширяющемуся производству, вышедшему за рамки семейного бизнеса, Laurin&Klement основали акционерное общество. В 1911 году в производство был запущен автомобиль модели «S» с двигателем мощностью 14 л.с. Он стал самой популярной моделью фирмы перед Первой мировой войной не только в стране, но и за рубежом. Были созданы филиалы фирмы в Петербурге, Москве, Киеве и Ростове. Крупные партии автомобилей продавались в Японию, Китай, Австралию, Мексику, Германию и Англию.

Но кроме легковых и грузовых автомобилей компания в разное время производила авиационные двигатели и самолеты, гоночные авто, стационарные генераторы электричества, дорожные катки и многое другое, что поистине является необычным явлением для автомобильных компаний.

В годы Первой мировой войны деятельность компании была направлена на производство военной техники.

Дальнейшее развитие автомобилестроения: модель «Шкода Монте Карло» (1935) получила свое название в честь победы на ралли в Монте-Карло.

В 1939 году компания ASAP Skoda становится частью немецкой промышленной группы Hermann-Goering-Werke (Герман Геринг Веркс) и переключается на выпуск военной продукции. На базе «Шкода Суперб», «Шкода 900» выпускались внедорожники для армии. Газогенераторные грузовики, тяжелые гусеничные тягачи (RSO — Raupenschlepper Ost, «ползающий трактор «Восток»). В августе 1940 года с разрешения немецких властей «Шкода» продала Венгрии лицензию на производство Т-22.

Повторное вхождение «Шкоды» в 1991 году в германский концерн имело совершенно мирный характер. И был это уже не Hermann-Goering-Werke, а Volkswagen Group.

Неправы будут те, кто заподозрит шкодовцев в полной безответственности и моральном безразличии к последствиям их «работы». Вот фрагмент из официальной истории завода.

«В феврале 1934 года «Шкода» представила военному руководству страны макет легкого танка SU, а весной изготовила его прототип. Танк имел броню от 8 до 15 мм и развивал скорость до 30 км в час, запас хода составлял 150 км.

К окончанию испытаний первой модели «Шкода» разработала улучшенный образец S-II-a (S — Skoda, II — легкий танк, а — предназначенный для кавалерии) с увеличенной до 25 мм толщиной брони, корпуса и башни. На танки устанавливались 37-мм пушки, которые производила та же «Шкода». До 1939 года заводом «Шкода» было выпущено 295 танков.

К несчастью, после оккупации Чехословакии ее танки были включены в состав немецко-фашистских частей и участвовали в захвате Польши, Франции, в войне против Советского Союза. *Последний танк чешского производства был уничтожен* 10 декабря 1941 года при освобождении подмосковного города Клин.

Некоторые танки со снятыми башнями использовались как артиллерийские тягачи береговой обороны в Дании...»

Что тут можно добавить? Моральная ответственность у шкодовцев есть, но она, как и их танки — «легкая и средняя». Вот, пишут, — выпустили 295 танков, к несчастью, они попали Гитлеру, но уже к 10 декабря 1941 года с ними было покончено, и документально запротоколировано, что дальше подмосковного города Клина они не пошли. То есть признается ответственность за танки, наклепанные в 30-е годы. А шесть лет бесперебойного производства новых танков, джипов, грузовиков и прочего военного имущества — это, в общем, история не наша, а концерна Hermann-Goering-Werke... Но то, что старый «запас танков кончился к 10 декабря 1941 года» — это же самая обычная практика, реальность той войны. «Расход» и собственно немецких Т-II бы примерно такой же, и нет причин считать 10 декабря праздником —Днем окончания ответственности за танки...

В войну «Шкода» выпускала немецкий легкий танк Pz Kpfw-35.

Все специальные энциклопедии называют лучшим, среди легких и средних танков вермахта другую модель — Pz Kpfw-38, изготовитель — концерн BMM. Этот BMM — бывший (до 1939 г.) другой знаменитый завод «ЧКД-Прага». А танк Pz Kpfw-38 x (действительно очень удачная модель) — это чешский танк TNHP-S, экспортировавшийся в Иран, Швецию, Швейцарию, Румынию. Сразу же после присоединения Чехии последовал заказ вермахта на 350 машин, а всего их было изготовлено 1411 штук (по другим данным — 1300).

И кратко об истории и потенциале самого завода «ЧКД». Полное его название — «Чешско-моравская Колбен Данек», появился он в 1927 году в результате слияния фирм «Первая чешско-моравская машиностроительная фабрика», «Колбен и компаньоны», «Данек и компаньоны».

«Первая чешско-моравская машиностроительная фабрика» основана в 1870-х годах Оборудование для пищева-

рительных и химических цехов и конструкций из стали, паровозы, вагоны. В 1907 году создает вместе с фирмой «Рингхоффер» фирму «ПРАГА» по производство легковых и грузовых автомобилей.

Фирма «Колбен и компаньоны» основана в 1896 году Эмилем Колбеном, сотрудником самого Эдисона, главным инженером фирмы «Edison GE Co.». Производит гидротурбины, оборудование для гидроэлектростанций.

При образовании «ЧКД» штат — 12 000 чел. В 1930-е годы постоянно растет выпуск военной продукции. Во время оккупации была большая часть производства переведена для поставок немецкой армии. Вследствие воздушного нападения союзников в марте 1945 года повреждено около 70 % зданий и 50 % машинного оборудования.

Все вышеперечисленное — лишь малая часть и только бронетанкового чешско-моравского реестра. Копнуть далее и никуда не деться от упоминания удивительного чешского танка LT-38, на базе которого инженеры МББ (бывшие заводы «Прага») и «Шкоды» разработали самоходное орудие «Мердер», и, как признается, лучшую противотанковую самоходку той войны «Хертцер». Ее тираж 2584 штук — «превосходный результат» для этого жанра.

Что еще важно сказать о характере отношений в той «Объединенной Европе» 1938—1945 годов? Уровень гитлеровского насилия — возможно, еще будет масса попыток его даже преувеличить, чтобы спрятаться за ним, спрятать долю, дольку вполне рыночных отношений. Это в Освенциме и Майданеке звенели кандалы, а в «Объединенной Европе» звенели и монеты. В Данию, Норвегию, Чехию, Францию шли не только приказы, но и заказы. А перспективу, «Великий План», Гитлер так обрисовывает своим ближайшим единомышленникам:

«Застольные беседы фюрера. 13 октября 1941 г.:

Те страны, которые мы пригласим к участию в нашей экономической системе, будут иметь свою долю природных

богатств российских регионов. На экономическом уровне Америка никогда не станет партнером европейских стран. Дунай — река будущего. Мы соединим его с Днепром и Доном. Европа, а не Америка станет страной неограниченных возможностей... А украинский марганец важен и для Америки».

То есть фюрер, говоря по-современному, все же «был рыночником». Даже самым ничтожным своим контрагентам он показывал не только кнут, но и пряник.

Косвенные свидетельства, да еще взятые из каких-нибудь неожиданных сфер, тем и хороши, что принципиально нефальсифицируемы. Они как бы ненароком дают картину, точнее, самый краешек картины, но привычный глаз дорисует и остальное.

Примерно то же имеет в виду и Плутарх в своих бессмертных «Сравнительных жизнеописаниях», во вступлении к «Александру Македонскому»:

«... и не всегда в самых славных деяниях бывает видна добродетель или порочность, но часто какой-нибудь ничтожный поступок, слово или шутка лучше обнаружат характер человека, чем битвы, где гибнут десятки тысяч...»

Как я понимаю то, что насилие было не Абсолютное, но условное, осторожно нащупывающее допустимые уровни?

Фюрер выпустил серию антиеврейских законов, инструкций, требующих, в частности, убрать в рейхе все памятники евреям. В Лейпциге стоял памятник композитору Мендельсону — и бургомистр Гердерлео запретил его убирать. Он, бургомистр, пользовался в городе огромным уважением, так что нацисты уволить его не решались. И памятник стоял. Но однажды Гердерлео ушел в отпуск и ненадолго покинул Лейпциг. А его заместитель тут же приказал убрать Мендельсона.

Вернувшись, бургомистр приказал вновь установить памятник. И вот тогда уже последовало: смещение Гердерлео с поста, отправка его в концлагерь, а потом и казнь. (Ну а памятник, разумеется, вновь сбросили в первый же день.) Вот они, разные степени насилия. Насилия пробно опре-

деляющего, ищущего свои границы: бургомистр, поддержанный всем совокупным авторитетом города Лейпцига, мог не убирать памятник еврею. Но воздвигать уже не мог.

Второй пример — о немецкой вежливости. Конкретнее, о приветствии, гитлеровском салюте.

Если кто заглянет в «Директиву о гитлеровском приветствии», то узнает, что, оказывается, было два разных «Хайля!»

«При встрече лиц, относящихся к одной и той же общественной группе, рекомендуется поднять вытянутую правую руку под таким углом, чтобы лицо было видно из-под ладони. Этот жест должен сопровождаться словами "Хайль Гитлер!" или по крайней мере "хайль!". Если кто-то приветствует знакомого с большего расстояния, достаточно поднять руку описываемым образом.

Если встречается лицо, стоящее с общественной или иной точки зрения ниже, *следует поднять правую руку вертикально на уровне глаз и одновременно сказать: "Хайль Гитлер!"»*

Вот это «стоящее с общественной или иной точки зрения ниже» очень интересно. Иной, не общественной — это имеется в виду с расовой «точки зрения ниже». То есть была предусмотрена и отдельная форма отдания приветствий французам, голландцам и т.д.

И это тоже косвенное свидетельство о наличии modus vivendi в Третьем рейхе.

Глава 11

Главные «Мюнхены» чешской истории

Всякий, разглядывавший европейские карты разных эпох, помнит большую страну в самом центре Европы, очертаниями походившую на распяленную шкуру некоего животного. Заштриховывалась она обычно в серых тонах, иногда зеленым. Хотя очертания и названия менялись: Священная Римская империя германской нации, Австро-Венгерская империя, знаменитая «лоскутная империя Габсбургов». Чехия, главный экономический мотор империи, в название, в «титул» не попадала никогда.

Если двигаться по этому сложному историческому пунктиру: советские танки в Праге-1968 — чешские танки в России—1941/44 — «Позор Мюнхена» — Первая Чехословакия... и стараться при этом постигнуть некоторые закономерности чешской истории, все равно неизбежно упрешься в империю Габсбургов и, далее, в Священную Римскую империю.

Итак, Карл Великий первым воспроизвел Древнеримскую (Западную) империю приблизительно в старых границах, но в христианском уже мире. К 924 году империя фактически самораспалась, саксонский герцог Оттон возродил ее в 962 году. Чехо-Моравия — непременный и все более и более мощный член этого пестрого сообщества. Сменились династии императоров: Саксонская, Саличес-

кая, Гогенштауфены... Династический принцип успешно сочетался с выборностью императора. Коллегия этих выборщиков, Курфюрстов, включала пять-семь крупнейших князей империи. Габсбурги в это время — скажем так: мелкие-мелкие помещики. И не в Юго-Восточном (где Австрия) углу империи, а в Юго-Западном (где Эльзас). Построенный в верховьях Рейна примерно в 1020—1040 годах «Ястребиный замок» (Habichtburg, Хабихтсбург — перешедшее позже в Габсбург) не входил и в «первую сотню» княжеских замков империи. Когда скончался последний из Гогенштауфенов, наиболее вероятным кандидатом был чешский король Пшемысл Отокар Второй. «Король железный и золотой», называемый так за военную мощь и богатство, владел также частью Венгрии, Хорватии и Словении. Присоединив в 1250 году еще и Австрию, Пшемысл Отокар Второй стал самым могущественным монархом, безусловным «лидером» империи, а его личные владения удивительным образом напоминали очертания той страны, с какой Габсбурги останутся под конец своей истории, в 1918 году.

Но вот вам еще более уникальное совпадение. История Чехии у нас разбита и разложена на столь разные полочки, что вот о таком сопоставлении речь еще не заходила никогда.

"Двойной Мюнхен" Пшемыслу Отокару Второму!

Немножко смахивает на выкрик в баре... «Двойной Мюнхен! — Двойной Манхэттэн! » — но оригинальность сего подзаголовка никак не заслоняет верности сей исторической параллели. «Мюнхен» — понятно, с 1938 года — синоним грязного предательства. Но «Двойной»? Пшемысла Отокара Второго предали дважды. Сначала в 1273 году коллеги-курфюрсты не избрали его императо-

ром. Многие обещали, но... в конечном счете испугались именно мощи чеха. Выбрали, наоборот, слабейшего из кандидатов, Рудольфа Габсбурга Первого. Все называли тот вариант промежуточным. Нечто подобное бывает на выборах римских пап, когда кардиналы заходят в тупик и выбирают самого старенького из кандидатов, чтобы вскоре «вернуться к вопросу».

А вот Рудольф Габсбург оказался просто уникальной фигурой, основателем династии, продержавшейся 650 лет. (Наполеон в минуты упоения своими династическими планами говорил: «Я сам Рудольф Первый Габсбург своей династии».)

А как же со «вторым Мюнхеном» Пшемысла Второго?

Спросите любого из историков о наиболее значимой битве в истории Чехии — и 99 % назовут битву у Белой Горы, 1620 год. Времена начала Тридцатилетней войны и конца чешской самостоятельности — эта эпоха тоже еще будет затронута.

Но то, что произошло в 1278 году, заслуживает большего внимания. Эдакое уникальное предательство, въевшееся в саму ткань чешской истории.

Император Священной Римской империи был фигурой почетной (главный монарх христианского мира), но зачастую совершенно бессильной. Слабее многих своих фактически независимых вассалов, опиравшийся в основном на свои личные владения — а Рудольф как раз и был избран за скромность таковых. Но Рудольф решился на войну с Пшемыслом Отокаром, и вот в 26 августа 1278 года произошла эта удивительная битва на Моравском поле. Мощнейшая армия Пшемысла могла разбить Рудольфа, но изменники-заговорщики убили своего главнокомандующего, и чешская армия рассеялась. Поверьте, в правильно-европейских, неазиатских войнах — это редчайший случай. Династия Пшемысловцев вскоре пресеклась, но главное — Габсбурги получили свою главную «историческую базу», Австрию, Вену. И первый край, куда был брошен завоевательный

взгляд Габсбургов, — конечно же Чехия. Правда, полоса их первых успехов вскоре закончилась, «спираль истории» сделала еще много витков, прежде чем Габсбурги Чехию заполучили. Потомки Рудольфа на длительный исторический период потеряли и имперскую корону. Единственно твердо за все 650 лет исторических пульсаций принадлежала им отнятая у Пшемысла Австрия.

А у чехов был еще один период интеллектуального и военного «всеевропейского» взлета. Речь идет, конечно, о Яне Гусе (высокий интеллектуальный, религиозный, моральный порыв) и его гуситах (военный). И тут все закончилось мюнхенами, мюнхенами...

«Мюнхен» XV века находился в Констанце — туда на церковный собор был вызван Ян Гус со всеми письменными гарантиями неприкосновенности, грамотами, в том числе и от императора Сигизмунда Люксембурга (так что у чемберленовских гарантий богатая предыстория)! Богословские диспуты были недолгими: Яна Гуса схватили и 6 июля 1415 года сожгли на костре.

О знаменитых гуситах, «таборитах», смело и успешно противостоявших агрессии почти всей Европы, столько сказано... Можно только добавить, что даже и в середине XX века советские мальчики играли «в таборитов». (Автор сам свидетель и участник, строивший «вагенбург» из тележек и овощных ящиков.)

Непобедимые, казалось, табориты стали жертвой интриг Сигизмунда, папы, и, главным образом, богемских немецких дворян и горожан (чистый аналог — «судетских немцев» 1938 года). При Липанах в 1436 году чехи сражались уже между собой. И следствие: предатель Гуса, давно отвергнутый всей Чехией — Сигизмунд Люксембург возвращается королем в Прагу...

Не будем подгонять историю под схему: после констанцкого и липанского «мюнхенов» гуситы смогли преподнести Европе еще один большой сюрприз, сравнимый с триумфальными походами таборитов по всей Европе (и вот об этом в

нашей популярной историографии почти полное молчание). Вдруг почти уничтоженные гуситы выдвинули нового вождя: Георгия (Юрия) Подебрада, и тот в течение нескольких лет: захватил Прагу в 1448 году, стал регентом, а в 1458 году — королем (первым и единственным в Чехии гуситским королем). Уникальная личность в Средневековой Европе и единственный простолюдин, достигший королевского сана, заставивший папу и императора признать себя и породнившийся с несколькими королевскими домами...

Вновь на авансцену истории Чехия вышла во ходе первой из великих всеевропейских войн. Знаменитая Тридатилетняя война (1618—1648) и завершивший ее Вестфальский мир открыли эпоху, в которую мы, как считается, живем и сегодня. Сама идея «национальных суверенитетов» имеет точно определенную дату рождения — 24 октября 1648 года, день заключения Вестфальского мира.

■ ДИЛЕТАНТСКИЕ ЗАПРОСЫ

А почему, собственно, о Вестфальском периоде много говорили в 1999 году?

А потому, что Клинтон и Мадлен Олбрайт, затевая тогда войну против Сербии, попытались подвести под нее принципиально новое в международном праве обоснование: «Примат «общечеловеческих ценностей» над национальным суверенитетом». Тогда-то юристы-международники и заговорили о возможном «конце Вестфальского периода» и начале какого-то нового периода истории. И то, что сегодня о тех «общечеловеческих ценностях» вспоминают не чаще, чем о «синем платье Моники Левински» (и примерно в похожих тонах), показывает всю серьезность, неслучайность «Вестфальского» рубежа человеческой истории.

Эта важная в истории человечества война разбита учеными на 4 периода, в зависимости от главного на тот момент соперника Габсбургов:

1. Чешский 2. Датский 3. Шведский 4. Французский.

Началась Тридцатилетняя война в Праге, когда чехи отказались признать наследником чешского престола очередного Габсбурга. И 22 мая 1618 года восставший народ подверг императорских наместников «чешской казни» — дефенестрации. (Дефенестрация, казнь посредством выбрасывания из окна, — чешское изобретение. По-видимому, это связано с успехами многоэтажного строительства в Праге.)

Чехи избрали своего короля, протестанта Фридриха Пфальцского, но в 1620 году в той самой битве у Белой Горы были разбиты и лишились независимости на 300 лет! Вот это ирония! Нидерландам, Швейцарии и почти полусотне немецких княжеств Тридцатилетняя война *дала независимость*, но у чехов, начавших эту великую борьбу, наоборот — *забрала!*

Только крах Габсбургской империи в 1918 году и создание Чехословакии вернуло суверенитет этой нации...

То, что в 1938 году запомнилось миру как невообразимый калейдоскоп дипломатических интриг и зондажей Галифакса, Чиано и Боннэ, политических заявлений и опровержений Бенеша, Чемберлена и Даладье, метаний от Москвы до Вашингтона — у Гитлера называлось коротко: *План «Грюн»*.

После аншлюса Австрии Чехословакия, возможно, и выглядела на картах как беззащитная, полуокруженная страна. Но это только для любителей разглядыванья одних лишь «политических карт Европы». Потрудившийся заглянуть и в физические карты убедится, что коричневые места между Чехией и Германией — это не от «коричневой чумы фашизма». Это горы. Пограничные хребты Шумава, Чешский лес, Рудные горы, Судеты. По совести, их нельзя назвать непроходимыми. Последним (до Мюнхена-1938), кто прорвался через эти хребты, был Мольтке Старший, разгромивший в 1866 году австровенгров (и не-титульных, в основном рядового состава

чехов) в битве у Садовой. НО XX век внес свои коррективы. Главное — чехи укрепились. Именно сочетание горного рельефа и современных средств фортификации позволило создать эту уникальную линию, неизмеримо превосходящую все эти знаменитые «Мажино» и «Зигфриды». *Второй фактор: в вермахте 1938 года основная* ставка была сделана на танковые и моторизованные части. Но то, что давало преимущества на полях Польши и Франции, было, наоборот, существенным минусом в Рудных и Судетских горах. Вывод германских генералов, изучивших потом чешские укрепления, мы помним: «Никогда, ни при вхождении немецких войск в Рейнланд и Рурскую область, ни при аншлюсе Австрии, ни даже при нападении на Польшу в 1939-м и на Францию в 1940-м — никогда не было такого риска поражения». Частично чешские горные укрепления были неприступны, частично требовали более полугода штурма и совсем другой артиллерии для прорыва.

Из показаний на Нюрнбергском процессе известно, что немецкие генералы категорически возражали против предложенного Гитлером плана прорыва судетских укреплений, поскольку эта задача казалась им невыполнимой в военном отношении. Вильгельм Кейтель свидетельствовал: «Мы были необычайно рады тому, что дело не дошло до военной операции, поскольку... мы всегда придерживались того мнения, что наших наступательных средств недостаточно для штурма пограничных сооружений Чехословакии. С чисто военной точки зрения у нас просто не было средств для атаки, которая разбилась бы как волна о волнолом пограничных укреплений в Судетах».

Теперь бы и узнать, почему эта самая совершенная оборонительная система оказалась так и не испытанной практически?

Главным политическим инструментом взлома Чехословакии стали возглавляемые Генлейном «судетские нем-

цы». Как легко догадаться, проживали они в Судетских горах. И потому-то все разговоры (в основном английские) о возможности передачи этих районов Германии «в обмен на мир и гарантии» — это совершенно особый уровень цинизма и предательства. Гитлер создал в Судетах послушное ему политическое руководство, лидер которого Конрад Генлейн определил свою задачу следующим образом: «Мы должны всегда требовать так много, чтобы наши требования невозможно было удовлетворить''.

Намеченные на 22 мая 1938 года муниципальные выборы Генлейн потребовал засчитать как референдум о вхождении в Германию. Президент Чехословакии Бенеш объявил частичную мобилизацию, и майский кризис совершенно благополучно для чехов миновал. Генлейн сбежал в Германию.

(Интересный факт попался мне во «Всемирной истории человечества» Гельмонта, русское издание 1904 года: ранее Судетские горы назывались «Исполиновые горы». Точнее, тогда выделялись и Судеты, и Исполины. Позднее произошло объединение под первым из имен. Получается, то спорное нацменьшинство можно называть и... «Исполиновыми немцами».)

Следующим этапом давления можно считать поездку личного адъютанта Гитлера Видемана в Лондон и его переговоры с главой Форин офис лордом Галифаксом. Далее последовали и встречи самого фюрера с премьер-министром Чемберленом.

Почему обрабатывались прежде всего англичане? Договор о взаимопомощи у Чехословакии был с Францией и СССР, и французы попросили английского содействия в склонении чехов к уступке Судет. Видеман оставил интересные записки (изданные на английском как Private Papers, они есть в библиотеке Конгресса США). Итак, англичане «ждут и верят»: большие переговоры наконец умиротворят Гитлера, «канализируют» энергию и динамику рейха.

Видеман: *«Фюрер пойдет на полномасштабные переговоры с Великобританией и заключение долгосрочного договора —*

но только после разрешения центрально-европейской проблемы (присоединения Судет, как следовало из контекста разговора) ».

Галифакс: *«Передайте ему (фюреру), я надеюсь дожить до момента, когда осуществится главная цель моих усилий: увидеть Адольфа Гитлера с королем Англии на балконе Букингемского дворца!»*

Какая патетика! Тут, по-моему, есть место даже и для чисто фрейдистских исследований. Этот выход на «балкон». Как известно, главная, центральная любовная сцена в сюжете шекспировской пьессы «Ромео и Джульетта» — это знаменитая «сцена на балконе». И у воспитанного на Шекспире лорда могли отложиться образы... и т.д.

Видеман так пересказывает идеи Галифакса: *«Бомбы на Прагу — это война. Нужна другая тактика по Чехословакии. Не надо выстрелов — душите их».*

Конечно, это слишком большая ответственность — полагаться в вопросе такой важности (дипломатическая стратегия Великобритании 38 года) лишь на записки Видемана. Но вот и мнение германского посла в Лондоне Дирксена: *«Британцы желали решения вопроса этапами: от автономии к плебисциту, от плебисцита к отделению (Судет). Но при условии отсутствия будоражащих общественное мнение насильственных действий Германии».*

■ ДИЛЕТАНТСКИЕ ЗАПРОСЫ

А кто, собственно?

А кто, собственно, предавал Чехию? Британия или британское правительство Чемберлена? В иных случаях разделять страну и правительство — чистая софистика, но тут же явно, на каждом шагу видны опасения самого для Галифакса страшного — падения кабинета, отставки. «Первая бомба — и война». То есть опускалось

промежуточное звено: первая бомба — и... придет Черчилль (на год раньше), и тогда, действительно, война (он-то церемониться и рисовать «сцены под балконом» не станет!) Только надо было этой «первой бомбой» рискнуть...

Коллега Дирксена, британский посол в Праге Ньютон добавляет исторической концептуальности: *«Чехословакия — искусственное создание, не имеющее корней в прошлом»*. И, как, наверно, подразумевается, «не имеющее прав на будущее».

Не надо лишний раз напоминать о мере влиятельности в Британии и мире лондонской газеты «Таймс». А вот ксерокопию ее номера от 7 сентября 1938 года со статьей тогдашнего главного редактора Доусона нужно бы иметь в каждом чешском музее:

«Мы рекомендуем принять предложения, цель которых — сделать Чехию более однородным государством, путем отделения от него чуждого ему населения, живущего по соседству с народом, с которым оно связано расовыми узами».

Официальное заявление Лондона 18 сентября 1938 года: *«Следует отдать (Германии) те районы, где немцев более 50 % от общего населения. Без этого невозможны гарантии Чехии в ее новых границах»*. Оно прекрасно дополняется признанием на следующий (19 сентября) день английского военного министра Хор-Белиша: *«У нас нет никаких средств выполнения наших гарантий». (Смелей, Адольф!)*

Английский посол в Лондоне (это уже своеобразная PR-аранжировка): *«Если понадобятся оправдания перед определенными кругами, расценивающими это как постыдную капитуляцию перед германскими угрозами, то это можно объяснить нашей постоянной приверженностью принципу самоопределения наций»*.

Итоговая оценка — пускай и не самого высокопоставленного лица, всего лишь заместителя министра иност-

ранных дел (Галифакса) О. Харви:*«фактически за Германию ультиматум чехам предъявляли мы»*.

22 сентября правительство агрария Годжи ушло в отставку. Ставший во главе кабинета генерал Сыровы объявил мобилизацию. Внешне эти меры кажутся вполне достойными, но... внутренняя сущность действия может быть совершенно разной. Так и слово «мобилизация» может означать, что 2 миллиона чехов (это величина их отмобилизованной армии) получат винтовки и станут поджидать на своих уникально укрепленных перевалах 2,2 миллиона немцев (а это полная численность немецкой армии). А может «мобилизация» означать и простой словесный аргумент, чтоб попробовать в лондонской прихожей Форин офиса выторговать еще хоть что-нибудь.

Справка:

К осени 1938 года Германия довела численность армии до 2 миллионов 200 тысяч человек, при 720 танках и 2500 самолетах. Отмобилизованные вооруженные силы Чехословакии насчитывали 2 миллиона солдат и офицеров, при 469 танках и 1582 самолетах. Эта армия базировалась на мощных оборонительных сооружениях и вполне могла оказать более чем достойное сопротивление, но отдала страну без боя.

ДИЛЕТАНТСКИЕ ЗАПРОСЫ

А как, собственно, все было в этом Мюнхене?

К истории собственно последних «мюнхенских дней» можно добавить еще буквально пару строк:

Собрались как-то в Мюнхене англичанин, француз, немец и итальянец (вполне анекдотический зачин), и немец сразу же объявил, что его войска войдут в Судеты вне всякой зависимости от переговоров: 1 октября (через день). И в ночь на 30-е англичанин, француз, немец и итальянец подписали договор, что, действительно, «пускай входит». А чешские представители ждали действительно в прихо-

жей. А еще немец и англичанин, там же, в Мюнхене, раз уж приехали, подписали отдельный договор, который некоторые въедливые историки называют «фактическим германо-британским пактом о ненападении»...

А еще известно, что за три дня до того, 26 сентября, немец получил от американца (Рузвельта-президента) письмо с одной очень интересной фразой, которая, в общем-то, к Мюнхену отношения не имела, но была все-таки очень важной фразой, которую мы рассмотрим в главе «Право большой войны».

Конечно, этой анекдотической версией «Мюнхенского саммита» ограничиться нельзя. Вот воспоминания очевидца, переводчика Гитлера, Шмидта. (Хотя не исключено, что и в этой хронике вы почувствуете что-то анекдотичное.)

«... в Мюнхене произошла также небольшая стычка с Чемберленом. Он настойчиво поднимал один вопрос, который в целом не имел большого значения. Он касался передачи Германии чехословацкой общественной собственности на уступаемой территории. Чемберлен настойчиво добивался ответа на вопрос, кто компенсирует чехословацкому правительству стоимость зданий и сооружений, которые перейдут Германии вместе с территорией Судет. Было очевидно, что в этом случае говорит не премьер-министр и политик, а бывший министр финансов и деловой человек. Гитлер становился все более беспокойным. Наконец Гитлер взорвался. "Наше время слишком драгоценно, чтобы тратить его на такие банальности!" — крикнул он Чемберлену. Это произошло, когда Чемберлен в довершение всего поднял также вопрос, останется ли и скот на судетской территории или некоторое количество домашнего скота не следует уводить на ту территорию, которая останется от Чехословакии...

Проект соглашения, предложенный Муссолини, был тем временем переведен на три языка конференции, и на его основе, с несколькими незначительными изменениями, было выработано знаменитое Мюнхенское согла-

шение, которое и было наконец подписано между 2 и 3 часами утра 30 сентября...

Около девяти часов вечера Гитлер пригласил всех поужинать с ним в банкетном зале. Чемберлен и Даладье извинились, сказав, что должны позвонить своим правительствам; они были явно не в том настроении, чтобы присутствовать на банкете. Они обеспечили мир, но ценой серьезной потери престижа. Под нажимом Гитлера они пришли к соглашению о том, что союзник Франции должен уступить Германии часть своей территории. Как мы теперь знаем, и Франции, и Англии пришлось оказать на Чехословакию значительное давление, поэтому было вполне понятно, что Чемберлен и Даладье выглядели очень подавленными тем вечером.

Следовательно, исключительно итало-германская компания сидела с Гитлером за одним банкетным столом, который оказался довольно длинным. Именно тогда Муссолини сделал свое заявление о возможности катастрофических последствий для Италии в период Абиссинской войны, если бы Лига Наций распространила свои санкции на нефть даже всего на одну неделю».

То есть чуть ранее и Эфиопия имела свой «Мюнхен».

30 сентября Чешская армия начала отступление из Судетской области. Покидались горные цитадели, крупные промышленные центры, составлявшие основу оборонной мощи страны. А Гитлер, аннексировав Судеты, представил Чехословакии новый список требований. И снова инсценировки инцидентов, распространение слухов о преследовании немецкого этнического меньшинства, оставшегося теперь уже на урезанной территории Чехословакии. 15 марта 1939 года немцы вошли в оставшуюся часть Чехословакии. Лишенные укрепленных оборонительных рубежей чехи были не в состоянии оказать сопротивление. Гитлер сказал: *«С самого начала для меня было ясно, что я не могу удовлетвориться немецкой территорией в Судетах. То было лишь частичное решение»...*

Обо всех коллизиях того самого франко-чешско-советского союзного договора сказано и написано столько, что если человеку среднего возраста сейчас бросить все и только изучать мемуары и диссертации по этой теме, чтением он будет обеспечен на две жизни вперед.

Важно лишь повторить общепризнанное:

а) французы всеми силами стремились избежать выполнения главного, финального пункта договора: оказания военной помощи. Их просьбы английского посредничества и итоговая подпись Даладье в Мюнхене — это каинова печать, нанесенная несмываемыми чернилами;

б) от советской военной помощи Чехия отказалась сама — из опасений не справиться без одновременной французской поддержки.

Слава богу, эти факты никем пока не оспариваются, только замалчиваются. И уж полной справедливости ради надо признать, что военная помошь Советского Союза на стратегических весах 1938 года действительно значила меньше, чем французская. Даже много меньше — но не по причине недостаточной решимости советского правительства, а лишь по причине удаленности, отсутствия общей границы с Германией и крайне подлой позиции польского правительства Бека (категорический запрет на пропуск советских войск, вплоть до угрозы войны). В марте 1939 года Польша получит из чешского наследия высокоразвитый Тешинский округ, как поощрение Гитлера за эту услугу, а буквально через полгода, в сентябре того же года, получит и все остальное причитающееся.

Советскую решимость 1938 года пытаются обесценить будущим пактом Молотова — Рибентропа — но это ведь самый настоящий фокус. Есть такой разряд фокусов, основанных на особенностях оптического восприятия («этот шар вам кажется больше этого — а если замерить...»). Из 2006 года действительно 1938-й и 1939-й кажутся одним днем. Но на самом-то деле в 1938-м СССР еще вел с Гитлером настояшую войну на полях Испании, и победа там дол-

го оставалась под вопросом. Подобная же война (авиация, присылка корпуса через Румынию) и с гораздо большей интенсивностью (поправка на близость) могла бы вестись и в Чехословакии даже при польской блокаде.

Еще 17 сентября 1938 года чешский министр иностранных дел Крофта признал: «СССР делает для Чехословакии больше, чем можно требовать по договору».

Самый неприятный автору (и ложный) вариант истолкования этой книги — «античешский памфлет». Избирательное, недобросовестное цитирование может представить дело именно так, поэтому...

Упреждающий комментарий

Действительно, главное внимание в разворачивании мировой войны уделено Чехии. Внимание фиксируется не только на том, что это был крупнейший военно-экономический «подарок» Гитлеру, но и на том, что тогда, в 1938 году, он был более всего близок к поражению и свержению. Известная «забастовка» (по выражению Марабини) одной части немецкой армии и готовность к восстанию другой была обусловлена, среди прочего, и осознанием нереальности предстоящей задачи: попытки прорыва через укрепленные Судетские горы. Но Гитлер с Чемберленом опять смогли, образно говоря, показать немецким военным занудам язык.

Возражение может быть одно: англичане вольны давать чехам гарантии безопасности, вольны забирать их обратно. Ведь, как гласит их фундаментальный внешнеполитический постулат, «у Англии нет постоянных союзников, у Англии есть постоянные интересы». Но дело в том, что в Мюнхене они говорили чехам не это, а нечто совсем другое: «Отдайте Судеты, и в новых границах вы получите новые гарантии».

Первой бомбы на Прагу Чемберлен с Галифаксом боялись больше, чем чехи, потому что «они там за горами мо-

жет и отсидятся, а нашему кабинету — точно отставка». Собственно, этот политический прогноз Чемберлена был верен. Когда началась настоящая война, их действительно отставили и назначили Черчилля. И не по способности к военному руководству. Как раз Черчилль, военно-морской министр, сам крупно проиграл в Норвегии. Но, наверное, от премьер-министра в подобную эпоху требуется не военное умение, а только решимость воевать. Плюс «незапятнанность». Чемберлен был ответственен не только за Мюнхен, но и за всю ту лживую политкорректную атмосферу, ради поддержания которой (всего-то на лишние двадцать недель!) — и «порвали» Чехословакию. Ведь чехам объяснили, что, упорствуя из-за Судетов, они противостоят НЕ ТОЛЬКО Германии, но и всему европейскому согласию, мировому общественному мнению... Страна, ставшая на этот путь, превратилась бы в государство-изгоя, говоря уже в современных терминах. И возможное принятие помощи от другого изгоя, Советского Союза, только усугубит чешский вызов и вину. Не имей чехи английских гарантий вообще, они, скорее всего, выстояли бы. Это, конечно, то самое «сослагательное наклонение, которого не терпит история», но все же сочетание двух факторов — некоторого военного преимущества (2 миллиона в горных крепостях раз в пять сильнее, чем 2,2 миллиона штурмующих), плюс выяснившаяся после войны готовность вермахта сбросить Гитлера, как четыре года до того вермахт в союзе с Гитлером ликвидировал СА — в сумме делают такой исход наиболее вероятным.

Черчилль как раз яростно критиковал ту политику, понимая ничтожную цену тогдашнего европейского согласия. Он и указывает на важнейшую отправную точку той «Европейской эпохи», скатывания к новой войне: 1925 год, Конференция в Локарно, за которую первый Чемберлен — Остин — получил орден Подвязки и Нобелевскую премию мира. Мюнхен второго Чемберлена — Невилла — просто результировал ту политику, доведя ее до всем понятных последствий.

Даже если бы английская политика была откровенно прогерманской, чехам было бы легче готовиться к войне. Так и Пшемысл Одокар на Моравском поле — помните? — наверняка предпочел бы, чтобы союзники, напавшие на него сзади, были на стороне Габсбурга еще в начале битвы. Нацию Яна Гуса и Георгия Подебрада предала Европа кавалеров ордена Подвязки и лауреатов Нобелевской премии мира.

Ну что ж, братья-славяне, и нас тоже предал один лауреат Нобелевской премии мира. А недавно, в 2005-м, эту прославленную взятку приберегали и для Ющенки. Но — недооправдал! Или стимуляция атомного Эль Барадея показалась на тот политический момент важнее.

Вот была бы прекрасная тема журналистского расследования. Нобелевские премии, как известно, выплачиваются с процентов. Попечительский совет вложил наследство изобретателя динамита в какой-то крупный и доходный, но главное, устойчивый бизнес. Недвижимость и полезные ископаемые примерно соответствуют всем трем критериям. (А норвежской нефти в 1930-х годах еще не было.) И если... окажется, что это «дело» — добыча и перевозка скандинавской железной руды, то вся история примет просто классическую законченность и ясность. Тогда станет зримо видна вся траектория и шведского железа — *вплоть до осколков в телах ветеранов войны, и* золота — *вплоть до карманов Чемберлена и Горбачева.*

Глава 12
А сколько колонн-то было?

Главная тему, главный термин этой книги — «Большая Война», «Право Большой Войны» — я намерен проиллюстрировать всеми мне доступными примерами, раскрыть всеми возможными методами, в том числе и методом от противного, дав примеры «неБольших войн». «Большая Война» начинается, когда обозначился «Большой Враг», и заканчивается с его полным уничтожением. Но в этот исторический период с весьма размытыми границами (особенно нижней) случается многое, в том числе и отдельные частные войны, которые по напряжению сил, взаимной ярости сторон и, как следствие, по уровню «вежливости», уровню соблюдения писанных и неписаных правил сильно отличаются от современной им «Большой Войны». Иронически говоря, ведущие эти маленькие войны могут даже «гордиться» перед участниками «Большой» своей вежливостью, умеренностью, короче, всем набором качеств, сегодня суммируемым как политкорректность. Но главная ирония в том, что они и вправду гордятся «своими маленькими» войнами, навязывают свои стандарты, правила для оценки характера и последствий «Большой». Допустим, Дания. Несколько часов сопротивления. Как докладывал командующий вторгнувшимся немецким корпусом генерал Каупиш: «От наших темпов у них (датчан) перехватило дух».

Гуманная формулировка. Заметьте, эти слова полностью бы подошли и для описания, допустим, футбольного матча «Германия — Дания — 5:0». Впрочем, при любом описании боевых действий, даже и при таком, нельзя впасть в оскорбительный тон, огульно заявив: «Все сдались!» Нельзя забыть, проигнорировать, что не все. Личная охрана королевского дворца Амалиенбург не побоялась открыть огонь. Безнадежность их сопротивления только подчеркивает их личный героизм. Захват всей страны стоил немцам 20 убитых, датчанам — 36 убитых. И почти все погибшие — это Амалиенбург. (По другим данным, немцев, погибших при захвате Дании, двое. А разница — это приплюсованные убитые в последующий период.)

Норвежцы сопротивлялись гораздо дольше, но им помогал и ландшафт страны, и английские десанты, и флот. Голландцы ближе к датскому варианту. Бельгийцы — ближе к норвежскому. Люксембург — двое раненых (поскользнулся, наверное, кто-то).

И все эти блицкриги, включая французский (где сопротивление было, конечно, гораздо сильнее чем в Бельгии или Норвегии), и все эти блицкриги породили, причем сразу, в «режиме реального времени», не то подозрение, не то версию, не то миф. «Пятая колонна»!

ДИЛЕТАНТСКИЕ ЗАПРОСЫ

А почему, собственно, пятая? Имеет ли это связь с «пятым углом»?

«Пятая колонна»— это, вообще, один из лейтмотивов описаний Второй мировой войны. Именно непривычность характера вторжений, темпов наступлений породили такую версию: «Пятая колонна» виновата.

А родился этот термин во время войны в Испании 1936—1939 годов, Когда фашисты-франкисты повели наступление на Мадрид четырьмя колоннами, в мировой прессе замелькали подозрения, что готовится и воо-

руженное выступление сторонников Франко в самом Мадриде — и это будет самая опасная, «пятая» колонна. Опасения оправдались, хотя и отчасти. Но то была гражданская война. Нет, уточним, это была уже советско-германо-итальянская война плюс гражданская война испанцев. (Это для почитателей исторических «фэнтези» о Сталине инструктирующем Гитлера.) В гражданских войнах, действительно, измены, удары в спину, «пятые колонны» нередки.

Но после Испании из всех парциальных войн Второй мировой только югославская носила явно характер гражданской, а призрак «пятой колонны» «бродил по Европе», совсем как другой небезызвестный «призрак».

Указывали на два объекта, на два источника угрозы. Во-первых, в нескольких странах проживали значительные немецкие общины. Во-вторых, существовал (а точнее, подозревался, что существует как некое подобие Коминтерну, Социнтерну) фашистский интернационал.

И также две было причины для поддержания «пятоколонной» идеи в общественном сознании, две причины высокой конвертируемости этой версии. Первую я называл: потребность объяснения быстрых поражений. Вторая: поддержание «высокой бдительности» у тех, кто поражения решил избежать.

Свой политический «интерес» я приберегу на потом, а сначала приведу мнение независимого исследователя этой темы. Историк Луи де Ионг, автор книги «Пятая колонна в Западной Европе» собрал значительный материал, и его вывод: почти никакого влияния на ход боевых действий в Западной Европе «пятая колонна» не оказала. В его досье сотни фактов типа такого: все газеты повторяли, что в Осло-фьорд немецкие корабли вошли только потому, что «чья-то подлая рука» перерубила электрокабель, подрывающий минные заграждения. Так вот — не было там заграждений.

В Бельгии действительно были свои фащисты, «рекси́сты» Леона Дегреля, но они, оказывается, почти игнорировали Гитлера, а какие-то небольшие деньги (Луи де Ионг приводит и цифры — порядка 20—30 тысяч долларов!) и инструкции принимали только от Муссолини, но Италия в момент прохождения Бельгии еще не воевала.

Немецкие общины (за одним исключением) также не привлекались для решения практических военных задач. Главное, что заботило Гитлера — чтобы зарубежные немцы становились вполне нацистами, проводниками его политики в этих регионах после покорения.

Ну а уж по поводу этого единственного исключения снова «беру слово». Конечно, это мои «любимые» Судетские немцы. «Исполиновые немцы», по найденному мною старому названию Судетских гор. Эта обшина действительно сыграла значительную роль в деле покорения Чехословакии.

Гитлер создал в Судетах послушное ему политическое руководство, лидер которого, Конрад Генлейн, определил свою задачу следующим образом:

«Мы должны всегда требовать так много, чтобы наши требования невозможно было удовлетворить».

Мы помним, что когда в майский кризис 1938 года президент Чехословакии Бенеш объявил частичную мобилизацию, арестовал нескольких немецких хулиганов, Генлейн сбежал в Германию. Кстати, ближе к концу этой эпопеи Гитлер уже планировал заменить недостаточно агрессивного Генлейна другим «Исполиновым немцем» — Франком. Так что англо-французское предательство в Мюнхене спасло не только Гитлера, но и (на микроуровне) карьеру уже забытого сегодня некоего «Исполинского немца Генлейна». И в целом единственной успешной гитлеровской «пятой колонной» стала Судетская. И то только потому, что у нее оказались такие «колонновожатые»: Чемберлен, Галифакс, Даладье.

Но в целом «пятая колонна» как родилась на страницах газет 1937 года, так там в основном и маршировала.

Так что же еще, какой еще «политический интерес» приковывает мое внимание к этой теме?!

Да все тот же! Есть у меня такое подозрение, или, скажем, ощущение, что и «пятая колонна» — это тоже некое оправдание, аргумент в послевоенных спорах вроде «справок об участии страны в движении Сопротивления». Попытка рационализации «Большой Войны», адаптации ее, моделирования суммой удобообъяснимых блоков.

Поясняю. Можно сказать, допустим, датчанам:

(1). Была «Большая Война», но вы были вычеркнуты из ее участников в течение нескольких часов. Из участников борьбы с Гитлером, на которого потом вы четыре с половиной года и работали. Они же тогда попробуют ответить:

(2) Нет! Это была обычная, правильная война + «пятая колонна» + «Сопротивление»!

Приводя с помощью этих двух констант все к уравнению «Обычной войны», они остаются *Правильно воевавшими*. А кто воевал неправильно? Великобритания и СССР. Великобритания, как уже упоминалось, без объявления войны захватила в 1940 году Исландию — тогда часть Дании. Просто чтоб вместе с остальной Данией Германии не попала. Это оправдалось: будь и Исландия германской, ни один англо-американский конвой не дошел бы до Мурманска.

НО! Правила «правильной войны» были нарушены!

А СССР также прибрал часть Польши и Прибалтику. И неизбежно, рано или поздно, но счет «от правильных неправильным» будет предъявлен.

Пока формально-юридические, финансовые претензии к России пробует предъявить разве что Литва. Остальные прибалты, Чехия, Польша, Финляндия, Объединенная (повторно) Европа, в лице Совета Европы и ПАСЕ — на очереди.

Разумеется, все вышеперечисленные страны и организации — это некая условность. Имеются в виду отдельные

партии, фракции, личности внутри них. Как, например, отобрания у «российского агрессора» Карелии требует, конечно, не вся Финляндия, а отдельное специально созданное общество. А «литовские счета», сидя в дважды подаренном Вильнюсе (в 1940 и в 1945-м) в основном выписывает партия Ландсбергиса. И в Эстонии переносом пограничных столбов занимались не все общественные организации страны, а только «Кайстелит». (Это в период 1992—1994 годов, когда наша с Эстонией граница еще не охранялась, «кайстелитовцы» провели ее на 20—40 километров (?) западнее, перенеся новые пограничные столбы и «захватив», например, Ивангород.)

«Катынь». «Пражские танки-68» тоже являются объектом работы не всей «общественности» соответствующих стран...

Но какой же термин, какое общее наименование можно дать всем этим группам, партиям, фракциям? Не поверхностную кличку, не обидное прозвище, а именно — объективную дефиницию. Размышление по этому поводу привели меня к одному очень, на первый взгляд, странному выводу. Если просуммировать их программы и лозунги, то это будут, строго говоря, Реваншисты. Основные их претензии к результатам Второй мировой войны, к «Ялтинской системе», будь то новые границы или разделение Европы на «сферы влияния» (и 1956-й, и 1968-й годы — это не более как защита тех сфер). А попытка отыграть результаты проигранной войны, это Реванш. И безо всякой дальнейшей политической раскраски, сторонники подобной политики — Реваншисты. Но чувствуете, как сам язык словно требует дополнить: «немецкие реваншисты»?

«Немецкие реваншисты» приснопамятного Адольфа фон Таддена, «нагло требующие пересмотра результатов Второй мировой войны». Наш поверхностный агитпроп особенно напирал, конечно, на имя, называя его: «Адольф Второй». Факт, что сестра Адольфа фон Таддена — одна из героинь немецкого Сопротивления, казненная в 1944 году,

не афишировался, если даже и был случайно известен редакциям «Правды» и «Крокодила».

И все десятилетия повторения того штампа препятствуют построению несложной вроде логической цепочки:

«Реваншисты» в современной Европе — не только немцы. Потому что не только немцы потерпели поражение.

Те, кто провел реальную и огромную, и очень непростую работу по встраиванию в Объединенную (Гитлером) Европу, всегда будут в претензии к главному виновнику разорения их ЗАО. Их «залигированность» с фашизмом проявляется не только в тогдашней работе, но и в сегодняшней антироссийской политике.

Но есть и еще госпожа проигравшая в той войне, это — сама идея политкорректности.

Безусловно и безукоризненно политкорректны были Чемберлены: и нобелевский лауреат премии Мира Остин и второй, Невилл, привезший безупречно оформленные и правильно всеми (кроме тогдашнего «государства-изгоя») подписанные договоры, содержащие, как они объявляли: «Мир для нашего поколения».

А главное — то, что *Победа 1945 года была добыта антиполиткорректными средствами,* — все это с объективной неизбежностью ставит и эту почтенную даму (Политкорректность) в ряд реваншистов.

А не преувеличивает ли автор, расписывая угрозу целого «Фронта Реваншистов» и подверстывая в него совершенно разнородные, мало соизмеримые политические силы? ПАСЕ, литовский сейм, «Кайстелит» и какая-то «Идея» какой-то Политкорректности — чего ею-то стращать?

Один талантливый политолог отметил следующую черту современного западного общества. (Не изъян, а именно особенность.)

Массы желают быть постоянным объектом зондажа. А элиты и не представляют, как осуществлять свои управленческие функции без этих «зондажей».

И что мне представляется важным добавить: эти «зондажи» — не только и не столько формальные выборы, референдумы. Как раз популярность подобных мероприятий падает — см. статистику явки на выборы. Современный «зондаж» — это постоянный вброс, апробирование идей в игровой, полуигровой форме. Политические, исторические идеи «внарезку» с фильмами, шлягерами, коллекциями ведущих кутюрье — это еще воспринимается...

Ближе «к нашей» теме, важнейшими общественно-историческими фактами Войны стали фильмы «Спасти рядового Райана», «Список Шиндлера» и т.д. Соответственно, и среди всех вариаций обсуждаемой идеи выбирается имеющая самый яркий и популярный «видеоряд», то, что лучше проходит по телевизору. То есть реплика героя фильма. Или даже «историческая оценка» из уст актера, игравшего этого героя. Или даже кого-нибудь еще из съемочной группы. Так, главным авторитетом «по Холокосту» стал, конечно, Стивен Спилберг.

Так что мой совет Резуну пополнить цитатный багаж «Троцкий-39» свидетельствами Фриды Кало — Сальмы Хаек — не столь уж абсурден.

Политкорректность, уравнивающая *всех со всеми во всей* мировой истории — это сегодня одна из самых «сильно вброшенных» идей. Американские сенаторы извинились за работорговлю, папа римский извинился за Крестовые походы. Немцы — за Холокост. Дальше блюдо пущено по кругу. Туркам надо извиниться за 1915-й год, ну а нам, конечно, побольше: и за 1940-й, и за 1956-й, и за 1968-й...

А что нам до этой всемирной моды на «исторические пардоны»?

Для тех сограждан, что дочитали книгу до этой страницы и которым «война, история по барабану» (хотя это и трудно совместить: безразличие к истории и прочтение этой книги до... страницы), но тем не менее — и для них у меня припасен аргумент. Действительно, выше приведе-

на столь пестрая историческая подборка, что и непонятно: куда (и зачем?) ее можно экстраполировать?

Ну, папа римский, по этой логике, после извинения за Крестовые походы просто обязан был извиниться и за выигрыш битвы при Пуатье. (За 300 лет до Крестовых шли м-м... «полумесяцовые походы»: арабы завоевали христианскую тогда Северную Африку, Испанию, прошли пол-Франции, но были разбиты при Пуатье.) За это папа, может, просто не успел извиниться?

Можно еще представить (Честертон или Беккет оценили бы такой театр абсурда): нынешний президент крошечной Македонии на Ассамблее ООН извиняется перед полумиром за походы Александра Македонского.

И, в общем, весь этот список покаяний так хитро составляется, что в него вроде бы легко и даже модно, «прикольно» вступить. Наши извинения за Катынь — именно из разряда таких «исторических приколов»: вон все галантно извиняются — давай и мы. Но только вот в списке этом, где намешаны и действительные преступления и еще бог знает что, надо обращать внимание на даты. Немцы к бундесканцлерским извинениям за Вторую мировую прикладывают огромные репарации — но это доказанное и недавнее преступление. Туркам 1915 год грозит тоже серьезнейшими санкциями.

Вот, допустим, завтра Тунис пришлет свои извинения Италии «за геноцид римлян при Каннах... и за весь поход Ганнибала» (нынешним тунисцам, бедуинам, будет даже и лестна причастность к мировой истории, «Карфаген» ведь уже раскручивается как тунисский туристический брэнд). А тут вдруг... и в России подвернется политик, которому извиниться, с телеэкрана, да еще особенно под Новый год — ну как два байта отослать.

Так вот, те сограждане, коим «история по барабану»: с этими извинениями можно попасть на очень реальные бабки, «репарациями» они называются.

Похож этот аттракцион покаяний еще и на одну свадебную традицию очень дурного вкуса. Пускают по кругу

поднос на подношения молодым. И какой-нибудь с виду купчина, минуты три помахав над головой пачкой цветных купюр, бросает ее наконец на поднос. И сразу взгляд на тебя: ну-ка, а ты сколько бросишь?!

Так вот, дорогой россиянин, прежде чем лезть за своей пачкой, присмотрись (хоть это и покажется невежливым): а что, собственно, бросил тот, долго потрясавший своею пачкой? Может, это фальшивые или давно вышедшие из обращения какие-нибудь «керенки»?

Так, услыхав про пардоны за Крестовые походы, — соотечественник! — не торопись бросать свой «пардон», предположим, за Катынь. У пустившего поднос как раз весь расчет на скорость, суматоху, прилюдность и «неудобство перепроверять». А именно «Катынь», как пишет историк Мухин, и требует тщательнейшего изучения. В том числе и уважение к памяти погибших там поляков — требует выяснения истинных обстоятельств трагедии, а не болтовни и сиюсекундной политической нужды будущего рекламиста пиццы. Так же тщательно необходимо исследовать обстоятельства гибели 200 000 тысяч пленных красноармейцев в Польше 1920—1930 годов.

Неспешная обстоятельность, неполитизированность, должна стать главным качеством «следователей» тех исторических дел.

Но, конечно, для большинства, для нормальных граждан, извинения неприемлемы не из-за какого-то «репарационного бабла», а по причине наличия национального, исторического достоинства.

Нельзя рассматривать нынешний литовский финансовый счет за 1940 год — не потому, что он, возможно, завышен (и даже наверняка завышен: надо же знать «мемельских героев»). Нельзя его даже рассматривать потому, что это означает попадание в один ряд с настоящими военными преступниками, и потому, что это прямое оскорбление всех наших соотечественников, добывавших Победу в той войне...

Я ни на атом не собираюсь оспаривать «турецкий 1915 год», другие инциденты или преступления. Более-менее понятна мне ситуация только с претензиями к России. И что касается той Большой Войны, первым из «годов покаяния» должен быть, безусловно, 1938-й. Мюнхен, спасший Гитлера от краха, укрепивший его власть и потенциал Германии.

Далее: Объединенная Европа-II (Брюссельская) должна признать еще один простой исторический факт — свою преемственность с Объединенной Европой-I (Берлинской), за исключением, конечно, Великобритании и России. И все разговоры, что Объединение II базируется на ценностях, столь отличающихся от Объединения-I... Вроде того, что «*Страны, нации, и конкретные, еще физически живущие люди*, у нас, извините, *те же самые*, но идеалы — это ж просто небо и земля! » — все эти разговоры просто дымовая завеса.

Чем начинается любой судебный процесс или исторический спор? Идентификацией сторон. Кто обвиняет? Кто свидетельствует? Кто предлагает? И все покаянно-исторические дискуссии должны начинаться только со следующих вопросов: Сами объединенноевропейские идеи *Берлинской версии* так улучшились, гуманизировались и доросли до *Брюссельской версии?* Или были в буквально библейском смысле искуплены кровью? Если «да» — то чьей?

Глава 13
Легко ли было нейтралам?
(Случай Норвегии)

Кто со всеми согласен, с тем не согласен никто.
У. Черчилль

Вторжение Гитлера в Норвегию Черчилль, являвшийся тогда первым лордом адмиралтейства, прокомментировал в палате общин так:

«С моей точки зрения, которую разделяют мои опытные советники, господин Гитлер совершил огромную стратегическую ошибку... и мы крупно выиграли от того, что произошло в Скандинавии... Он ввел в бой целый ряд соединений на норвежском побережье, за которое ему теперь придется сражаться, если это будет необходимо, в течение всего лета против держав, обладающих намного превосходящими военно-морскими силами и способных транспортировать эти силы к месту операции с большей легкостью, чем он. Я не вижу какого-либо контрпреимущества, которое он получил... Я полагаю, мы в значительной степени выиграли от... этой грубой стратегической ошибки, на которую был спровоцирован наш смертельный враг».

С одной стороны, всем прекрасно известно, что англичане этой «огромной стратегической ошибкой Гитле-

ра» воспользоваться не смогли, (а историк с креном в позитивистскую философию добавит: «Значит, никакой ошибки и не было»), действовали крайне медлительно, нерешительно, бездарно, в результате чего тактический успех немцев перерос в крупное стратегическое достижение. Они закрепились в Норвегии.

Но с другой, Черчилль был не так уж далек от истины, когда называл Норвегию ловушкой для Гитлера и говорил о немецком вторжении как о шаге, на который Гитлер «был спровоцирован».

Одно из поразительных послевоенных открытий как раз и состояло в том, что, как оказалось, тотальный агрессор Гитлер предпочел бы оставить Норвегию нейтральной и не планировал вторжения в нее. И только явные признаки готовящихся акций союзников спровоцировали его на этот шаг.

После того как историки получили доступ к трофейным немецким документам, можно попробовать представить здесь что-то вроде параллельных «план-графиков» развития планов Гитлера и англичан относительно Норвегии.

19 сентября 1939 года: по настоянию Черчилля английский кабинет принял проект создания минного поля в норвежских территориальных водах и «блокирования перевозок шведской железной руды из Нарвика» в Германию. (Подобные проекты подымались еще и в Первую мировую войну.) Вопрос о постановке минных полей у берегов Норвегии стал темой дискуссий даже и в прессе. И это вызвало беспокойство и контрмеры со стороны немцев.

Начало октября 1939: первое вообще упоминание о Норвегии: главнокомандующий военно-морскими силами адмирал Редер выразил опасения, что норвежцы могут открыть англичанам свои порты и доложил Гитлеру о возможных стратегических последствиях в случае, если англичане займут эти порты. Редер отметил, что для действий

немецких подводных лодок было бы выгодно получить базы на побережье Норвегии, например в Тронхейме. Однако Гитлер отверг это предложение. Его мысли были заняты планами наступления на Западе, и он слышать не хотел о каких-либо операциях, могущих отвлечь силы и средства от Западного фронта.

Ноябрь 1939: Советско-Финская война. Черчилль увидел в этом новую возможность нанести удар по флангу противника под предлогом помощи Финляндии: «Я приветствовал это развитие событий и видел в нем возможность достижения главного стратегического преимущества — лишения Германии доступа к жизненно важным запасам железной руды».

16 декабря 1939: план Черчилля по отправке экспедиционных сил в Финляндию. «Такие действия, возможно, вынудят немцев оккупировать Скандинавию, поскольку, «если стрелять в противника, он будет отстреливаться»... мы больше выигрываем, чем теряем, от удара немцев против Норвегии и Швеции».

Ноябрь 1939: в Берлине бывший министр обороны Квислинг, лидер партии Национальное объединение (NS — Nasjonal Samlung) встретился с адмиралом Редером и внушил ему опасения относительно того, что в скором времени Англия оккупирует Норвегию. Квислинг просил денег и помощи для осуществления переворота с целью свержения норвежского правительства. Он заверил, что его поддержат несколько высших норвежских офицеров, среди которых начальник гарнизона в Нарвике полковник Сундло. Квислинг обещал отдать Нарвик немцам, которые таким образом опередят англичан.

Редер убедил Гитлера лично побеседовать с Квислингом. Встречи состоялись 16 и 18 ноября. Согласно записи этих бесед, Гитлер сказал, что «предпочел бы видеть Норвегию, как и другие скандинавские страны, нейтральной», поскольку «не хочет расширять театр войны», но, «если

противник готовится расширить границы войны, он предпримет шаги к тому, чтобы оградить себя от этой опасности».

ДИЛЕТАНТСКИЕ ЗАПРОСЫ
А почему, собственно?

А был ли Квислинг — «квислинговцем»?

Вопрос, возможно, самый «дилетантский» в этой рубрике. Но собирательному образу «квислинговца» *(предатель, палач, садист, подручный Гитлера, подражатель и «маленький Гимлер» для своей страны)* Видкунд Квислинг (Quisling) не очень-то соответствует. Сын священника. В 1918 году — военный атташе посольства Норвегии в Петрограде, 1920—1921 годах — атташе в Хельсинки. В 1922—1923 годах — в составе международной комиссии по оказанию помощи голодающим Поволжья, ближайший сотрудник Ф. Нансена. *То есть, как я понимаю, бросил военную и дипломатическую карьеру ради благотворительной работы рядом с одним из самых выдающихся гуманистов XX века. В общем, не самый яркий представитель «квислинговцев».* НО... Вернулся в Норвегию убежденным антикоммунистом. (Насмотрелся.) В 1930-м опубликовал книгу «Россия и мы», направленную против коммунистического режима. В 1931—1933 годах — военный министр, приветствовал приход НСДАП к власти в Германии. В мае 1933-го —создал фашистскую партию (НС.) На выборах 1933 года НС получила 27 850 голосов, а на выборах 1936-го — 26 577. (Небольшой результат). Ну а потом...После вступления германских войск 9.4.1940 — «подручный Гитлера» (в разных ролях: сначала самозваный премьер-министр. После роспуска правительства германскими властями — комиссар Административного совета Норвегии по деобилизации армии. 2.2.1942 вновь оккупационными властями назначен премьер-министром) ... 9 мая 1945-го сдался полиции. Приго-

ворен... Расстрелян. Из всех представителей Гитлера в «Объединенной Европе» почему-то именно его имя стало нарицательным: «квислинговец» = см. выше.

13 января 1940 года. Запись в журнале боевых действий штаба германского военно-морского флота: «самым благоприятным решением было бы сохранение нейтралитета Норвегии». Вместе с тем в штабе уже есть беспокойство по поводу того, что «Англия намерена оккупировать Норвегию с молчаливого согласия норвежского правительства».

27 января Гитлер приказал военным советникам разработать на случай необходимости детальный план вторжения в Норвегию. Специально сформированный для этой цели штаб провел свое первое заседание 5 февраля.

16 февраля: Роковой инцидент. Преследуемое английскими эсминцами немецкое судно «Альтмарк», на котором из Южной Атлантики переправляли английских пленных, укрылось в норвежском фьорде. Черчилль приказал командиру эсминца «Коссак» капитану 1-го ранга Вайану войти в норвежские воды и спасти пленных англичан, находившихся на борту «Альтмарка». Английский эсминец отогнали две норвежские канонерки, а последовавший за этим протест норвежского правительства против вторжения в норвежские воды был отклонен.

Но Гитлер расценил этот протест как жест, имеющий целью обмануть его, и склонялся к убеждению, что норвежское правительство сотрудничает с Англией. По мнению немецких адмиралов, инцидент с «Альтмарком» сыграл решающую роль в том, что Гитлер согласился начать интервенцию в Норвегию.

(Вот она, трагедия «нейтрала»! Норвегия отчаянно балансировала между угрозами английского и немецкого вторжения. И самый их легкий отпор англичанам приблизил угрозу немецкую.)

20 февраля 1940: Гитлер поручил генералу фон Фалькенхорсту подготовку экспедиционных сил для высадки в

Норвегии, сказав при этом: *«Меня информировали о намерении англичан высадиться в этом районе, и я хочу быть там раньше их. Оккупация Норвегии англичанами была бы стратегическим успехом, в результате которого англичане получили бы доступ к Балтике, где у нас нет ни войск, ни береговых укреплений».*

4 марта Гитлер издал директиву о завершении подготовки к вторжению. Помимо Норвегии намечалось оккупировать также Данию, которая рассматривалась как необходимый стратегический трамплин и опорный пункт для обеспечения немецких коммуникаций. Но все же окончательного решения о вторжении Гитлер еще не принял. Как показывают стенограммы совещаний Гитлера и Редера, фюрер, с одной стороны, продолжал считать, что «сохранение нейтралитета Норвегии — лучший вариант» для Германии, а с другой — опасался высадки англичан в Норвегии.

9 марта: Оценивая планы действий военно-морских сил, Гитлер говорил об опасностях предстоящей операции, противоречащей всем принципам ведения войны на море, и в то же время утверждал, что она «срочно необходима».

13 марта: Озабоченность немцев возросла. Поступило сообщение о том, что английские подводные лодки сосредоточиваются у южных берегов Норвегии.

14 марта: Перехвачена радиограмма, в которой союзным транспортам предписывалось быть в готовности к отплытию.

15 марта: В Берген прибыли несколько французских офицеров. Немцы почувствовали, что их опередят, поскольку их собственные экспедиционные силы еще не были готовы.

20 марта: Этот был день назначенной английской высадки в Нарвике. Десант должен был быстро продвинуться по территории Норвегии к железорудным месторождениям в Гялливаре. Однако военное поражение Финляндии и

ее капитуляция 13 марта расстроили эти планы. Союзники лишились предлога для вступления в Норвегию.

8 апреля: Это была новоназначенная дата английской операции в Норвегии. Но эта новая отсрочка роковым образом уменьшила шансы союзников на успех в операции, так как дала возможность немцам вторгнуться в Норвегию раньше союзников.

1 апреля Гитлеру сообщили, что норвежским зенитным и береговым батареям дано разрешение открывать огонь, не ожидая приказа высшего командования. Это означало, что норвежцы готовились к действиям, и если бы Гитлер промедлил, то потерял бы шансы на достижение внезапности и успех. Окончательная дата вторжения ... 9 апреля.

9 апреля английские газеты сообщили о том, что накануне корабли военно-морских сил Англии и Франции вошли в норвежские воды и установили там минные поля, чтобы преградить путь в эти воды кораблям стран, торгующих с Германией. Восторженные отклики по поводу этих мероприятий чередовались в печати с доводами, оправдывающими нарушение нейтралитета Норвегии. Однако газеты отставали от событий, поскольку этим же утром радио передало гораздо более поразительное сообщение: немецкие войска высаживаются в нескольких пунктах на побережье Норвегии и уже вступили в Данию.

Далее процитируем английского историка Лидделла Гарта (Liddell Hart), чей труд «Вторая мировая война», стал... повторим оценку специалистов: «почти главной официальной историей английских вооруженных сил».

«Дерзость Германии, не посчитавшейся с превосходством Англии на море, потрясла союзных руководителей. Выступая в этот день в палате общин, премьер-министр Чемберлен сообщил, что немцы высадились на западном побережье Норвегии у Бергена и Тронхейма, а также на южном побережье. Далее Чемберлен сказал: «Получено

несколько сообщений о подобной высадке в Нарвике, но я весьма сомневаюсь в их правдоподобности». Английским руководителям казалось невероятным, что Гитлер рискнет высадиться так далеко на севере, тем более что в этом районе в полном составе находились их собственные военно-морские силы, прикрывавшие установку мин и проведение других мероприятий. Высказывалось предположение, что Нарвик перепутали с Ларвиком, местечком на южном побережье Норвегии. Однако к исходу дня стало известно, что немцы заняли столицу Норвегии Осло и основные порты, включая Нарвик. Все десантные операции проводились одновременно и увенчались успехом.

... любопытным открытием окажется то, сколь малыми силами были захвачены столица и основные порты Норвегии. В их состав входили 2 линейных крейсера, «карманный» линкор, 7 крейсеров, 14 эсминцев, 28 подводных лодок, ряд вспомогательных судов и около 10 тыс. человек личного состава из передовых подразделений трех дивизий, использованных для вторжения. Ни в одном месте численность первого эшелона десанта не превышала 2000 человек. В захвате аэродромов в Осло и Ставангере участвовал один парашютно-десантный батальон. Это был первый случай использования парашютных войск в войне, и они оказались весьма эффективным средством. Однако решающую роль в успехе немцев сыграли военно-воздушные силы...(800 боевых и 250 транспортных самолетов). Авиация буквально ошеломила норвежское население, а затем парализовала контрмеры союзников.

7 апреля в 13.25 английская авиация обнаружила крупные силы немецкого флота, быстро движущиеся в северном направлении через пролив Скагеррак к побережью Норвегии. Черчилль пишет: «ам было трудно поверить в то, что эти силы направляются в Нарвик, несмотря на сообщение из Копенгагена о намерении Гитлера захватить этот порт».

Более того, как отмечает Черчилль, норвежское правительство в то время было «озабочено главным образом

действиями англичан». Операции англичан по установке мин отвлекли внимание норвежцев именно в те решающие 24 часа, когда высаживались немцы.

Наибольшее удивление изо всех успехов немцев в первые дни вызвал захват Нарвика, ибо этот северный порт находился на расстоянии около 1200 миль от немецких военно-морских баз. Два норвежских корабля береговой обороны храбро встретили немецкие эсминцы, но были быстро потоплены. Силы береговой обороны не предприняли даже попыток к сопротивлению... На следующий день флотилия английских эсминцев вошла во фьорд и вступила в бой. Обе стороны понесли равные потери. 13 апреля прибыл новый отряд английских эсминцев во главе с линкором «Уорспайт». С немецкими кораблями было покончено, однако к этому времени немецкие войска уже закрепились в Нарвике и вокруг него.

У Бергена немцы понесли некоторые потери от норвежских боевых кораблей и батарей, но, высадившись на берег, не встретили никакого сопротивления.

Однако на подходах к Осло главные силы вторжения получили ощутимый удар: крейсер «Блюхер», на борту которого находилось много военного персонала, был потоплен торпедами из крепости Оскарборг, и немцам пришлось отказаться от попытки войти в залив до тех пор, пока после мощных авиационных налетов крепость не сдалась. Также норвежцам можно записать на боевой счет и крейсера «Карлсруэ» и «Кенигсберг» — их, подбитых, потерявших подвижность, добили уже английские подлодки и авиация.

Таким образом, задача захвата норвежской столицы была возложена на парашютные войска... (и была выполнена) ... пятью ротами парашютистов, высаженных на столичном аэродроме Форнебю. Покинув самолеты, десантники построились в колонну и двинулись в Осло с оркестром впереди... В полдень этот воздушный десант парадным маршем вступил в город. Однако задержка, вызванная приготовлениями к этому параду, позволила королю и правительству бежать на север.

Батареи крепости Кристиансанда отогнали германские корабли от берега, и тогда на крепость были брошены бомбардировщики, заставившие батареи замолчать...»

Здесь я прерву Гарта Лиддела. И в его дальнейших описаниях, и в «Военных дневниках люфтваффе» Кайюса Беккера мне более всего бросилась в глаза эта как бы «видовая неравномерность сопротивления». И вы, думаю, со мною согласитесь.

У Беккера «... три из шести "Ме-110" летали на одном моторе. И у всех оставались последние капли горючего. Надо немедленно садиться! И если никто не способен захватить Осло-Форнебю, то экипажи истребителей сделают это сами! ... даже Лент появился, добравшись пешком, оставив свой "мессершмит" со срезанным шасси у домика на границе аэродрома. Он и его радист Кубиш чудом избежали ранений, последний даже снял пулемет с диском и пришел на подмогу товарищам по эскадрилье — горсточке людей, захвативших охраняемый аэродром!

В 9.17 на посадку пошло звено "юнкерсов". Тормозной путь тяжелых машин привел их к самым скалам, в которых были оборудованы посты ПВО... Солдаты выбрались из самолетов и стали разминаться после утомительного полета в скованном состоянии. Убедившись, что все вокруг спокойно, закурили. У Хансена волосы стали дыбом. Бросившись к солдатам, он показал, где находятся норвежские зенитки и пулеметные гнезда. Тут они наконец укрылись и послали вперед разведгруппы, которые вскоре вернулись с пленными. Норвежцы признали себя побежденными... пленным приказали расчистить полосу от дымящихся обломков самолетов... связной с гордостью передал телеграмму: "Форнебю в наших руках. 1 эскадрилья ZG76"... В штабе корпуса в Гамбурге эти 8 "мессершмиттов" уже считали списанными...» И т.д.

Полная «неравномерность сопротивления» по родам войск, согласитесь. Норвежские моряки (и береговые силы) топят немецкие крейсера, а военно-воздушная база

сдается — *экипажам истребителей.* А затем и вся столица «принимает парад» пяти десантных рот. Это похоже на... не знаю, обидятся ли норвежцы, скорее на экспедиции конкистадора Кортеса. Туземцы тоже сносно дрались на холодном оружии, но гром мушкетов и вид кавалериста внушали им мистический ужас, и они сдавались, имея даже численный перевес 10: 1, 20: 1.

Неравномерность дохождения государственно-политического импульса до разных родов войск, или сами эти импульсы, приказы-инструкции, умышленно различны... Опять вспоминаются пожимающие руки советские и американские космонавты (военные) в то время как их собратья-подводники таранят друг друга. (В главе о Гуго Гроции и «Праве войны и мира»...)

Газетные обозреватели отметили, хотя и с большой сдержанностью, различие в поведении королей-братьев: Кристиана X, датского короля, капитулировавшего перед немцами (он даже поздравил германского генерала Химера с «блестяще выполненной работой») и норвежского короля Хаакона VII. Отказавшись капитулировать, он бежал вместе с правительством в город Эльверум, на шведской границе, и призвал народ к сопротивлению оккупантам...

А теперь и о "Главном оккупанте" командующем в Норвегии

Один генерал, одна страна

Не являясь собирателем биографий различных персонажей Третьего рейха, я, однако ж, очень давно, и скорее случайно, запомнил, что какой-то немецкий генерал составил план захвата Норвегии по туристской карте. Информация та мелькнула в эпоху, когда серьезной литературы со сведениями, тем более биографическими, о «той стороне», у нас не печаталось. Начало 70-х. Только что изданы мемуары маршала Жукова — и то ценой попадания

на их страницы великого полководца Леонида Ильича Брежнева, а уж из персон, имен Третьего рейха были известны только сидельцы нюрнбергской скамьи подсудимых + сбежавшие от возмездия народов по методу своего бесноватого фюрера + еще сколько-то приукрытых американцами для нужд будущего «реванша»... и все, далее серая масса.

И вот уже в наши дни я прочитал: да, действительно, генерал Фалькенхорст разработал план операции по захвату Дании и Норвегии по туристической карте: факт этот показался существенным даже и составителю строгой «Энциклопедии III Рейха».

Норвежская операция, действительно, одна из самых дерзких и успешных за всю Вторую мировую войну. Уникально и то, сколь малыми силами был проведен захват страны, и то, что морской десант был осуществлен, несмотря на подавляющее преимущество союзнического флота. А что значит эта «туристская карта»?

При том что в германском (как, впрочем, и в любом другом) Генштабе есть «полное досье» на любую страну, (тем более на ту, что была вероятным театром военных действий еще в Первую мировую войну), включающее не только максимально подробные карты, но еще и тысячи страниц другой необходимой информации о дорогах, мостах, причальных стенках и т.д... То есть по какому-то не очень ясному признаку выбор фюрера в феврале 1940 года пал на генерала Фалькенхорста как альтернативу всему германскому Генштабу. В общем-то известно, что Гитлер еще несколько раз проводил такие комбинации. (Манштейн смог изложить фюреру свою революционно новую идею разгрома Франции только по протекции Рунштедта, и в обход всего Генштаба, и получив горячее одобрение приступить к детальной разработке.) Но поскольку «экспромт Фалькенхорста» — один из самых удачных, хочется и в самых скупых биографических и служебных данных отыскать какие-то предпосылки...

Более-менее уникальным в жизни «нашего героя» ДО 1940 года может показаться тот факт, что он зачем-то сменил фамилию. Среди высшего генералитета Германии это или редкость, или вообще единственный случай. Настоящая у Николауса фон Фалькенхорста была... (честное слово!) — фон Ястржембски. Правда, биографический сайт пишет его как «Ястшембски», но «Энциклопедия» здесь приоритетней. Как истолковать эту уникальность, моих познаний не хватает. О каких-то неудобствах ношения фамилий со славянским окончанием, тем более дискриминации, речи, конечно, и быть не могло. В среде прусско-германской аристократии и армии (а это почти одно и тоже) более трети фамилий были или «ич», или «ски»... Но, так или иначе, замена с сохранением дворянского «фон» и общей «хищноптичьей» направленности (Фалькенхорст — соколиное гнездо) произошла.

Итак, Николаус фон .... родился в 1886 году в Бреслау (Бреславль), Силезия.

В Первую мировую войну — офицер Генштаба, позже курировал операции в Прибалтике хорошо у нас известного генерала фон дер Гольца, а потом и сам вступил в его Добровольческий корпус. В тридцатые годы — военный атташе в Праге, Белграде, Бухаресте. То есть и по рождению, и по месту службы он был связан с Восточной Европой. Однако та же «Энциклопедия» отмечает: в польской кампании принял «незначительное участие».

В 1940 году вызван в Берлин, тогда и состоялся этот один из самых удачных экспромтов в военной истории. По каким-то причинам (краткое пребывание в Финляндии в 1918 году?) Гитлер внезапно предлагает одному из многих сотен своих генералов набросать план норвежской операции. В полной тайне от главнокомандующего Браухича и начальника Генерального штаба Гальдера. Тогда-то и последовала та историческая покупка туристской карты. Доклад, вероятно, произвел впечатление, и 21 февраля фон Фалькенхорст назначен руководителем

разработки плана «Везерюбунг» по захвату Норвегии. 1 марта фон Фалькенхорст назначен командующим отдельной армейской XXI группы с подчинением только лично Гитлеру.

9 апреля — начало операции. 10-го почти все цели достигнуты. Далее, как известно, высадка англичан и их нарастающее сопротивление привели к тому, что Гитлер запаниковал... но фон Фалькенхорст продолжил операцию и к 3 мая вынудил союзников бежать из Намоса.

30 апреля фон Фалькенхорт получил звание рыцаря Железного креста.

Англичане еще держались близ Нарвика, но к 8 июня фон Фалькенхорст вынудил их полностью оставить Норвегию.

Фон Фалькенхорст был сторонником гуманного обращения с пленными и гражданским населением. Гитлер в упомянутый момент паники приказал Фалькенхорсту взять 20 заложников, включая епископа Бергена, в случае продолжения сопротивления норвежцев. Фалькенхорст этот приказ не выполнил.

И вся его дальнейшая служба — это один длительный конфликт с присланным имперским наместником Норвегии — жестоким палачом Йозефом Требовеном, бывшим гауляйтером Эссена. Фалькенхорст заслужил уважение норвежцев и своей скромностью. Рейхскомиссар Тербовен жил в королевском дворце, фон Фалькенхорст — в двух комнатах в здании норвежского автоклуба.

25 июля — фон Фалькенхорст назначен командующим вермахтом в Норвегии.

В 1941-м его войскам поручено наступать на Мурманск — план «Серебристая лисица». Но советские войска сражаются очень упорно, фон Фалькенхорст несет большие потери. Там каждая сопка стоила ему больше, чем вся Норвегия. 5500 солдат он кладет за продвижение на 10 километров и в конечном счете терпит поражение и останавливается.

В 1943 году ему поручается разработка плана вторжения в Швецию.

Дальнейшие его действия включали и борьбу с английскими диверсионными группами. В ноябре 1942 года он согласно существовавшим тогда правилам передал пленных английских коммандос СД (служба безопасности). Пленные были расстреляны.

Фон Фалькенхорст подал протест Кейтелю и впредь запретил во всех своих войсках передавать пленных СД.

Протесты и интриги наместника Требовена привели к тому, что фон Фалькенхорст лишился командования. Его группа в 1944 году передана в подчинение генералу Рендуличу. А о генерале Фалькенхорсте в Берлине складывается мнение не только как о мягкотелом либерале, но и неудачнике. Впрочем, и эту потерю репутации и присылку Требована связывают с интригами Германа Геринга, давнего недруга Фалькенхорста. Так генерал и остался покорителем одной страны...

20 января 1945 года награжден Серебряным германским крестом.

Арестован 2 августа 1946 года и приговорен британским трибуналом к расстрелу (за тех расстрелянных коммандос. Были версии, что сыграла роль и обида англичан на творца одного из самых обидных своих поражений). Но 3 декабря смертная казнь была заменена на 20 лет заключения. 23 июня 1953 года фон Фалькенхорст освобожден. Скончался на 83-м году жизни.

Глава 14
Об измерении "Сопротивлений"

Электрическое сопротивление нас, как известно, научил измерять немец Георг Ом, автор одноименного закона. Но как и чем измерить Сопротивление немцам во Второй мировой войне? Если в сравнении с государственным потенциалом на службе Гитлера, значение, допустим, чешского движения Сопротивления несопоставимо, тогда с чем же это значение вообще можно сопоставлять, корректно сравнивать?

Конечно же, со значением, размахом движений Сопротивления в других странах! Например, с успехами Сопротивления во Франции, Белоруссии, или... Германии.

Да-да. Если движения Сопротивления в каждой стране, входившей в гитлеровское ЗАО «Европа», рассматривать сегодня не просто как политкорректную «Справку о наличии Сопротивления», выдаваемую для прикрытия факта работы всего данного государства на фашистский блок, а по реальным боевым успехам и жертвам, то надо признать, что среди «Сопротивлений» главным было все же немецкое: «Красная капелла», ориентированная на Москву, и «Черная капелла» — дипломаты, высшие чиновники, фельдмаршалы, генералы.

В 1938 году они во главе с Беком и Браухичем готовили свержение Гитлера. Фельдмаршалы Бек, Клейст, советник концерна «Бош АГ» Гердлер, встречаясь с высшими английскими чиновниками и дипломатами, гарантировали, что покончат с диктатурой, если Великобритания пойдет на военное вмешательство по чешскому вопросу.

Начальник полиции Берлина и фельдмаршал Вицлебен, командир 3-го берлинского военного округа, репетировали захват рейхсканцелярии. Даже СС заняли выжидательную позицию. Все дипломаты, корреспонденты замечали странное оцепенение в Берлине. «Люди в городе перестают пользоваться германским приветствием, выбрасывать вперед руку, и возвращаются к старым формам», — отмечает Рудольф Гесс. Два месяца «монета стояла на ребре», и, как признались перед казнью заговорщики 1944 года, только *«Мюнхенский саммит»* — главный внешне- и внутриполитический козырь, спас Гитлера. В следующей попытке «Черной капеллы», предпринятой в июне 1944-го, дело дошло до уличных боев в Берлине. Но это только две прямые попытки свержения Гитлера, а немецкое Сопротивление в других формах продолжалось всю войну.

Кстати, Штауфенберг, начштаба Резервной армии, прилетевший на доклад к фюреру с портфелем взрывчатки, иллюстрирует не только тезис этой главы: достойные немцы тоже, как и французы, чехи, сопротивлялись фюреру. Вторая, уже нечаянная иллюстрация: Клаус Шенк фон Штауфенберг, ветеран, увечная нога, без правой руки, без двух пальцев на левой, без глаза, докладывает 20 июля 1944 года фюреру о сопротивлении на *Западе*. То, что число немцев, дравшихся в тот момент во Франции, было несоизмеримо с числом дравшихся в России, это признается и западными историками. Но как символ *качественного* соотношения, три левых пальца начальника штаба, по-моему, вполне подходят.

Я сейчас рискну предложить такой, признаю, косвенный метод оценки силы Сопротивлений: по «выбытию из строя высшего германского руководства».

Генерал-фельдмаршал — высшее звание, после рейхсмаршала, в вермахте. За всю историю Третьего рейха рейхсмаршал был один (Геринг), генерал-фельдмаршалов, как бакинских комиссаров, — 26, в том числе в сухопутных войсках — 19. Самая краткая статистическая сводка, так сказать, «по выведению из строя» может о многом сказать.

Находились в строю до конца войны, четыре:

Фон Буш,

Фон Вейхс ан дем Глон,

Кейтель,

Шернер (последний командующий группой армий «Центр», в должность главкома вступить не успел, 07.05.1945 окружен по Прагой).

Отправлены в отставку, восемь: (строчки в скобках: за что? чьими усилиями?).

Фон Браухич — подал в отставку 6.12.1941 (на следующий день после удара под Москвой) и 19.12.1941 уволен.

Фон Бок — уволен 15.07.1942 (в момент сражения под Воронежем).

Фон Бломберг — уволен 25.01.1938 (сексуальный скандал, жена оказалась проституткой и порноактрисой).

Фон Кюхлер — уволен 31.01.1944 (командующий группой армий «Север», поражение под Ленинградом).

Манштейн — уволен 30.03.1944 (после сражений по Черкассами).

Фон Лееб — уволен 16.01.1942 (корпус из состава его Группы армий. «Север» попал в окружение под Демянском).

Лист — уволен 9.09.1942 (в момент наступления на Северный Кавказ).

Фон Рунштедт — уволен 9.03.1945 (в момент боев на Рейне).

Убитые, взятые в плен, три:

Фон Рейхенау — 12.01.1942 (командующий группой армий «Центр», инфаркт в Полтаве, в Германию доставлен мертвым).

Модель — покончил с собой 21.04.1945 (войска окружены союзниками).

Паулюс — взят в плен 31.01.1943 в Сталинграде.

Выбитые немецким Сопротивлением:

Фон Клейст — арестован 20.07.1944 за «недонесение о заговоре».

Фон Вицлебен — казнен 08.08.1944.

Фон Клюге — покончил с собой 18.08.1944.

Роммель — покончил с собой 14.10.1944.

Как видим, немецкое Сопротивление вывело из строя четырех фельдмаршалов, что больше их потерь на поле боя (трое).

А еще к результатам Сопротивления следует добавить:

Адмирал Канарис, шеф абвера — казнен в 1945 году.

Начгенштаба 30-х годов, генерал-полковник фон Хаммерштайн-Экворд, командир 4-й танковой группы Гепнер, военный советник Гитлера Вильгельм Шейдт (неоднократно передавал союзникам секретнейшие планы), Эдуард Вагнер — обер-квартирмейстер, начальник отдела снабжения генштаба, посол в Риме Хассель, глава военной администрации Франции Штюльпнагель...

Единственный великий успех чешского Сопротивления, но зато и вызвавший самые грандиозные похороны за всю историю рейха — это убийство рейхспротектора Чехии и Моравии, шефа СД Рейнгарда Гейдриха. Семь чеш-

ских парашютистов десантировались с британского самолета «Галифакс» («тезка» одного из главных «мюнхенцев») и 27 мая 1942 года обстреляли машину Гейдриха, направлявшегося в аэропорт, чтобы лететь в Берлин. Рейхспротектор ехал один с водителем в своем темно-зеленом, всей Чехии известном, открытом мерседесе. (Что косвенно говорит о спокойствии в его протекторате.) Собственно, стрелявшие не попали, но Гейдрих приказал остановить машину, он хотел лично перестрелять диверсантов. Один из них бросил гранату. Смертельно раненный Гейдрих долго корчился на улице, на него с ужасом смотрели, прохожие, пассажиры трамвая. Когда Гейдриха все же доставили в госпиталь, агония продолжалась еще 8 часов. Что, возможно, добавило ярости фюреру, так это странное и спорное заявление врачей, что осколки гранаты были еще и отравлены. Гейдрих был изрешечен этими осколками, селезенку пришлось удалить, и часть врачей объясняют некоторые химические изменения в крови именно этой ампутацией, а не «неизвестными бактериями». В Берлине прошла, как вспоминает дипломат Гизевиус, самая «грандиозная и жуткая вавилонская похоронная церемония». Всю Чехию заставили соблюдать траур, а шахтерский поселок Лидице (у нас почему-то чаще называемый деревней) был в отместку полностью разрушен, все мужчины старше 15 лет расстреляны, женщины и дети отправлены в концлагеря.

Но настоящим чешским Сопротивлением, возрождением национального духа, первым моментом, когда вооруженный, в национальной военной форме чех открыто встал против вооруженного немца. Это действия Первого чехословацкого корпуса, сформированного в СССР и занявшего свое место в строю в боях на Дуклинском перевале.

Действительно, давайте задумаемся обо всех трех категориях сопротивлявшихся в той войне: Солдат, Партизан, Подпольщик. То, что две последних обычно идут од-

ним чохом, что сложился устойчивый словесный штамп: «Партизаны-Подпольщики в оккупированных странах» — это упрощение замазывает одну принципиальную разницу. Партизаны, пусть и в самых глухих лесах, горах — это все же более открытый, «полугосударственный» вызов, иная психология, чем у подпольщика.

Подпольшик — это, наверное, высочайший взлет личного героизма — но именно личного. Среда жизни подпольщика — море покоренного народа, обывателей. Форма жизни — мимикрия под обывателя. Его сопротивление — еще не возрождение массового национального духа. Он Мститель, но еще не Защитник. Философически говоря, чего ждет сознание народа оккупированной страны? Восстановления ситуации: «до войны», «до поражения». А ситуация была такова: Защитник (Солдат) — точно известно, что он есть, но его Деятельность должна быть не здесь, а ближе к границам (воюют, готовятся, стоят на страже). Здесь же, в столице, в мирных городах Защитник может быть только в качестве: Участника парадов, Ухаживающего за девушками... И еще, Защитник носит Оружие открыто. И вообще говоря, Защитить, (Заслонить, встать между защищаемым и Врагом) можно только открыто. Мстить — как угодно.

А деятельность Подпольщика, наоборот, рядом, в соседнем доме (взрывы, убийства предателей). Он не носит Оружия открыто. С точки зрения Обывателя, Подпольщик — такой же Обыватель, только более отчаянный. Еще варианты восприятия: маргинал, злой, не имеющий чего терять, безжалостный, безответственный, дерзкий.

Партизан, по этой логике, — все же почти Защитник, почти Солдат.

Цель сего «философического отступления» о различии Воина и Подпольщика, Защитника и Мстителя — подчеркнуть, что Первые Чешские Защитники Чехии, возродившие ее дух, ее национальную гордость — это показавшиеся в 44-ом году на Дуклинском перевале бойцы сформированного в СССР Первого чехословацкого корпуса.

А убившие Гейдриха — это, безусловно, выдающиеся герои, но именно Мстители. И еще добавление: это ведь были только отчасти чешские подпольщики, а отчасти — английский диверсионный отряд, парашютисты.

Линия выбора расколола Югославию. На первых этапах ведущую роль в сопротивлении играли сербские четники генерала Драже Михайловича.

Когда Сталин 4 сентября 1941 года потребовал открытия западными союзниками фронта на Балканах, для «отвлечения 30—40 дивизий с Восточного фронта», Черчиль представлял восстание четников как замену этого балканского фронта. Советскому руководству он говорил, что английские союзники сербы по английскому требованию уже сковывают несколько десятков дивизий государств Оси. Кроме того, они организовали партизанскую армию, которая, несмотря на сложные отношения с четниками (доходило и до прямых боестолкновений), насчитывала к осени 1944 года до 650 000 тысяч человек и притягивала на себя три армейские германские группировки численностью 400 тысяч человек, на вооружении которых были 2130 орудий и минометов, 125 танков и штурмовых орудий, 352 боевых самолета. Плюс к этому действия Тито сковывали 190 тысяч немецких союзников. А в Югославии немецкими союзниками были хорваты и мусульмане.

10 апреля 1941 года в Загребе было провозглашено Независимое Государство Хорватия (НГХ), в состав которого были включены собственно хорватские земли Босния и Герцеговина. Поглавником (вождем) Хорватии стал Анте Павелич, в правительство независимой Хорватии вошли два представителя боснийских мусульман. 11 апреля на основании закона об армии и флоте начали создаваться вооруженные силы НГХ.

«В застольных беседах фюрера» от 13 октября 1941 года записаны впечатления Гитлера от встречи с хорватским

военным министром Кватерником: «И когда я вижу его — я вижу тот самый расовый тип, преданный, непоколебимо верный своему слову. Они (хорваты) утверждают, что на самом деле они потомки готов, то, что они говорят по-славянски — это какое-то недоразумение». И непонятно с чего фюрер добавляет: «Если бы Хорватия была в составе рейха, мы бы им поручили охрану болот(!) ».

По высказыванию Черчилля, война сербов с хорватами превратилась «в кровавую вендетту со взаимными расстрелами». Но главные злодеяния той поры, вроде бочек вырванных глаз, принадлежат им, несостоявшимся германским «болотным стражам».

«Мусульманские добровольческие формирования» на Балканах включали в себя четыре албанских стрелковых полка, четыре фашистских милицейских батальона и жандармерию, под командованием генерала Пренка Превеси. Кроме того, в число албанских коллаборационистов следует включить вооруженные формирования организации «Balli Koombitar», созданной в конце 1942 года на юге Албании, полк «Реджимент Косова», сформированный в 1943 году в Косовска-Митровице. Немецким властям подчинялась и албанская милиция.

В феврале 1943 года Гиммлер отдал приказ о создании дивизий войск СС из боснийских мусульман-добровольцев для ведения антипартизанских действий в Югославии. Была сформирована 13-я горнострелковая дивизия СС «Хандшар», которая первоначально имела название «Босния-Герцеговина». Уровень подготовки добровольцев был низок, и в сентябре 1943 года дивизию отправили на переподготовку во Францию. Немецкие офицеры относились к своим мусульманским подопечным с презрением. Те в результате взбунтовались и убили нескольких немецких офицеров. Мятеж был подавлен, зачинщики казнены, однако дивизия — единственное эсэсовское формирование, которое когда-либо взбунтовалось — не была расформирована. В феврале 1944 года дивизия была отправлена в

Югославию, где приняла участие в боях с партизанами в районе Брчко (весна 1944 г.) и где приобрела зловещую репутацию своими жестокостями.

В январе 1944 года был объявлен набор боснийских мусульман в 23-ю горно-стрелковую дивизию «Кама». В апреле 1944 года Гиммлер отдал приказ о формировании еще одной дивизии, на этот раз из косовских албанцев, — 21-й горно-стрелковой дивизии «Скандербег». К августу 1944 года дивизия была полностью сформирована в составе 6,5 тысяч человек. Дивизия считалась пригодной лишь к полицейским акциям.

Дивизиям было дано много привилегий, таких, например, как особые пайки и разрешение отправлять религиозные обряды. Эта привилегия противоречила антирелигиозной идеологии СС, но Гиммлер заявил Геббельсу, что *«не имеет ничего против ислама, потому что он обещает мусульманам рай, если они погибнут в бою, — религия очень прагматичная и привлекательная для солдат!»*

В конце 1944 года началось отступление немецких войск с Балкан. Добровольцев-мусульман сочли бесполезными для боев на передовой, и в сентябре 1944 года мусульманские подразделения дивизии были расформированы.

■ ДИЛЕТАНТСКИЕ ЗАПРОСЫ

А почему так подробно именно о югославских делах?

А просто невозможно не заметить потрясающее сходство, да что там! — стопроцентное совпадение симпатий и антипатий «Объединенной (Гитлером) Европы» в 1941—1944 годах и «Объединенной (Клинтоном) Европы» в 1992—1999 годах. Этнические чистки (общепризнанно) проводились всеми тремя сторонами, но выбор был сделан однозначный. У хорватов и мусульман осудили дюжину полевых командиров, у сербов — все государство. Будто в генах сидит — у одних решимость подняться, пойти против мнения всей Европы, как в марте 1941-го. У дру-

гих... сложная, тягуче-тяжелая смесь чувств, но, рискну предположить, и некое раздражение, и тайная зависть к «решившимся», «не посчитавшимся с мнением и выбором всей Европы», короче, к «другим». Может, эта раздраженная память француза о том, что *«он-то в 1941-м исправно кормил немца* (помните ту ежегодную повинность: 750 000 тонн пшеницы, 140 000 тонн мяса, 650 млн литров молока, 220 млн литров вина), *когда эти бесшабашные сербы...»,* и привела Францию к участию в антиюгославской войне 1999 года?

Глава 15

А где был тогда дворянин?
(Прибалтийские счеты)

Думаю, читателям уже давно ясно, что главная мишень моего памфлета — так называемая *«политика двойных стандартов»*. Тема эта сейчас, безусловно, одна из самых популярных на устах у президентов, депутатов, дипломатов, историков, политологов. Борьба за справедливость в оценке истории XX века. Хотя применительно к оценкам войн существует определенный терминологический парадокс: тут источник всей несправедливости — как раз в... *«политике одного стандарта»*. Звучит непривычно, даже диковато, но вдумайтесь: к воевавшей России применяют и прилагают тот же стандарт, что и к поведению Франции, Чехии, бывших уже в состоянии мира в 1941 году.

Суть, конечно, остается — несправедливость. К одним (одинаковым) деяниям прикладывают двойные (разные) стандарты, к другим действиям, событиям (принципиально различным), — наоборот, применяют один и тот же... С огромным трудом признание этого вырвали у президента США Джорджа Буша в одном интервью 2005 года. К шестидесятилетию окончанию Второй мировой войны был приурочен большой его тур по Европе. 6—10 мая президент посетил Латвию и Грузию *«...приняв участие в церемо-*

ниях, посвященных вновь обретенной независимости Латвии и успеху мирной «революции роз» в Грузии».

Серьезность затронутой темы, уровень лица, давшего оценки, требуют соответствующего отношения к данному тексту. Поэтому интервью приводится в версии, выверенной Бюро международных информационных программ (БМИП) Государственного департамента США. Вопросы в основном принадлежат корреспонденту телекомпании НТВ.

ВОПРОС: Доброе утро, г-н президент, хотя для российской аудитории это добрый вечер из-за разницы во времени. Ваш отец — герой Второй мировой войны, самый молодой пилот ВМС. Насколько важен День Победы лично для вас и для вашей семьи?

ПРЕЗИДЕНТ: Спасибо, что спросили о моем папе. Как многие в Америке и в России, он был среди тех, кто был призван защитить мир от нацизма. И, к счастью, он вернулся домой. И сегодня праздник в России напомнит всем нам о жертвах, принесенных в моем случае человеком, которого я люблю, но также и целым поколением мужчин и женщин, которые приложили необыкновенные усилия, чтобы в случае России защитить свою родину, в случае Америки — работать с союзниками, чтобы разгромить Адольфа Гитлера, а также японцев. Лично для меня это особый день, потому что он напоминает мне о готовности молодого парня сражаться. Но он также напоминает мне о долге моего поколения работать сообща, чтобы в мире стало лучше.

ВОПРОС: Контуры послевоенной Европы изменились в соответствии с итогами Ялтинской конференции 1943 года, решением, принятым тремя очень важными личностями того времени — г-ном Рузвельтом, г-ном Черчиллем и г-ном Сталиным. Насколько справедливо возлагать только на Россию ответственность за все несчастья Восточной Европы и балтийских государств?

ПРЕЗИДЕНТ: Очень справедливый вопрос. Это решение было принято в конце войны. Думаю, главная претензия заключается в том, что форма власти, при которой пришлось жить балтийским странам, не была ими выбрана. Но нет сомнений в том, что решение приняли три лидера.

ВОПРОС: Значит, не только Россия — отрицательный персонаж истории?

ПРЕЗИДЕНТ: Думаю, каждый, — когда историки оглядываются на Ялту, — должен осознавать, что не только — вы правильно на это указываете, — не только российский лидер, но и британский и американский лидеры сидели за столом и договаривались.

ВОПРОС: В России мы очень обеспокоены ростом неонацизма в балтийских государствах, когда русских ветеранов войны публично унижают, когда оскверняются памятники русским солдатам и в то же время 8 мая планируется открыть памятник нацистской бригаде, которая хорошо известна не только боевыми действиями против русских, но и довольно мерзкими вещами, которые были обычны для эсэсовских войск.

ПРЕЗИДЕНТ: Да. Когда я поеду в балтийские страны, у меня будет такое обращение: важно уважать демократию, но уважать демократию — значит уважать права меньшинств. Иными словами, подлинная демократия провозглашает, что меньшинства важны и что воля большинства не может подавлять меньшинство. А что касается того, почитают ли страны нацизм, конечно, это следует отвергать. Нацизм был разгромлен. Мы празднуем разгром нацизма. Мы не хотим, чтобы нацизм вернулся. Экстремистская точка зрения состоит в том, что можно попирать права меньшинств. Нацисты уничтожили миллионы евреев, например, и это классический пример того, как попирались права меньшинств. И мы никогда не должны забывать уроки того, почему мы воевали вместе в годы Второй мировой войны. Поэтому я рассчитываю выступить с этим призывом к толерантности.

ВОПРОС: Вопрос, не имеющий отношения к вашему визиту в Россию, но очень важный для нашей страны как нефтедобывающей страны. Однажды вы упомянули, что будете счастливы найти волшебную палочку и снизить цену на нефть. Какая же цена на нефть будет приемлемой для Соединенных Штатов, и каков, на ваш взгляд, шанс найти эту волшебную палочку?

ПРЕЗИДЕНТ: Нет, никакой волшебной палочки нет. Солдат спросил меня: почему вы не снижаете цены на бензин? Как будто правительство контролирует цены. В моей стране правительство не контролирует цены. И я ему сказал: если бы у меня была волшебная палочка, я бы взмахнул ею и снизил вам цены, но так это не делается. Цена основана на спросе и предложении. А спрос по отношению к предложению растет, и это выгодно нефтедобывающим странам, подобным России. И я не знаю, какова правильная цена. Конечно, чем ниже, тем лучше для нашей экономики, поскольку всякий раз, когда больше долларов тратится на бензин, деньги уходят из кошельков трудящихся. Но так работает экономика. Будем надеяться, более высокая цена стимулирует рост добычи. Затем рост добычи поможет привести цену в равновесие. Рынок таков, каков он есть. Решает рынок, а не правительства. Я бы надеялся, что Россия будет поощрять крупные инвестиции, чтобы раскрыть огромные запасы, которые у нее есть. Нам надо проводить здесь больше разведочных работ. Я разговаривал с наследным принцем Саудовской Аравии, который заверил меня, что пытается найти больше нефти. Вот что делают высокие цены. Но люди, у которых есть нефть, должны понимать: если цена станет слишком высокой, это может подорвать экономику, что будет означать меньшую покупательную способность за продукцию.

Хорошая, спокойная и откровенная беседа. Президент, сын президента-фронтовика, отдал справедливость бывшему союзнику, и как раз в то время, когда великое

множество лиц, организаций и стран, в основном клиентов США, соревновались в нападках на Россию. В сущности, в этом интервью Джорджа Буша затронуты три интересных вопроса: 1) Ялтинская модель устройства мира. 2) Вторая мировая война как борьба за права меньшинств и толерантность. 3) Нефть.

К теме этой главы (Война и справедливость) непосредственное отношение имеет только первый вопрос, но как-то жалко было перебивать Джорджа Буша. Вполне откровенный (для любого политика) разговор. Впрочем, вопросов №2 и №3 (права меньшинств и нефть) еще представится случай коснуться, а пока — вот ответ всем русофобам Прибалтики, Чехии и т.д.: разделение Европы на сферы влияния — совместное решение союзников, это необходимая, общепризнанная мера безопасности в Европе. Представьте: у кассиров банка была кнопка вызова охраны, но они побоялись в момент нападения ее нажать (Литва не решилась обратиться к странам-гарантам, позволив Гитлеру пройти существенную часть своего пути — еще в рамках международного права). Значит, была нужна другая система, над которой и поработали Рузвельт, Черчилль и Сталин.

Итак, Буш признал западное соавторство в «ялтинском проекте», но всей прибалтийской «лужи неприязни» вычерпать этим не смог. Из числа принимавших его глав государств всем запомнилась президент Латвии Вайра Вике-Фрейберге, выдавшая свои чувства не только фактическим покровительством ветеранам СС, но и следующим пассажем: «*... разложат свою водку и селедку на газетках и будут петь свои песни, вспоминать, как они завоевали Латвию* (о русских ветеранах) »...

Справка. *Первый Музей оккупации появился в Риге в 1993 году. Создан на месте бывшего Музея красных латышских стрелков. Основная цель музея — «свидетельствовать о том, что происходило с Латвией и латышским народом за время господства оккупационных властей в 1940—1991 гг.»*

Большая часть экспозиции посвящена периоду с 1940-го по 1946 год. Показан процесс включения Латвии в состав СССР, затем период немецкой оккупации. «Гитлеровская» экспозиция в несколько раз меньше, чем картины «советской оккупации». И «советской истории» в Риге собирается столько, что в 2005 году музей решили расширить — строительные работы должны закончиться в 2008 году. Сейчас средняя посещаемость музея — около 400 человек в день.

В 2005 году Музей оккупации в Риге посетил посол и РФ в Латвии Виктор Калюжный. Его оценка (оставленная в книге посетителей): *«экспозиция очень однобокая, выпячивается только один период истории Латвии — советский, но и он изображается исключительно в черных тонах»*.

Помимо самой экспозиции, в здании действует и «кружок по интересам». Практически каждый год 1 апреля в музее проходит вечер антисоветских анекдотов. Латвийские власти очень гордятся своим музеем. К примеру, президент Латвии Вайра Вике-Фрейберга, посетив Музей апартеида в Йоханнесбурге (ЮАР), рассказала его сотрудникам, что «и в Латвии есть аналогичный Музей оккупации», и выразила надежду на возможный обмен опытом.

Через 10 лет после открытия Музея оккупации в Риге подобный музей открылся и в Таллине, где среди экспонатов также *«представлены предметы и документы, связанные с репрессиями в отношении мирного населения Эстонии и депортациями в Сибирь в 1941 и 1949 годах»*. По данным властей, финансировала проект, который обошелся в 2,5 млн долларов, гражданка США эстонского происхождения Ольга Кистлер-Ритсо, покинувшая родину в 1944 году. За помощь в открытии музея она была удостоена высшей награды столицы страны — «Герба Таллина».

Да, вашингтонский принципал во время турне 2005 года разъяснил своим прибалтийским клиентам кое-что из истории Второй мировой войны, но ведь у тех остается в ре-

зерве еще и «оккупация времен царской России» — вот для разъяснения этого и пригодится один очень хорошо известный, особенно протестантам, лозунг, вынесенный выше в заглавие.

ДИЛЕТАНТСКИЕ ЗАПРОСЫ

А где был тогда дворянин?
А при чем тут, собственно, «дворянин»?

Это в эпоху феодализма ученики Уиклифа, базируя на Библии всю свою социальную критику, выдвинули тот знаменитый, абсолютно всем понятный тезис, «слоган»: *«Когда Адам пахал землю, а Ева пряла, где тогда был дворянин?»* Тезис сей вошел в самую ткань протестантской культуры, и я думаю, ничего оскорбительного не будет в его привлечении для иллюстрации следующего исторического расклада.

Рига (порядки в которой сегодня, под властью президента Вайры Вике-Фрейберге, жаловавшейся на Россию в Йоханнесбурге, подходят под определение «апартеид»), так вот, эта Рига была основана как немецкий город. И оставалась таковым долгие века. Латыши (ливы, латгальцы) могли привозить на рынки продукты, но оставаться в городе на ночь права не имели. Точнее, имели, если могли предъявить удостоверение, что они являются слугами в немецких домах, и ... «работницами веселых домов» (славившихся на всю Северную Европу). Латышских кварталов в Риге не было, зато кроме немецких были кварталы еврейские. Это была вторая главная национальная община в городе (от этой памяти, скорее всего, и то особое усердие латышских эсэсовцев в работе по «окончательному решению»). И на момент, когда Петр Первый со шведами решали свои дела на Ништадтском конгрессе, какая-либо политическая латышская нация просто не существовала. Была просто шведская провинция, среди крестьян которой ливы статистически преобладали... и на этом — **все.**

Итак, вопрос: «в XVIII веке, *когда Янис пас свиней, а Марта мыла полы — где тогда был латышский государь (или сенатор, или хоть латышский бургомистр Риги)?*»

И ни в коем случае здесь не идет речь о каком-либо культурном отставании латышской нации — речь идет об ее отсутствии. (Как сельскохозяйственный персонал, население Лифляндии как раз отличалось трудолюбием, опрятностью и в целом более высокой культурой производства.) А собственно латышское купечество, интеллигенция, «латышская политическая нация» сформировались в лоне Российской Империи. Но интересно, что с ними (латышской нацией) случилось бы в случае победы Гитлера? Его-то главный советник по «расовому устроению» был как раз Розенберг, *остзейский немец,* а «это многое объясняет» (как говорится еще в одном слогане). Во всяком случае, должно было многое бы объяснить пятнадцати поколениям его слуг и служанок. Ну, дожгли бы всех евреев, ну, выполнили бы еще кой-какую работенку — долго ли после этого доверили бы вам еще со «шмайсерами» щеголять?

Необходимое пояснение. Вышесказанное относится только к латышским фашистам. А ко всей латышской нации могут быть обращены лишь два постулата: 1) царская Россия не забирала у Вас суверенитета 2) СССР — да, латышский суверенитет забирал, но...

Но латышским историкам я бы предложил несколько по-новому взглянуть и объективно оценить следующее. Да, суверенитет забрали в 1940-м, вернули в 1991-м. Аберрация исторического зрения здесь следующая: сейчас Национальный Суверенитет, Международное Право, Человеческая Жизнь кажутся такими Абсолютными Ценностями, что это ощущение как бы переносится и на 1940 год. Но в действительности все эти ценные бумаги имеют свои курсы, плавающие. И какова была в том, 1940 году, конкретная стоимость Национального Суверенитета, лучше вам спросить у балтийских соседей — у датчан, например. Или у исландцев...

В 1991-м, конечно, все было по-другому. Все равно, что... Подобрали птичку в декабре — выпустили в апреле. Была, правда, еще одна взаимная обуза: строительство этого странного социализма, который все никак не строился, не «завоевывался». То латышские стрелки помогали его завоевывать нам, то мы им, да толку все ни... Но это только история (и не самая ближайшая) рассудит-объяснит.

И еще пункт, по которому у меня, признаюсь, нет окончательной информации, и который, похоже, еще ни разу не ставился на обсуждение. Я предлагаю задуматься над следующим фактом: уже к 1943 году Латвия находилась под Германией *в два раза дольше,* чем в составе СССР, но... Вопрос, собственно, такой: а если сравнить наличие (или отсутствие) тяжелого вооружения у национальных латышских частей, воевавших по обе стороны фронта? Может, такая постановка вопроса покажется нетипичной, даже странной Но таков уж общий стиль этой моей книги: периодически перемежать идейно-абстрактные пассажи сугубо материально-меркантильными, вроде: сколько танков немцам наклепали чехи, сколько миллионов литров молока и вина дали им французы...

■ ДИЛЕТАНТСКИЕ ЗАПРОСЫ

А действительно, кто выдавал, а кто — нет, танки и пушки латышским частям?

Вопрос о наличии тяжелого вооружения в национальных частях и вообще о наличии латышей-летчиков, артиллеристов, танкистов мне представляется очень важным и показательным. Одно только легкое вооружение свидетельствует о преимущественно карательном назначении отрядов, а еше свидетельствует о недоверии. Автоматчиков, «пушечное мясо» разоружить, взять под контроль, перебросить куда-нибудь легче, чем, например, воинскую часть, соединение с приданными им артиллерией,

танками. Полной информации у меня, повторяю, нет — только архивные изыскания популярнейшего в эпоху перестройки латвийского журнала «Родник». Так вот, немцы, кажется, выдавали латышам только «шмайсеры» и те самые эсэсовские (или гестаповские?) бляхи, которыми так гордятся на парадах ветераны ваффен-СС. А СССР сформировал 130-й латышский корпус, за взятие Риги получивший орден Суворова. А бляхи — ну что бляхи?! — они болтались и у немецких овчарок на ошейниках...

Итак, два вопроса. Каковы все же: 1) сравнительные стоимости Национального суверенитета по курсу 1940-го и 1991 годов; 2) сравнительные меры доверия, признания латышской нации в таком, может, и оригинальном, но зато и неподдельном (особенно в военную пору) измерении, как доступ к тяжелому вооружению?

И возвращаясь в мир идей. Если не предаваться каким-нибудь мечтам вроде географических: ах, была б это не Балтика, а теплое Средиземное море, и, главное, по ту сторону «железного занавеса»! Или мечтаний хронологических: ах, если б за маем 1945-го... вдруг и сразу декабрь 1991-го. (СССР принимает капитуляцию Германии и тут же объявляет о самороспуске! Здорово бы... ведь есть же поговорка о «мавре», вот русским бы так и поступить...)

Возможно, на базе подобных «литературных мечтаний» и создавалась... Комиссия историков Латвии.

Справка: Комиссия историков Латвии основана 13 ноября 1998 года по инициативе бывшего президента страны Г. Улманиса. Начала свою работу в конце 1998 года в составе 11 членов. В Комиссию вошли профессиональные историки из Института истории Латвийского университета, факультета истории и философии ЛУ, Государственного исторического архива, Музея оккупации и сотрудники Канцелярии Президента страны. Председатель комиссии — директор Института истории профессор Андрис Цауне. В сотрудничестве с Министерством

иностранных дел был проведен подбор иностранных членов комиссии и их включение в состав Комиссии. Заседания Комиссии с участием иностранных членов проходят два раза в год. Привлечение иностранных ученых и общественных деятелей способствует объективности работы Комиссии, а также позволяет лучше ознакомиться с историко-исследовательскими методами, разработанными на Западе.

Главная задача Комиссии — исследование и осмысление темы «Преступления против человечества во время двух оккупаций 1940—1956 гг.» и организация разработки итогового доклада.

Созданы четыре рабочие группы, действующие независимо друг от друга по направлениям:

1. Преступления против человечества на территории Латвии 1940—1941 гг. (руководитель проф. В. Берзиньш);
2. Холокост в Латвии 1941—1944 гг. (руководитель проф. А. Странга);
3. Преступления против человечества на территории Латвии во время нацистской оккупации 1941—1944 гг. (руководитель проф. И. Фелдманис).
4. Преступления против человечества в Латвии во время советской оккупации 1944—1956 гг. (руководитель проф. Х. Стродс).

Наш депутат Государственной Думы Российской Федерации, заместитель председателя Комитета по международным делам ГД Наталья Нарочницкая, в 2005 году поздравляя президента Латвийской Республики госпожу Вайру Вике-Фрейберге, писала ей:

«Эта Победа избавила латышский народ от исчезновения из мировой истории, от участи превратиться из нации в безликий человеческий материал, в слуг для господ из Третьего рейха, едва умеющих читать на немецком языке гео-

графические указатели в Ингерманландии. В последующий период латыши, как русские и другие народы исторического государства Российского, испытали свою долю от всего, что было в нашем общем Отечестве — хорошего и плохого, но они стали профессорами, изобретателями и генералами, получали за достижения национальной культуры государственные премии, сохранили себя как нацию.

Я искренне надеюсь, что латышский народ с его мудростью и достоинством преодолеет этап самоутверждения на огульном отрицании прошлого и вражде к России...»

И в продолжение этого справедливого и примирительного письма, оставшегося, к сожалению, без ответа, я приведу краткие выдержки из работ Комиссии историков Латвии со своим, примирительным же, надеюсь, комментарием.

1. Реферат профессора Инесиса Фелдманиса. «Оккупационная политика нацистской Германии в Латвии в свете архивных документов Германии».

...вопрос автономии Латвии и Эстонии. Осенью 1943 года некоторые высокие должностные лица нацистов, например, рейхсфюрер СС Г. Гиммлер, высказывали мысль о необходимости предоставить Латвии и Эстонии государственную самостоятельность. Эту идею горячо поддержали шеф Главного управления СС Г. Бергер, а также генеральный комиссар Латвии О. Дрекслер. В Министерстве оккупированных Восточных округов был даже подготовлен проект декрета фюрера о государственной независимости Латвии и Эстонии, а министр А. Розенберг распорядился разработать план ликвидации рейхскомиссариата «Ostland». В свою очередь, некоторые немецкие дипломаты советовали преподнести акт присвоения автономии Латвии и Эстонии в качестве ответа на проходившую в Москве в октябре 1943 года конференцию министров иностранных дел. В распоряжение немецкой раз-

ведки поступила информация о том, что на этой конференции министры иностранных дел Великобритании и США А. Иден и К. Халл de facto признали включение стран Балтии в состав СССР...

С другой стороны, у идеи автономии были влиятельные противники. Против предоставления автономии Латвии и Эстонии выступили рейхскомисар Х. Лозе и министр иностранных дел Германии Риббентроп. Многие документы свидетельствуют о том, что именно позиция Риббентропа в большой мере оказала влияние на Гитлера, который в конце концов принял отрицательное решение...

Господин Фелдманис, в Вашем реферате честно и ярко проиллюстрирован сам ход размышлений немцев по поводу: «А не дать ли латышам автономию». Приведены все их «про и контра». Согласитесь же, что не только в процитированных фрагментах, но и везде царит дух... я бы так сказал: ... совершенно служебного, «прикладного» понимания немцами латышской автономии (например, в пику решениям 1943 года союзников в Москве). А если дополнить Ваш реферат еще одной совершенно недвусмысленной оценкой Гитлера: *«Независимость Прибалтики и Украины в 1918 году — дело наших (немецких) рук»?*

Как тут поспоришь? Немцы в 1918 году выдавливают из Прибалтики российскую, а потом и Красную армию, и для нужд сугубо хозяйственных, *для лучшей организации работы тыла* декларируют «независимость» Латвии, Эстонии. Потому-то, наверное, они так легко и вернули ее (прибалтийскую «независимость») России по пакту Молотова — Риббентропа: «прибалтийские суверенитеты» — наша продукция, мы ее дали, мы и переподарили кому захотели! А в 1943-м, захотим, — опять ее латышам выдадим!

Согласитесь же, что подобный «суверенитет» — одна из разменных (и довольно мелких) немецких монеток — пфенниг. Это не та вещь, которой можно гордиться и на которой основывать космические счета России за 1940 год.

2. Лекция доктора Ирене Шнейдере «Политика оккупационного режима Советского Союза в Латвии: в свете архивов России» (обобщение).

«... Только благодаря финансовой поддержке Комиссии историков латвийским историкам после долгого перерыва удалось «вернуться» в архивы Москвы. Они могли не только работать там с документами, но и заказать копии. С полученными материалами знакомятся ученые, документы публикуются и широко используются в научных статьях. Однако я хотела бы начать не с обзора документов, а с короткого описания условий, в которых пришлось работать. Работу в архивах Москвы, к сожалению, по целому ряду причин нельзя назвать нормальной. Мои наблюдения вытекают из опыта, полученного в результате поездок последних трех лет.

Изменилось ли что-нибудь в работе архивов с 80-х годов XX века? Насколько я могу судить, мало что изменилось, а может, и вовсе ничего. Да, стал доступен бывший Центральный партийный архив, который раньше для исследователей практически был закрыт. Сейчас этот архив называется Российский государственный архив социально-политической истории (ГАСПИ).

Несколько слов хочется сказать о специфических аспектах работы. Начну с тех обстоятельств, которые осложняют работу. На работу историков влияние оказывает личное отношение к ним сотрудников архивов. *Москвичи — большие патриоты, поэтому они наверняка верят своему мэру Юрию Лужкову, который говорит об апартеиде, ущемлении русских в Латвии. Мощная пропаганда имеет воздействие на жителей столицы России.*

Начиная с последних лет эры Бориса Ельцина, в архивах не работают комиссии рассекречивания. С секретными документами происходят странные вещи. В бывшем Центральном партийном архиве имеется фонд 600 — бюро ЦК ВКП(б), который в первые послевоенные годы «присматривал», то

есть контролировал, структуры власти в Латвийской ССР. В фонде содержится 28 дел, из которых 10 недоступны для исследователей. Однако оказалось, что некоторым зарубежным исследователям их выдают. Об этом можно судить по сноскам в работах наших зарубежных коллег. Абсолютно непонятный дифференцированный подход.

Условия работы тоже плохие: микрофильмы очень трудно читать, число заказываемых дел необоснованно мало (только 5 дел).

Одновременно хотела бы подчеркнуть, что, например, в ГАСПИ работу очень облегчает тщательно составленная опись, уже по названию дела можно судить о том, будет ли там что-то про Латвию. Это, несомненно, облегчает работу, особенно при таких огромных размерах фонда.

После такого не очень оптимистического вступления встает вопрос: был ли смысл ехать, тратить время, деньги, нервы? Ответ — трижды «да». В архивах Москвы были получены ценные, даже уникальные документы о Латвии периода советской оккупации.

... В план социалистического строительства была включена депортация «чужого элемента», коллективизация сельского хозяйства, особое внимание было уделено борьбе с церковью. Вывод можно сделать только один — работу нужно обязательно продолжать, ибо архивы Москвы только начинают раскрывать свои тайны.

... По-моему, существенные документы, раскрывающие процессы 1940—1941 гг. и реальные замыслы Москвы, хранятся в фонде В. Молотова. Хотелось бы отметить только один момент: в июне 1940 года руководство Москвы ожидало вооруженного сопротивления советской оккупации, но не со стороны армии, а от айзсаргов. Это в известной мере объясняет то, почему именно против членов этой организации проводились массовые репрессии...»

И Ваша Лекция, госпожа Ирене Шнейдере, несет долю совершенно справедливой оценки нынешних условий работы историков в России. Даже если российские архивис-

ты обозлены латышской дискриминацией их соотечественников в Риге и как-то Вас дискриминируют, — все равно, Вы же должны признать, что это не какой-нибудь «заговор тотальной лжи» в духе «Министерства Правды» Оруэлла?!

«В фонде содержится 28 дел, из которых 10 недоступны для исследователей (латышских). Однако оказалось, что некоторым зарубежным исследователям их выдают. Об этом можно судить по сноскам в работах наших зарубежных коллег. Абсолютно непонятный дифференцированный подход».

Вот именно что дифференцированный, а не «тотальный»! То есть, если бы Россия задумала, допустим, наглухо спрятать некую информацию, создать фальшивку и провести с ее помощью какую-то дезинформационную антилатвийскую атаку — разве можно это все построить на закрытии архивов только для латышей и... сохранении доступа американцев и шведов?! Вы ведь, взяв «эти тайны» у них, еще более уверенно парируете подобную (гипотетическую) атаку...

В общем, так ли уж ужасна судьба одной прибалтийской республики, бескровно лишившейся суверенитета и вновь обретшей его без единого выстрела, под пение красивых народных песен всенационального миллионного хора? Весь мир тогда транслировал «поющую латвийскую революцию». (Кстати, а поют ли на стадионах сейчас? Тоже ведь интересно: собираются ли сейчас сотнями тысяч попеть просто, без протестов?) Ведь есть же свой неповторимый рисунок, красота в такой судьбе. И если какой-нибудь латвиец вдруг и дочитает книгу до этого места (несмотря на фразы на предыдущих двух страницах, могущие показаться обидными), то, возможно, скажет: вот она, пропаганда «тупой русской покорности судьбе».

Но ведь именно аристократ духа, Фридрих Ницше, так сформулировал главный вывод (лозунг) своей философии применительно к человеку/обществу: *«Амор фати (любовь к судьбе)!»* И дал пояснение (оказавшееся, кроме прочего,

еще и точнейшим прогнозом на весь наш XX век): *«Нет ничего более ужасного, чем класс рабов-варваров, научившихся относиться к своему существованию как к несправедливости и теперь готовящихся отомстить не только за себя, но и за все поколения»*. Носить в себе такую болезнь и преодолеть ее — разве это не высокая судьба?

Нет, настоящий упрек, которого следовало бы опасаться в русле темы «Вторая мировая война. Перезагрузка» — это не «тупая покорность судьбе», это упрек совсем другого рода. Примерно так он уже неоднократно и был озвучен: *«Получается, если Россия единственная страна, удержавшая фронт против Гитлера, будет всегда и вечно права: и в Ялте-45, и в Праге-68, и все ваши тупые политики будут всегда во всем правы, и мы с ними будем должны сеять кукурузу в Курземе, и строить социализм в Афганистане, и т.д....— то чем же Россия тогда будет лучше избегнутого нами германского ига?»*

Глава 16

Война и справедливость
(Шесть перьев с каждого гуся королевства)

Первый, «поверхностный слой» этого силлогизма («Чем же тогда СССР лучше Гитлера? ») — это чисто демагогический, почти журналистский перехлест, легко опровергаемый. Сравнивать наши ошибки с «Великим тысячелетним планом Гитлера» — это логика обиженного, злого и очень недалекого ребенка. «Вот сожгут всех этих, и тех, и еще тех, а уж потом — все. И откроют в Освенциме и Саласпилсе — м-м... «Луна-парк»! Или... «Гитлерлэнд» с мороженым...

Но есть же и «второй слой», вот это да — настоящие и труднейшие вопросы. Где заканчивается право спасителя? Что есть «справедливое устройство мира»? И как «послевоенные годы» потихоньку переходят в... «предвоенные»? Невоевавшие страны, они могут, конечно, уподоблять мир спасенной из пожара хорошенькой, пухлой девочке, с галантным поклоном отдаваемой родителям, и на этом — все... Можно только... разве что свой телефончик родителям оставить, но так, неназойливо: «Звоните, как там наша спасенная...» Но как осознать истинные границы ответственности? Когда (и куда) исчезла внутренняя правота и справедливость СССР?

Итак, несовершенство и несправедливость Версаля и Мюнхена подтолкнули к началу Великую войну. Советский Союз, как античный герой, принял на себя все удары судьбы, все зло и всю ответственность — и победил. И кто же тут собирался строить систему на «вечной благодарности спасенных»? Уж конечно, не такой умудренный политик, как Сталин. Все его послевоенные речи, доклады, даже тосты («За великий русский народ! ») бережно кодифицированы, давно изучены. Но есть два его «сразупослевоенных» высказывания, представляющихся мне наиболее провидческими и прямо относящимися к перечисленным тяжелым вопросам. Они, эти выссказывания, тоже, в общем, известны, заверены многими свидетелями, но, однако не вошли ни в одно собрание его сочинений. Потому и приводятся свидетелями «не до точки, не до запятой», примерно так:

1. ***«В этой войне мы потеряли самых лучших. И это еще непременно скажется».***

2. ***«Без теории мы погибнем».***

Понятно, отчего «ближние», ведавшие стенографированием и изданием «Собраний сочинений И.В. Сталина», никогда никуда не включали сей «апокриф». Они-то как раз и были — из «непотерянных...»

Но прежде чем коснуться этих самых... «нелучших из не лучших» — и кукурузного радетеля, и собирателя золотых звездочек, — вернемся прежде к заглавию.

... «шесть перьев с каждого гуся королевства (Война и справедливость)»

Прекрасно сознавая, сколь приелись читателю за последние 25 лет эти вышеупомянутые образы «непотерявшихся, нелучших», я попробую хотя бы пример противоположного толка дать из колоды, пока еще незатертой.

Дело происходило в эпоху Генриха Пятого, победителя при Азенкуре, покорителя Франции, самого лучшего и самого удачливого короля Англии (по оценкам большин-

ства британских историков). В Столетней англо-французской войне тогда наступил как раз перерыв, предусмотрительно использованный англичанами для развязывания небольшой своей внутренней, гражданской войны. Воцарившийся Генрих V замиряет и вновь объединяет страну под лозунгом: «Франция будет наша!» Те королевства по населению, моши, величине армий соотносились примерно как... хорек с оленем. Но после недолгих приготовлений Англия (хорек) бросилась и победила оленя (на время, конечно).

А в истории Генриха Пятого Десмонда Сьюарда меня поразила одна абсолютно мимоходная техническая деталь подготовки к той великой экспедиции. Лучники, как известно, были главной ударной силой англичан, стрелы (более миллиона штук) заготавливались и перевозились бочками. А оперением стрел тогда служили действительно перья. Именно те же, что и поэтам, гусиные. И вот одна лишь строчка в книге Стьюарда... (далее рутина о мерах по подготовке кораблей): *«Генрих Пятый издал указ: "шерифам во всем английском королевстве вырвать по 6 перьев из крыльев у каждого гуся"».*

Вот она, идея военной справедливости в гениально простом виде, самом наглядном виде. *«Феодальное общество Англии,* как скажет вам любой учебник, *имело очень сложную структуру».* Иерархия вассалитета, сложная система привилегий, но вот ведь же — строго по 3 пера из каждого английского гусиного крыла. Мобилизация всей Англии. Предельно просто и справедливо. *И если даже окажется, что у какого-то гуся выдрали 12 перьев, а у какого-то ни одного, то вся Англия — правильно — поймет это как случайное исключение, как преступление, коррупцию... районных военных комиссариатов, проводивших призыв... То есть, я, конечно же, оговорился, хотел сказать «шерифов».*

И через несколько месяцев 5000 английских лучников разметали при Азенкуре 20-тысячную французскую армию (рыцари, слуги, герольды, оруженосцы...).

Вот пример справедливой, народной (может, даже и «Отечественной») войны со стороны Англии. Может, это мое определение опять-таки покажется непривычным... диким, но тут такой комментарий. Это нам, россиянам, непривычно, потому, что у нас понятия Народная, Отечественная война связаны, неразрывно слиты с войной оборонительной, «защитой», «спасением» Отечества. Но для других стран и наций, особенно таких... более мобильных, в основном приморских, Народной, Отечественной может стать и захватническая война. Главное — в наличии/отсутствии идеи, реально объединяющей нацию. Захват добычи, захват новой территории... Это нам трудно представить, что «такие идеи» могут объединить весь народ. Но вот скандинавы поднялись и захватили треть Европы, основали несколько королевств. Арагонцы поднялись и захватили половину Италии. Немцы — «Дранг нах Остен». Нормандцы поднялись и захватили Англию. Кстати, и этот описываемый случай, когда они (нормандцы), спаявшись с англичанами в новую нацию, через 400 лет во главе с Генрихом Пятым захватили Францию, это было отмечено в тогдашних летописях как «обратное завоевание Нормандии».

Какое отношение это имеет к России (кроме всяких намеков и сопоставлений бытующей практики наших «райвоенкомов» и генриховых «шерифов»)?

Конечно, всякая Народная война подразумевает и некую народную самоорганизацию, да только «Народно-захватническая» война требует организации и самоорганизации на два порядка большей, чем «Народно-освободительная война». Нужно собраться, погрузиться, переместиться. А главное, после победы в «Народно-захватнической» войне нужно делить не только содержимое захваченных обозных телег, но и... землю, недвижимость. А дележ этого подразумевает уже и новую организацию жизнедеятельности, работы на захваченных территориях — в противном случае эта добыча не имеет ни смысла, ни ценности.

Генрих Английский Пятый завоевал только титул короля Франции, а его люди получали и солидные движимые и недвижимые имущества. А уж это подразумевает списки, реестры, договоры, поправки в арендные договоры, земельные кадастры (а вот когда мы услышали это зловещее слово — «земельный кадастр»?).

Трофеи народа в тоже выигранной, но оборонительной, спасительной Народно-Отечественной войне — это только обозы, на 99 % с пожитками, украденными чуть ранее у него же, народа. Ну, плюс кой-какие сувенирчики из Парижа или Берлина. И дележ, передележ такого рода добычи (называется «подербанить»), — он и не требует самоорганизации сложнее, чем «братковская».

Горсткой казаков завоеванная Сибирь для народа осталась местом ссылки и каторги. А казаки — как раз исключение, единственная корпорация, самоорганизованная народом. И сложилось это исключение именно потому, что казакам требовалось *еще и делить земли* в низовьях Днепра, Дона, Яика, располагаться, организовывать жизнь. Для полноты картины я бы лично предложил еще посмотреть-посравнить казаков с ушкуйниками. К сожалению, эта «корпорация» у нас мало известна, но поверьте на слово. Абсолютно та же отвага, предприимчивость, и даже та же самая тактика. Собирались от Новгорода Великого до, примерно, Новгорода Нижнего ватаги. Рассаживались по лодкам, называемым только не «челны» (как у Стеньки Разина), а «ушкуи», и совершали набеги. Зафиксированы их дохождения до Астрахани, Азова, а были, наверняка, и более дальние походы. Но вот до дележа земли у ушкуйников дело не доходило, ввиду тогдашней исторической (золотоордынской) ситуации.

И не осталось об ушкуйниках народной памяти, и, что характерно, песен о них не осталось. Зато и сами казаки, оторвавшись надолго от своих станиц, становились слегка похожими на... правильно, на тех же ушкуйников. Вспомните Стеньку Разина.

Итак, надо признать, что мы не имели опыта завоевательных Народных походов. И, как следствие, не имели опыта организации цивильной жизни в завоеванных странах. Это не природный изъян (казаки как раз и доказывают, что подобные необходимые природные способности у нации присутствовали) — это, как говорят, «историческая данность». Потому и спася себя и мир от Наполеона/Гитлера, совершив кучу богатырских подвигов, наш народ впадает в... Какое еще слово у нас тесно связано с эпитетом «богатырский»? Правильно, язык не обманешь — «богатырский сон».

А как известно, *«сон разума рождает чудовищ»*. Это я к тому, что некая таинственная субстанция — Справедливость — потихоньку с 1945 года убывает, тает. Справедливого и устойчивого порядка на «завоеванных территориях» устроить не получилось. И кто же персонально оформлял этот процесс, «возглавлял» этот дрейф? Какая среда выдвинула лидера, в эпоху, когда *«лучшие потеряны на войне»?*

Ответ на этот вопрос — это и есть одновременно ответ на главный возможный упрек: «Если у вас все время получается: тот больше прав, кто больше с Гитлером воевал, — то до какого это будет времени? СССР единственный удержал фронт против Гитлера — что, отсюда следует, что и Брежнев треть века будет самый умный и самый правый в мире? Когда кончаются эти неопределенные *послевоенные годы* (и начинаются *довоенные*)?»

Обдумывать эту фразу, а если угодно, пророчество — *«В этой войне мы потеряли самых лучших. И это еще непременно скажется»* — можно бесконечно долго. Можно так и ни до чего не додуматься. Мне кажется, что более результативными будут попытки ее истолкования — параллельно с истолкованием «Пророчества № 2»: *«Без теории мы погибнем»*.

Вот обстоятельства произнесения этой фразы известны более-менее точно. Сказано это было свежеизбранному члену Президиума ЦК КПСС философу Д.И. Чеснокову. Даже и сами изолированные факты — избрания в Президиум ЦК (временный тогдашний эквивалент расширенного Политбюро) философа Чеснокова и обращение к нему Сталина уже заслуживают гораздо большего внимания. И очень характерно, что «перестроечные» публицисты, вдоль и поперек просканировавшие все составы тогдашней верхушки, включая уже и трагикомически сто раз обыгранного «примкнувшего к ним Шепилова», не задержали взгляд на этом собеседнике Сталина, Чеснокове, внешнем адресате тех в общем странных и загадочных слов.

Дело, напомню, происходило в «...стране победившей теории (учения) Маркса», «всесильного, потому что верного»... и т.д. Не будет преувеличением сказать, что 99,9 % населения были уверены, что уж теория-то у нас есть. Отсутствие много чего другого как раз и компенсировалось уверенностью, что... И уж точно 100 % были уверены: сомневаться в том, что «марксизм — самый всеобъемлющий итог развития человеческой мысли... », — это верный «вышак».

Так без какой теории «мы» (понятно, что СССР) «погибнем»?

Сейчас уже собирается достаточная (может, уже и критическая) масса исследований и работ серьезных ученых, каковая обеспечит один важный переворот в сознании наших сограждан. Григорий Ханин в беседе с Львом Аннинским на страницах журнала «Родина» приоткрывает некоторые контуры нового взгляда на историю страны второй половины XX века. Это совпадает и с главным смыслом работ историка Мухина.

«Новая программа Сталина» включала в себя:

1) разрядку международной напряженности;

2) гласность;

3) ограниченную демократию, прежде всего **в партии;**

4) улучшение жизни населения;

5) децентрализацию экономики.

Доказательства тому собираются самые серьезные. Много чего не надо даже и открывать — надо просто перестать замалчивать. Как, например, Великую реформу партии в конце 1940-х. Были ликвидированы транспортный и сельскохозяйственный отделы ЦК ВКП(б), из обязанностей секретарей ЦК устранены функции контроля за отраслевыми отделами. В аппарате ЦК оставлены отделы, отвечающие только за подбор кадров и идеологию. Партия устранялась от прямого руководства экономикой. (Это все пункты тяжелой борьбы «за демократизацию и ленинские нормы в 1989—1991 года».)

В международной жизни — уступки в Корее, сдерживание зарубежных компартий. Сильнейший раздражитель для Запада Коминформ (наследник Третьего Интернационала) фактически прекращает деятельность. Как только новая программа Компартии Великобритании стала лояльной (мирный парламентский путь к социализму, сохранение частного сектора), она была опубликована в журнале «Большевик» (1951 год).

Г. Ханин: ***«Сталин был прагматик. Он пришел к выводу, что в связи с успехами СССР в военной технике, огромным расширением социалистического лагеря после победы китайской революции (1949 год) период выживания для нашей страны закончился. Дальнейшие успехи зависели уже от способности системы содействовать инициативе и творчеству граждан, чему препятствовала тоталитарная система».***

Отстранение Сталиным слоя партноменклатуры готовилось настолько загодя, что только сегодня собираются и идентифицируются фрагменты этого плана. Вроде поощрения критического подхода в литературе. По свидетельству Симонова, Сталин особенно ругал «теорию бесконфликтности», а требование «партийности писателей» увязал с прошлым периодом борьбы за власть и объявил сегодня недействительным.

Ну и все известные публикации Овечкина, Веры Пановой в «Новом мире» и «Правде» в 1952 году свидетель-

ствуют о том же. Популярное выражение «нам нужны Гоголи, Щедрины» — это из выступления Сталина на заседании Комитета по присуждению Сталинских премий 1952 года. Юрий Жданов (сын, ученый), помнит, как летом 1952 года Маленков передал указание Сталина: ликвидировать монополизм Лысенко в биологической науке, ввести в президиум ВАСХНИЛ противников Лысенко, в первую очередь Цицина и Жебрака.

Каганович свидетельствует, что Сталин на следующем (получается — XX) съезде планировал выступить с серьезным и самокритичным докладом. А мог, откровенно говоря, и наоборот, весь состав XIX съезда (1952 года) пустить вслед за XVII — для него это был бы вопрос скорее тактики. Одно бесспорно: 20-летняя летаргия типа брежневской в его планы никак не входила. А знаковое «дело врачей», так, как оно в итоге пошло, это и было ловушкой номенклатуры для Сталина — этому тоже приводятся веские доказательства.

Интересно, как в этом исследовании соседствуют такие аргументы, как очерки Овечкина и мирные переговоры по Корее, смещение Рюмина, еврейская жена Чеснокова и согласие Сталина на объединение Германии. Серьезным мирным знаком для Сталина стало смещение в апреле 1951 года Главнокомандующего войсками США на Дальнем Востоке (основная горячая точка) генерала Макартура, главного сторонника ядерной войны с СССР.

Далее уходить по вполне развернутой «блок-схеме», доказывающей, что Сталин готовил новый курс, вроде дэнсяопиновского, пиночетовского, франковского, безусловно интересно, но все же это значит удаляться от главной темы данной книги. Оставим лишь вывод: Сталин долго размышлял над идеей послевоенного устройства жизни в СССР и в полученной огромнейшей сфере влияния, понимал, что прежняя государственная структура и партия, (созданные под захват власти и выживание) теперь не годятся.

1. У России не было положительного опыта организации жизни на завоеванных территориях. А Сибирь? А вообще «одна шестая»? А это как раз — косвенное доказательство правоты евразийцев. Захвата, как такового (как у немцев — Пруссия, Прибалтика), на нашей «одной шестой» не было. Было, как правильно, получается, пишут: «вступление в наследство в Улусе Джучиевом (Поволжье, Урал, Сибирь)». И, что характерно, именно эти приобретения в итоге и остались.

2. Коммунизм, как организационное подспорье (через систему «братских партий») и как объединяющая идея, может, и пригодился бы, но в совершенно ином виде.

Нам же остается только гадать: какие контуры приняла бы наша жизнь, наша Империя, если бы... *«мы не погибли без теории»*. Перед мысленным взором встает словно неизвестный, неоткрытый континент.

Примерно так же Октавиан Август, другие великие цезари прокладывали Курс Мировой Истории сквозь совершенно неизведанные земли. Их Империя через Принципат выстраивалась очень медленно, постепенно, сохраняя весь республиканский лексикон.

Запомнившийся нам титул Император был одним из многих, и не самым важным. Власть давал титул Принцепс сената, личную неприкосновенность и право вето — должность трибуна (причем изначальный смысл трибунской должности, защита плебеев, был просто забыт, исчезла сама грань: патриции/плебеи).

Важнейшей гарантией устойчивости власти были членства в жреческих коллегиях (две-три главных). Марк Аврелий (знаменитый философ и, считается, лучший монарх в истории человечества) был *Салием* (прыгателем). Эти жрецы прыгали, повторяя фразы, смысл которых был утерян 800—900 лет до того. *Гаруспики* гадали по внутренностям... Но самая знаменитая жреческая коллегия — *Авгуры*. От них пошло выражение *«переглядывать-*

ся и смеяться, как авгуры». Считалось, точнее, подозревалось, что авгуры, сами между собой, подсмеиваются над своими гаданиями. Сохраняя, однако, все формы почтения к древней традиции и вмещая разумом: и лабиринты мифа, и рациональный взгляд, и государственную потребность...

И коммунист Сталин, обращающийся к коммунисту Чеснокову: «*Нужна теория*», мне видится тоже немного авгуром. Может, и члены Политбюро стали бы такими авгурами, «прыгателями» на Мавзолее, гадателями по Священной Книге «*Капитал*». (С поправкой на ускорение мировой истории это были бы не римские столетия, а наши, может... «пятилетки»...) Марксизм, коммунизм приняли бы, наверное, ритуальные формы...

Тогда вот она, и главная причина «*...безжалостного истребления Сталиным революционеров, верных и талантливых марксистов, верных и талантливых ленинцев»*... и далее см. журнал «Огонек».

Авгуров в Риме было двенадцать, гаруспиков — десять. (Или наоборот.)

Но какое государство выдержало бы прокорм и попытки «поруководить» *сотен тысяч «верных и талантливых»* (а значит, и самоуверенных) носителей неработающей теории?! Твердых хранителей неудачного... *прогноза погоды на позавчера?!* Зазубривших «Капитал», последние главы которого уже и Энгельс дописывал, подкручивая марксовы теории под изменившиеся за несколько лет реалии. Их бы («видных марксистов»), конечно, лучше бы, рациональнее — в свиноводы, в дворники, в строители, чем «к стенке»... НО случилось то, что случилось, а уж причину выбирайте — какая больше понравится, из двух:

1. Жуткая жестокость Сталина;

2. Амбиции наших «видных марксистов».

Китайские «видные марксисты» в большей части все же поехали в сельхозкомунны, «на перевоспитание». Дэн

Сяопин работал (не в свинарнике, правда, — в коровнике), но сможете ли вы хотя бы на миг представить в коровнике Троцкого и прочих? ...

Возобладавшая же в итоге линия Хрущева, Брежнева, Черненко — это просто... С чем и сравнить бы... Подопытные обезьяны разбрелись по лаборатории, оставшейся без Автора Эксперимента... Прыгают, крутят какие-то ручки, шлепают по кнопкам, вспоминая Хозяина...

Андропов один только и оглянулся удивленно: «Мы не знаем страны, в которой живем! »

Идейный запас, «запас справедливости», рожденный Народной войной, быстро иссякал. И все, что по-настоящему было нужно Советскому Союзу, — это безопасность. Потому так важно будет привести самые главные, самые фундаментальные документы той эпохи. «Фултонскую речь» Черчилля, объявление нам войны («холодной»), и ответы Сталина в газете «Правда» 14 марта 1946 года.

■ ДИЛЕТАНТСКИЕ ЗАПРОСЫ

А почему вообще затеяно обсуждение «справедливости» войны, послевоенного устройства? Не является ли «справедливость» бессмысленно-абстрактным, ненаучным эпитетом (вроде «любимый», «милый»), неприменимым в подобных вопросах?

В ста строчках ничего нельзя доказать, можно только указать (на) ... То есть опять наиболее правильным ответом будет ссылка на ведущие научные авторитеты. Если уж военные, дипломаты и юристы 350 лет используют работы Гуго Гроция вплоть до прямого их включения в тексты международных конвенций вроде Женевской, то следует кратко сказать следующее. Гуго Гроций в трактате «О праве войны и мира» ввел определения (строгие, насколько возможно в этой сфере) Справедливых и Несправедливых войн. Причем выведены эти

определения на основе разработанного им очень важного понятия «естественного права». Которое, в свою очередь, явилось из весьма обоснованного и плодотворного гроциевого подразделения права на «естественное» и «внутригосударственное».

«Особенность человеческой природы — контролируемое, разумное стремление к общению, которое и является источником естественного права. Мать естественного права — сами природа человека». Помимо естественного существует право волеустановленное: право народов и государственное право... Далее я приведу только тезисы из Гроция.

1. Критерий оценки справедливости войны — соблюдение естественного права. Тут главная мысль, как мне кажется, — критерий оценки войн, критерий справедливости войны — НЕ право народов, НЕ право государственное (так как воюют различные народы и государства, и Государственное право у каждого свое) ...

2. Существует различие между причинами войн оправдательными (предлогами) и побудительными (собственно причины). Предлоги всегда явны, причины необходимо выявить...

3. ... «чтобы защита была справедливой, она должна быть необходимой».

4. Для справедливых публичных войн Гроций ввел определение «Торжественные войны. (Определение публичной войны — см. Главу 5).

5. Интереснейший частный вариант: Гроций вывел случаи, когда война является *Справедливой с обеих сторон.* (А вот это, возможно, еще пригодится, например, для оценки Первой Чеченской...)

6. Различают войны, возникшие по несправедливой причине, и войны, в которые порок пришел извне и ставшие вследствие этого тоже несправедливыми... (А уж это, по сути — что? Это свидетельство того, что ***природа войны может меняться в ее течении*** — еще один хороший аргу-

мент в мою коллекцию опровержений Клаузевица, его фактически вреднейшего для СССР постулата *о войне как продолжении политики другими средствами...*)

Если пафос первых глав книги выражен в слогане *«Адольф Гитлер как трастовый управляющий ЗАО «Европа»*, и у всех германских подмастерьев аннулируются фальшивые «Справки об участии в движении Сопротивления» (а точнее, поверх на стол кладется *поднятая из архива* Самая Большая Справка, о Самом Большом Движении Сопротивления — немецком), — то нужно довести эти сопоставления до логического конца, и признать: «Да, и в СССР мера участия в войне была различная у различных слоев».

Скажем сразу и прямо: речь пойдет прежде всего об одной интересной прослойке — «политработники» — и о ее (прослойки) дальнейшем расслоении. Как известно, в 1943-м с упразднением института комиссаров партия от непосредственного руководства боевыми действиями была наконец отстранена. (А «подвиги» комиссара Мехлиса в Крыму все же заслуживают отдельного увековечивания, может, памятник когда-нибудь поставят, эдакую аллегорию: «Подлость и тупость, достигающие звезд»). И еще в одном вопросе, «воспитании масс», партия была хоть и не отстранена, но потеснена, разделив эту функцию с восстановленной Церковью. И вот остался этот странный «последыш»... нет, слов «замполит», «политрук», все же не произнесем. «Замполит» роты, батальона — это такой же солдат, только более отважный и ответственный, «поднимающий в атаку и т.д.». «Замполит» полка, дивизии — случалось по-разному. А вот выше — это, как правило, та самая «счастливая» категория, подтверждающая: «устроиться» можно везде. *«Кому — война, кому — мать родна»*. Наверное, это «закон жизни»: ну на любой, самой страшной войне отыщется эдакая «пазуха». В атаку не ходить и за

руководство не отвечать. Подвез корочки партбилетов, проставил третью визу на наградных списках (не забыть вставить и фамилию... олицетворяющую «роль партии»). И можно счастливо спать, наверняка даже и не думая, что тем временем «мир завоевывается для Тебя»... А пока Мехлисы и Брежневы дремлют в политотделах на пачках «Правды», ступеньки расчищаются, «лучшие гибнут».

«В каждой части есть три дуба — замполит, парторг, завклуба!» — эту поговорку маршала Жукова я еще застал. Свидетельствую: в 1975—1977 годах этот афоризм со злым удовольствием повторяла вся армия. Но чем же ответил маршалу Жукову «дубленка» (в одном анекдоте это обыгрывалось: «дуб Лёнька»)?

Оправленный в отставку, маршал Жуков написал книгу. Воспоминания. *Его* правда о войне. Отдал рукопись в издательство. Потекли годы молчания. И вот, намаявшись в ожидании, Георгий Константинович Жуков просит Косыгина помочь: «Уж и не знаю, где моя рукопись, последний раз послал письмо Брежневу. Ни ответа, ни привета». Вот подлинник того письма:

«Уважаемый Леонид Ильич!

Обращаюсь к Вам с просьбой. В 1965 году я закончил разработку своих воспоминаний, над которыми работал несколько лет. Осенью 1965 года рукопись мною передана в издательство АПН.

По имеющимся сведениям, рукопись передана в отдел ЦК КПСС тов. Д.П. Шевлягину. Времени прошло много, а судьба моей рукописи мне не известна.

Очень прошу Вас, Леонид Ильич, дать указание по изданию моей рукописи. Очень хотелось бы издать книгу к 50-летию Советской Армии.

Маршал Советского Союза Жуков.
11 декабря 1967 г.»

Вот и следующее письмо — Брежневу и Косыгину.

«Глубокоуважаемый Леонид Ильич! Алексей Николаевич!

Прошло немало времени с тех пор, как АПН подготовило книгу "Воспоминания и размышления". Учтены все замечания и пожелания рецензентов.

Мне известно, что и отдел ЦК КПСС (тов. Степанов) дал свое весьма положительное заключение на мою рукопись.

Меня крайне огорчает ничем не объяснимая задержка в выходе книги в свет. Ведь это труд моей долголетней жизни.

Очень прошу Вашего вмешательства.

С уважением
Маршал Советского Союза Г. Жуков.
23 февраля 1968 г.»

Косыгин обещал помочь. И, наверное, выполнил бы обещание, но была преграда, неподвластная и ему. Об этом препятствии рассказала Миркина (работник издательства):

«Леонид Ильич Брежнев пожелал, чтобы маршал Жуков упомянул его в своей книге. Но вот беда, за все годы войны они ни разу ни на одном фронте не встречались. Как быть? И тогда был найден «выход». Находясь под Новороссийском, маршал Жуков якобы поехал посоветоваться с полковником Брежневым, но, к сожалению, того на месте не оказалось. (Такой выход придумали и сформулировали в редакции). "Умный поймет", — сказал с горькой усмешкой маршал. Эта нелепая фраза прошла во всех изданиях "Воспоминаний и размышлений" с первого по шестое включительно как и в зарубежных изданиях. Только в седьмом издании она была опущена».

Верстка была подписана в печать 24 декабря 1968 года. Рабочим в типографии рассказали, что маршал болен, и хорошо бы поскорее выпустить книгу. Один из печатников воскликнул:

— Да мы круглые сутки работать будем! Мы с Жуковым воевали против фашистов, готовы работать в три смены хоть бесплатно!

В марте Миркина схватила первый теплый экземпляр, вышедший из машины типографии газеты «Правда», и помчалась на дачу к Жукову. «Георгий Константинович поставил книгу на стол и долго смотрел на нее молча... Почти десять лет трудился над ее созданием маршал. Три года готовая рукопись лежала в "инстанциях". И вот книга родилась. Трудно передать чувство человека, который наконец-то держит в руках свою книгу. Для этого надо быть ее автором. Иногда сравнивают явление книги на свет с рождением ребенка. Похоже. Это тоже детище. Оно рождается в муках и приносит огромную радость, удовлетворение и облегчение».

Книга Жукова была издана в 27 странах (к 1988 году) на 18 языках, миллионные тиражи раскупались очень быстро. Нетрудно представить, какой резонанс в печати вызвала эта книга, какой огромный поток писем хлынул в адрес Жукова. Георгий Константинович точно помолодел. Успех книги прибавил ему здоровья и бодрости. Огромная почта с благодарностями, советами, критикой и пожеланиями побудили маршала к немедленной подготовке второго издания.

Что тут можно добавить? Только то, что приведен мною этот фрагмент не «злопыхательства и очернительства» ради, а будет и еще один поворот сюжета, с привязкой-упоминанием Афганистана и «сухого закона». Но сначала хотя бы немного о... Петре Мироновиче Машерове.

Как сегодня вспоминают, «рядом с больными, немощными и засыпающими на ответственных заседаниях членами Политбюро ЦК КПСС Машеров выглядел непростительно молодым». И когда Брежнев в 1978 году с большим опозданием вручал ему Звезду Героя Социалистического Труда, то при всех грубо оборвал Машерова во время его ответной речи.

И через два года на похороны Петра Мироновича Брежнев прислал в Минск именно секретаря ЦК КПСС Зимянина, прекрасно зная, как тот плохо относился к Машерову.

Сегодня историки объясняют, что Леонида Брежнева насторожил следующий факт. Один влиятельный американский журнал накануне выборов в президенты США провел опрос среди конгрессменов. Вопросы были, в том числе, такие: кто из зарубежных лидеров мог бы стать президентом США, кого видят они на месте Брежнева? И очень у многих в ответах совпадало — Машеров. Только несколько человек в ТАСС знали о результатах этого опроса.

Когда в июле 1980 года машеровская «Чайка» столкнулась с грузовиком, я хорошо помню, как многие тогда повторяли: «подстроили». Но еще большее число людей вдруг тогда осознали (как развивалась интуиция при тогдашней скудости информации!), что со смертью Петра Машерова СССР потерял надежду на приход достойного лидера, миновал еще одну развилку, прошел еще одну точку возможного выбора.

Петр Машеров был подлинным героем Великой Отечественной войны, на самом, может, тяжелом и опасном из ее «фронтов». Историю партизанского движения Белоруссии и Советского Союза просто невозможно написать, не упомянув его имя, но он вычеркивал из текстов, которые приносили ему на визирование, большинство страниц, относящихся к его собственным подвигам, приговаривая: «Обо мне не больше, чем о любом другом Герое Труда».

Белоруссия, в отличие от ее сегодняшних учителей из «Объединенной Европы-2», не только жертвовала своей недвижимостью, подрывая все доступные заводы, мосты и дороги, но и потеряла в той войне каждого четвертого своего человека. 9 сентября 1942 года от рук гестаповцев погибла мать Петра Мироновича — Дарья Петровна.

Известное изречение о том, что «страдание просветляет», — это примерно о том же, о чем говорилось чуть выше:

народная война привносит в жизнь меру справедливости и мудрости, которой причащаются все — *но по мере их участия в* страданиях и борьбе народа. И как частное проявление этого закона: хлебные спекулянты, подделыватели продовольственных карточек, или... *подделыватели маршальских мемуаров* — это не самые главные самые участники войны, а потому и не лучшие носители той справедливости, мудрости, о которых шла речь.

Человеколюбие, гуманизм Машерова — самые подлинные его качества. В личном дневнике его запись совершенно безыскусна: *«Я очень люблю людей. Восхищаюсь людьми. Что самое прекрасное, что самое сильное, что является нашим богатством, нашим достижением — так это наши люди. Души их откликаются на все дела, на все невзгоды»*.

Родные и близкие иногда недоумевали, почему он спрашивал у простых людей, с которыми встречался постоянно: «Чем вам помочь? », но своим таких вопросов не задавал и относится к ним строже, чем ко всем другим. Родная сестра Машерова Ольга Мироновна Пронько признавалась: «Мы боялись у него просить то, что другие просили и получали. Чтобы купить билет на Москву в минском аэропорту, а я очень хотела проведать Петю после операции, мне первый и единственный раз в жизни пришлось воспользоваться тем, что я родная сестра Петра Мироновича».

Пример из сферы музыки, может, кому-то и покажется несерьезным — но только не молодежи 70—80-х годов. То, что они оказались в «империи лжи» — они узнавали не из Солженицына, а из простого сопоставления молодежных песен. «Тут» — ложь и цинизм в совершенно невыносимой концентрации, «там» (на Западе) — да в общем-то неизвестно что... положенное на бодрые аккорды. Но языковой барьер был барьером и от лжи. Единственными пластинками, которые слушались в молодежной среде, звучали на танцах, были англоязычные ансамбли и «Песня-

ры». Подшучивали: «ПеНсняры» — это потому, что вроде любая неанглийская музыка — «пенсионерская». Подшучивали, но слушали (А сейчас, знаю, постаревшие, собирают все «лазерные» переиздания «Песняров», переслушивают под слезы и водку.) Штука была в том, что вот вроде бы «одна шестая» — океан абсолютно равномерного вранья и цинизма, но «есть где-то Белоруссия, там что-то подругому». Приехал уральский парень Мулявин, и «разрешили». А наши «старперы» из Союза композиторов пробили в ЦК постановление: молодежные ансамбли на своих концертах должны перемежать свои песни ИХ песнями. Прилагалась и квоты, отчисление авторских, само собой. Неисполнение ИХ песен влекло запрет на дальнейшие концерты, разгоны, милицию. Уверяю вас, это «постановление ЦК» было самым известным из всех ЦКовских постановлений для очень значительной части нашего населения...

Мне, проводившему журналистское расследование по теме «сухой закон 1985 года», довелось узнать, что, оказывается, «Горбачев был против». А потом и что «Рыжков был против». Далее, что характерно, «и Лигачев был против». И работать тогда мне мешала, все отвлекала какая-то полумысль, полуощущение: «Где же я об этом читал?»... И не сразу, но вспомнил, откуда это ощущение «дежа-вю»... Это ведь я читал о другом расследовании — по афганскому решению. Там точно так же выяснялось, что «КГБ был против», «Минобороны был против», «МИД был очень против», «Леонид Ильич был против», «Генштаб был совсем против», «...наш отдел ЦК был...», «ГРУ было против решительно». И все ветераны соответствующих ведомств приводили вполне конкретные подтверждения, аналитические записки, доклады. (Тучи подозрений сгущались, похоже, над ДОСААФом и над Всесоюзным обществом «Знание» — по ним «телерасследований» с опровержениями вроде бы не было.) Хотя скорее это была не одна телепередача или статья-расследование, а несколько разных,

выполненных в разные годы различными телеведущими, писателями. И это одни выясняли, что «КГБ и Минобороны были против». А другие — что «МИД и Генштаб»... Но по законам фонового восприятия, эти частные телерасследования как-то слились в одно. Одно и впечатление от всех тех лет сползания страны в маразм и небытие. Возможно, один и шанс был у страны: что люди, спасшие страну от самой страшной в мировой истории угрозы, люди, продолжавшие «чувствовать» страну, попробуют вернуть в нее здравый смысл. А *эти,* прохалявившие, проскользнувшие без соприкосновения даже народную войну (Черненко все четыре года «повышал свой партийный уровень» на курсах) — они ведь точно даже и пробовать не будут...

Возможно, и прав Сталин, что мы потеряли какое-то, критическое, возможно, число «лучших», и «это сказалось», но принять правильное решение, например, по Афганистану, смог бы и один *бывший партизан* Машеров, будь он у власти...

Бисмарк, проведший свое государство через три войны, в 1878 году так формулировал философию новосозданной им империи («Второго рейха»): «Мы хотим достигнуть такого положения вещей, при котором никто бы не имел права сказать: Я существую, чтобы нести бремя государственных тягостей, и никто не хочет позаботиться о моей судьбе».

В чем сложности Бисмарка были схожи со сталинскими в 1945 году? То же громадное расширение «зоны ответственности». Второй рейх был раза в два больше Пруссии. Многие немцы, особенно южные, швабы, баварцы, считали себя отнюдь не «объединенными», но захваченными.

Бисмарк, проведший через рейхстаг известные «антисоциалистические законы», отшвырнул марксистов, пытающихся встроиться в идею справедливого государства, НО не саму идею. Бисмаркова идея устройства жизни,

после десятилетия тяжелых войн, базируется не на Марксе. а на некоем духе справедливости, как бы вышедшем из казармы. Потому и характерно, на кого в той программной речи 1878 года ссылался «железный канцлер».

«*Наша* (прусская) *династия всегда стремилась к этой цели. Уже Фридрих Великий характеризовал свою миссию, говоря: я король нищих! Господа, короли прусские никогда не были королями богатых. Фридрих Великий говорил: "Когда я буду королем, я буду настоящим королем нищих!"* »

Именно Фридрих Великий, выстоявший в одиночку против всей Европы в Семилетней войне... Вот это (*я буду настоящим королем нищих!*), наверное, и есть истинный взгляд генерала, понимающего, что офицер — средство, а солдат — цель.

Глава 17
Факты и теории

Так получилось, что 60-летие Победы автор этой книги застал в Германии, в Аугсбурге. В том, 2005 году, меня с Германией связывали и некоторые журналистские темы. В рубрике «Столицы мира» журнала «Моя Москва» вышла статья о Берлине, что-то вроде дорожных наблюдений, плюс «размышления у обочины», «современность и история»... в общем, жанр известный. А статья в журнале «Новая неделя» (в марте 2005 г.) — это было уже гораздо ближе к темам этой книги. И хотя ее заглавие — *«Адольф Гитлер как трастовый управляющий ЗАО «Европа»* — редактор не пропустил, все равно я ему был очень благодарен. Понятно, что имя фюрера, стоящее (в любом контексте), в названии статьи в российском журнале, как-то напрягает. Поменяли. Других купюр, искажений, чего-либо, на что может пожаловаться автор, не было. Более того, образовалась интересная «обратная связь»: редактор держал меня в курсе звонков самых разных лиц и организаций *«по поводу изложенного материала о войне»*. Кстати, даже и альтернативное название той статьи, пошедшее в итоге в печать — *«Кого пригласят на 100-летие победы?»* — нельзя было назвать таким уж бессмысленным, как иногда поясняют, «результатом уступки, следствием давления цензуры, самоцензуры». Если первый вариант — слоган, прямой упрек Европе, пе-

редавшей свой военно-экономический потенциал Гитлеру и тем неизмеримо усложнившей Советскому Союзу задачу своего освобождения, то вариант № 2 — размышление: как наши и европейские оценки одного и того же события, Второй мировой войны, менялись (и как, наверное, будут меняться) от юбилея к юбилею.

Отправной точкой памфлета послужил некий, если вдуматься, парадокс — неприглашение французами России на праздник 40-летия открытия Второго фронта в 1994 году (при Ельцине) и приглашение — на 50-летие (при Путине) ...

Вроде никаких новых фактов, подробностей Войны за это десятилетие историки не открыли, вроде все цифры удельных вкладов союзников, распределения между фронтами германских сил и понесенных потерь давно известны. Что отношения — только результат «голой текущей политики»? Как я тогда писал, «... а при 100 долларах за баррель французы пригласят на «парад своих освободителей» и Кувейт с Объединенными Арабскими Эмиратами?». Или все же к этим метаморфозам причастна и сама Клио, История? Вскрылись все же новые факты? Родились новые теории, новоистолковательные концепции?

Очень запомнился мне, еще из советских времен, такой случай. Один научный сотрудник долго работал в каких-то провинциальных архивах и в результате нашел ранее неизвестное письмо В.И. Ленина. Подлинник. Собственно, это была записка, примерно такого содержания: *«Распоряжение. Товарищу такому-то, отправляющемуся с ответственным поручением в Архангельск — срочно выдать пару валенок и тулуп. Председатель Совета Народных комиссаров. Подпись»*. Все экспертизы подтвердили: все абсолютно верно, написано Лениным. Собственноручно. Статья автора находки (как он работал, «как верил и искал») — запечатлелась весьма приблизительно. Но навсегда запомнились смысл и дух — обрамляющих статей в том же номере журнала и комментариев и «откликов на событие» в других изданиях того периода.

Во-первых. Хорошая, добрая зависть к счастливому автору находки. «Диссертация, считай, в кармане!»

Во-вторых. Пожелания-напутствия и всему сообществу. Вроде: «Надо не отсиживаться, «не протирать штаны» в институтах, а смелее, настойчивей работать в архивах, в провинциях, встречаться с людьми... », «Ведь только так можно открыть что-то действительно новое».

В-третьих. Общая профессиональная радость: «Благодаря нашей работе, работе историков, следующее «Полное собрание сочинений В.И. Ленина» выйдет на 2—3 странички (это найденная записка со всеми полагающимися комментариями и примечаниями) полнее».

И действительно, то не были пустые комплименты «автору серьезного вклада». Ведь в предыдущих изданиях «Полных собраний сочинений...» были если не тома, то уж точно сотни страниц писем-записок, на фоне которых «наша» смотрелась ничуть не бледнее.

Темы будущих диссертаций, выстраиваемых «вокруг находки», проглядывали безо всяких натяжек. Или: «новое — о внимании к кадрам, о заботливости о людях» (Валенки и тулуп), или «новое о ленинском внимании к проблемам Севера» («ответственное поручение» было в Архангельск). Плюс, разумеется, монография с биографией того самого «одетого-обутого» товарища.

Но главное, вся суть была в этом, *добытом честным трудом праве на* «Новое в...».

Может, с тех пор у меня слух так развился, некая особая чувствительность, но только я постоянно улавливаю этот общий тон в любой оценке. Словно спрашивают: «Ну, что нового?», «Открыл что-нибудь или перелопачиваешь старое?»

Что тут ответишь? Относительно новыми, малознакомыми персонажами вы признаете, возможно, только группу историков, привлеченных для критики Клаузевица (в соответствующей главе). А сквозной тезис, слоган «Адольф Гитлер как трастовый управляющий ЗАО «-

Европа»» — он уже отражает реальность, многим известную. Новыми были бы предложенные термины «Большая Война», «Право Большой Войны», но еще потребуется огромная, не сравнимая с проделанной работа, чтобы эти полуинтуитивные определения стали признанными терминами.

Остальное в этой книге базируется на давно известных фактах, словах и делах знакомых, в общем, исторических лиц. Чемберлен, Гитлер, Черчилль, Клаузевиц, Гуго Гроций... Единственно плодотворными здесь будут только попытки составления новых комбинаций фактов. Достигается или нет хотя бы *эмоционально новое* восприятие, прошу судить по нижеследующему этюду.

Колонки цифр и колонны танков

Вот три довольно-таки известных, но изолированно воспринимаемых факта.

Факт 1. Аншлюс Австрии по воспоминаниям очевидцев (и некоторые его материально-технические подробности).

Триумфальное вступление в Вену было мечтой австрийского ефрейтора. В ночь на субботу 12 марта нацистская партия намеревалась устроить факельное шествие в честь героя-победителя...

О причинах этого срыва стало известно не скоро. Германская военная машина, с трудом пройдя через границу, застряла у Линца. Несмотря на отличную погоду и хорошие условия, большая часть танков вышла из строя. Были обнаружены дефекты тяжелой моторизованной артиллерии. Дорога от Линца до Вены оказалась забита остановившимися машинами. Ответственность за затор, который показал, что на данном этапе своего восстановления германская армия находится отнюдь не в полной

готовности, была возложена на фаворита Гитлера, генерала фон Рейхенау. Гитлер сам увидел этот затор, проезжая на машине через Линц, и пришел в бешенство. Легкие танки беспорядочно вошли в Вену в воскресенье. Бронемашины и тяжелые моторизованные орудия были погружены на железнодорожные платформы и только потому успели к церемонии. Фюрер был разъярен явными недостатками своей военной машины и обрушился на своих генералов, но те не остались в долгу. Они напомнили о его нежелании прислушаться к Фричу, принять к сведению предупреждение, что Германия не готова к большому конфликту...

Факт 2. Соотношение сил в 1938 году *(Чехословакия — 469 танков, 2 млн чел, Германия — 720 танков, 2,2 млн чел.)* в сопоставлении с картиной аншлюса Австрии — с вышеприведенной картиной россыпи немецкого *металлолома* на дороге Линц-Вена. Видно, эти факты лежат на разных исторических полочках: *это называется «аншлюс Австрии». А то совсем другое — оно у нас в Истории проходит по графе «Судеты», «гитлеровская угроза», «Мюнхен».*

Но между этими «делами на разных полочках» — дистанция 2—3 недели! И сегодня, вспоминая это мюнхенское шараханье, обязательно надо помнить, что немецкие танки, подсчитываемые англо-франко-чешскими генштабистами, — это те самые... *изделия,* которые, оказывается, надо было перевозить по железной дороге. Движение своим ходом *по шоссе* — недоступный для них маневр. А по пересеченной местности? А по Судетским (Исполиновым) горам? А по укрепленным рубежам на этих горах?.. Но даже и тот факт, что Судеты были превращены в самое мощное укрепление Европы — его, конечно, упоминают, но в специальных трудах. Как-то забывается, что Судеты — это не только место проживания соответствующих немцев, но и собственно горы, и что сочетание горного рельефа и фортификации дает

эффект, несравнимый со всякими там «информационно раскрученными» линиями Мажино, Зигфрида...

Итак, о немецких танках 1938 года мы упомянули. А что же противоположная статистическая колонка цифр — чешские танки? А это —

Факт 3. Тут надо лезть на совсем другую полочку, чтобы узнать о европейском лидерстве Чехословакии по экспорту военной техники в 1938 году. Тот же Черчилль все повторяет: *«Заводы «Шкода»! Заводы «Шкода»! Мощнее всех британских!»* А ведь кроме «Шкоды» были еще заводы — «ЧКД-Прага», чей танк TNHP-S в тридцатые годы успешно экспортировался в Иран, Швецию, Швейцарию, Румынию.

И я, как человек, которому довелось лет восемь поработать во Внешторге, могу свидетельствовать: этим странам (Швеции, Швейцарии, например) «впарить», продать что-нибудь похожее на тогдашнее немецкое барахло просто невозможно. Свои, местные промышленники проведут такую «пиар-кампанию», что только держись... Вот, например, в 1938 году голландское правительство решило купить британский легкий бронеавтомобиль Humber (или лицензию на его производство). Об этих намерениях узнали промышленники Ван Доорне, у которых на тот момент аналога не было и в проекте... Подключились, подключили общественность, инстанции... В итоге бронеавтомобиль был спроектирован, а затем и начал производиться на их, доорневской, фирме DAF. И уж поскольку мы взяли этот пример, нужно проследить его путь до конца. (Тем более «концы» тогдашней европейской военной техники так симптоматично похожи.) Бронеавтомобиль М-39 DAF оказался прекрасной машиной, но, на наше счастье, его успели произвести только 25 штук. Почему «на наше счастье»? Да все потому же! На силу голландского военного сопротивления не повлияло бы наличие у них даже и... 2500 танков, а так... К счастью, были изготовлены только

25 танков, они достались немцам (целехонькими, разумеется) и были подбиты, как указано на одном отчете с фотографиями, где-то уже под Ленинградом...

А немецкая «бронированная мощь» 1938 года — это очередная историческая аберрация. Все эти ужасные «тигры», «пантеры», «фердинанды» — все это появилось только на русских полях. А вас, господа, фюрер, получается, испугал грохотом своих разваливающихся самоделок.

Если после этого этюда ваша оценка «Мюнхена» («Мюнхена», удержавшего Гитлера у власти и давшего ему другие танки, под которые другим людям пришлось бросаться с гранатами), если хотя бы ваше эмоциональное восприятие того сговора хоть чуточку изменилось, — значит, «метод» работает.

Для чего это собирательство «нитей» в книге о войне? Вот именно, о войне... Когда пересмотришь все эти «нити», а точнее, добротную ткань, вырабатывавшуюся столетиями... Тогда, в общем, взгляд на эту войну делается еще трагичней. Вспомнишь не только ту Книгу Русских Георгиевских кавалеров (там более трети Карл-Иванычи да Петр-Фридриховичи), но и Великую Екатерину Цвайтише (Вторую). А еще и гессенскую принцессу Эллу, красивейшую невесту Европы, отказавшую сватавшемуся будущему кайзеру Вильгельму, вышедшую за великого князя Сергея Александровича, овдовевшую после каляевского взрыва, основавшую Марфо-Мариинскую обитель и избравшую судьбу русской великомученицы и святой. Вспомнишь, и тогда вопрос «Почему?» (о войне) — загорается, словно библейская надпись на стене.

И пресловутая тема «сравнения уровней жизни в стране-Победителе и стране-Побежденной» делается, на фоне этого вопроса, уже совсем ничтожной...

Но уж если коснуться и этого несчастного штампа (по линии «сравнения уровней жизни...», или с элементами оного — у нас проходили почти все заподно-германские

репортажи), то можно сказать... Да что уровни?! Выравниваются уровни... В Германии лет пять как экономический кризис, у нас — наоборот. Разрыв, если речь о «выражаемом в цифрах», объективно сокращается...

Но вот те наши журналисты, что тридцать лет «душились» вырваться «в загранку в ФРГ», писать драматические «очерки о безработных»... и те люди, которые в перестройку придумали те самые анекдоты о нащем ветеране («не надо было побеждать — пил бы сейчас баварское пиво») — это всё одинаково симпатичные люди...

Более того. Я думаю, что это и в действительности, физически — одни и те же люди. Такая вот страшная догадка.

Глава 18

Проблемы PR-отдела корпорации "Российская Федерация"

Нет, конечно, автор не претендует на всеобщий анализ — из моря наших нынешних пропагандистских проблем вытянем только имеющие отношение ко Второй мировой войне и ее геополитическим последствиям. Впрочем, тут же и убедимся, сколько еще остросовременных политических вопросов потянется вослед.

Как пример необходимости работы с PR-фактором, в 9-й главе я привожу следующий парадокс.

Несчетное количество раз описано, как после разгрома Германией Польши 17 сентября *«... советские войска перешли через незащищенную восточную (польскую) границу»*. Замечаете, как трогательно звучит: *«незащищенную»* на романтическом или бытовом уровне?! Как бы дополнительное осуждение *преступившего незащищенную границу*. Демагоги, историки уровня журнала «Огонек» в своих «исторических критических» изысканиях повторили это тысячи раз. «Фиксировали» — вот нами найден еще один пунктик обвинения: «... незащищенную!» В мире же реальной политики ровно наоборот! *Незащищенную* — означает, что польских войск на нее оттянуто не было. Значит, СССР фактически не повлиял на ход (и исход) двухнедельной польско-германской войны!

Значит, вот и работа для «PR-отдела корпорации «Российская Федерация»» — обеспечить максимально широкое распространение соответствующего *«Пресс-релиза по поводу пакта Молотова — Риббентропа»*. Где и разъяснить тогдашние суровые реалии, а где и указать место: *Выбывшие из войны не могут диктовать правила войны.*

Теперь следующий пример важного направления «PR-отдела нашей корпорации». Итак, дано:

Огромные усилия европейской и американской пропаганды, от последней газетенки до Голливуда и огромного ряда книг, были направлены на утверждение в общественном сознании постулатов: *«Гитлер — мистик, сатанист, оккультист. НСДАП — богоборческая, антихристианская партия. Третий рейх — вообще мистический орден. Аненербе, Тибет, Туле, Шамбала и т.д.»*.

Требуется показать, что абсолютизация этих постулатов может принести реальный вред стране победившей Третий рейх, России.

Тут для начала потребуется дальнее историческое отступление.

В Европе рубежа XVII—XVIII веков после всех побед великой научной революции значительная часть французской элиты вдруг начала склоняться к мысли, что «Людовик Четырнадцатый — все же некоторым образом Бог». После Паскаля и Декарта, во времена Ньютона и Лейбница, французские аристократы, традиционно дружившие и покровительствовавшие ученым, вдруг захотели уподобиться древнеегипетским крестьянам, молившимся своим фараонам (ближайший исторический аналог).

Так вот, Историки со знанием психологии нашли истоки этого безусловного феномена в... побежденной, сломленной Фронде.

Дух, образ мысли французского аристократа формировался в сословной монархии и был кровно связан с целой

вселенной различных привилегий, «феодально-рыцарских привычек». «Фрондировали» они, собственно, за их, «привычек», сохранение. И полное поражение, «слом через колено» всерьез грозило сословной чести, морали и даже психическому здоровью аристократа. Вот и сконденсировалась потихоньку такая мысль: *«Так унижаться перед Людовиком можно, не позорно, потому что это... того-с... некоторым образом — Бог-с».*

А что было делать двумстам пятидесяти миллионам европейцев? (Человеческий потенциал Третьего рейха. Гитлер особенно любил и очень часто повторял это, в общем-то, *правильно подсчитанное, число своих подданных.*) Что делать 250 миллионам добропорядочных христиан, освобожденных Красной армией, Советским Союзом? Да еще когда вызрел целый набор экономических претензий к бывшему освободителю?

Правильно, ключ к самореабилитации — максимальное (пре) умножение силы фашизма еще и на демонический сомножитель. Это позволяет:

1. Снизить меру ответственности за капитуляцию и за пяти- (а у кого и шести-) летнее обслуживание гитлеровской машины: «Гитлер? — Силен был он, дьявол! Не совладали».

2. Получить «чистый лист», карт-бланш для современных политических маневров. Ярчайший пример — нападение в 1999 году на Югославию. Осуществившая его Объединенная Европа-2 географически, этнически, физически повторяла Объединенную Европу-1, разве что столица переехала из Берлина в Брюссель. И даже забота об интересах меньшинства (косовских албанцах) — удивительно напоминала трогательную заботу Адольфа о судетских немцах.

И руководствуясь сегодня Пунктом 2, европейские политики на возможное сербское обвинение в адрес Объединенной Европы-2 ответили бы примерно так:

«А тот раз, в 1941-м, нападали не мы. Не Европа. То есть в физиологическом смысле, то были, конечно, да — наши отцы и деды. Но тогда-то во главе был сам Сатана. Вельзевул,

Асмодей... и Люцифер. С него и весь спрос. А сейчас наши бомбежки и попрание вашего югославского государственного суверенитета базируются на совсем-совсем других идеалах. На прямо-таки идеальных идеалах».

Потому и все, все малейшие факты подобия, преемственности Европы-1941 и Европы-2006 (7,8) должны постоянно высвечиваться этим гипотетическим PR-отделом корпорации «РФ», становиться таким же предметом дискуссий, книг, статей, фильмов, как «права человека», «права меньшинств», «демократические ценности» и другие подобные темы, где нас обыгрывают, традиционно и виртуозно. Недавний (к моменту написания этой книги) пример: Россия пыталась поднять цену на газ Украине (с четверти мировой рыночной цены до половины) и стала «энергетическим шантажистом», «душителем оранжевой демократической революции».

А ведь пример государственного управления PR-компанией подал в свое время и наш Верховный главнокомандующий. В 1941—1944 годы, когда европейски подкрепленные немцы жгли и убивали на территории Советского Союза, известными лозунгами нашей пропаганды были: «Убей немца! », «Смерть фашистским оккупантам!» А в 1945 году, аккурат накануне первой встречи наших войск с гражданским населением Германии, И.В. Сталин выступил со специальной, знаменитой статьей. «Товарищ Эренбург ошибается. *Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается»*. Фашисты для нас, собственно, уже и перестали быть «оккупантами» («оккупировать» переводится — «занимать»), и тогда нам нужно было освобождать Европу от... ее Первого Объединителя...

Вот и в 1999 году тех же французов, вторгшихся в составе войск НАТО, должен был в Белграде ждать лозунг-напоминание о том, как напавшие на Югославию в 1941 году немцы были буквально *откормлены* сдавшейся за год до

этого Францией. Напоминание о тех самых ежегодных французских репарационных поставках: *750 000 тонн пшеницы, 140 000 тонн мяса, 650 млн литров молока, 220 млн литров вина.* Это не считая гор военной и прочей техники, плюс отправки каждый месяц 50 000 человек французских рабочих для высвобождения немцев, идущих в вермахт. Это не считая тысяч предприятий, задействованных в программу Шпеера (см. Главы 9—10).

Ведь и фашистские танкостроители (чехи) и фашистские кормильцы (французы, голландцы, бельгийцы, датчане) должны, до сих пор должны не только России, но еще и Сербии, продолжавшей четыре года войну с Гитлером.

О шкале Сопротивлений

Еще пример совершенно необходимой PR-маневренности. Если в войну в наших газетах и упоминался факт «героического французского движения Сопротивления — забастовки французских шахтеров», то сегодня пора сказать, что забастовка — действенное средство только на фоне продуктивной работы. Даже молодежь, иммигранты и граждане Франции, жгущие автомашины, просто не могли грозить забастовкой, потому что были интегрированы в хозяйственный механизм куда слабее, чем европейцы 1940-х годов в гитлеровский.

Мы должны напоминать, что по «шкале Сопротивления», поджоги машин и уличные беспорядки — это много-много выше, чем забастовка...

Давайте сопроводим наши доводы хорошими кадрами. Иллюстрация: какие-нибудь профсоюзные боссы в переговорной комнате, за одним столом с хозяевами (без подписи и не поймешь, кто там кто), чашечки кофе, разложенные бумаги, вежливые улыбки...

Вот это и есть примерный ответ европарламентариям, покрывающим эсэсовские парады в Риге и требую-

щим гей-парадов в Москве, а в отсутствие оных, сиречь «в отсутствие демократии в Москве», оспаривающим право России даже на ее энергоресурсы.

Так что же с сатанизмом Гитлера? Или автор призывает во имя текущей пропагандистской полезности забыть о сути вопроса?

Вообще говоря, литературы о «мистическом, сатанистском рейхе» — море-океан. Единственное отличие: Океан, Уровень Океана — стабилен, принят даже как известная точка отсчета. Литература же о «Туле-Шамбальских нацистах» прирастает практически еженедельно. «Тайны рейха, СС, Гиммлера-Бормана» — товар? «Оккультизм, мистика, спириты, маги» — товар?

Значит... «Маги в СС, Мистика Третьего рейха» будут — супертовар!

Для всей этой попсы давним, завидным ориентиром, примером попадания в бестселлеры послужила, конечно, вышедшая в 1960 году книга Луи Повеля и Жака Бержье — «Утро магов». С их, Повеля-Бержье, легкой руки даже и ученый геополитик Карл Хаусхофер, действительно оказавший влияние на Гитлера времен его заключения в крепости Ландсберг, назначается в маги (и оказанное влияние становится, соответственно, магическим), что-то вроде... «волшебника из страны Оз». Они же, Повель-Бержье, дали и формулу, определение-объяснение силы Гитлера: *«Рене Генон плюс танковые дивизии»*. Ну, Рене Генон — «авторитетный маг», брэнд в оккультном мире, и сам лозунг, в общем, вышел доходчивый и хлесткий, как рекламный слоган, что-то вроде... «Просто добавь воды! »

Итак, Жила была вскрыта. А дальше счастливо и... похоже, очень неслучайно соединились финансовая привлекательность подобной писанины и некий закадровый политический заказ: вывести Адольфа, Гиммлера, Розенберга и прочих за скобки европейской политики, *позиционировать* их как «магов-недоучек» (помните, была такая песенка).

В качестве навигатора в этом «магическом» океане привлечем Дмитрия Жукова, автора прекрасного исследования «Оккультизм в Третьем Рейхе». Хотя, честно говоря, работа ему предстояла некоторым образом... ассенизаторская. Каково перечитывать десятки графоманов, списывающих друг у друга по кругу: *тамплиеры — Грааль — катары — загадка пирамид — Лох-Несс — Шамбала — Туле — ...* (далее со всеми остановками).

Что ж, воспользуемся результатами работы Жукова.

В «Утре магов», оказывается, пишется еще и следующее: *«23 февраля 1957 года, в Богемии, водолаз искал тело студента, утонувшего в Чертовом озере. Он (водолаз) выплыл на поверхность с бледным от ужаса лицом, не в состоянии вымолвить ни слова. Когда к нему вернулся дар речи, он сообщил, что видел под холодными тяжелыми водами озера призрачную шеренгу немецких солдат в форме, обоз запряженных телег».* Как сказали бы в молодежной среде: «О! Подводные зомби — это круто! »

А далее подсуетился Д.Х. Бреннан, книга «*Черная магия Адольфа Гитлера*».

Названия глав: «Черный посвященный», «Корни зла», «Зловещий символ», «Жертвоприношение сатане».

«...Гитлер решился на договор. Он решил просить о помощи Сатану, просить чуда такой мощи, которое могло бы переменить внешние физические условия... Мы изучили его (Гитлера) карьеру — это карьера мага. Короче, то, как Гитлер думал и поступал — именно так живут, думают и поступают сатанисты... Ведьмы производили специальные действия, чтоб воспрепятствовать высадке Гитлера после падения Франции...»

Гудрик-Кларк, «Оккультные корни нацизма». Жан Робен, книга «Гитлер — избранник Дракона». Здесь как раз Хаусхофер и назначается магом, учителем. Так сказать, «главмагом».

Основания? По заданию еще баварского генштаба Хаусхофер ездил в Японию, а Тибет-то — там рядом! Наверняка и заезжал!.. Ну а побывавший в Тибете — маг без вариантов!..

Далее — Тревор Равенскрофт, книга «Копье судьбы». (Копье римского воина Лонгина, это из того же номенклатурного ряда, что и чаша Грааля.) Здесь Гитлер подверстывается в ряды известных: Алистера Кроули (сатаниста). Рудольфа Штайнера и... Елены Блаватской.

Да-да, и наша соотечественница (кстати, двоюродная тетка графа Витте), Елена Блаватская, основательница теософии — яркий, перворазрядный брэнд на оккультном рынке. Чаще других в XIX веке употребляла в книгах и письмах знак свастики. Считается, что именно она, «ее свастика», повлияли на Адольфа при выборе «лэйбла» для «своей фирмы».

Еще раз повторю: упоминание отдельных книг — это из *«эпохи первоначального накопления магического капитала»*. Когда имена авторов еще были различимы. Далее последовал настоящий Вал, сотни книг и брошюр, голоса стали неразличимы, и... *маг-Гитлер* стал фактом общественного сознания.

И вот уже Юрий Воробьевский выпускает «Аненербе — оккультный меч Рейха».

Н. Непомнящий — «Тайны оккультного Рейха». С. Зубков — «Оккультная магия Третьего Рейха». А некий Антон Первушин — «Оккультные тайны НКВД и СС». Вот хороший пример книги, где все ясно уже из заглавия. Все та же историческо-мистическая попса. Однако Дмитрий Жуков (профессиональный долг!) погружается в эту истмист Донцову, где и: *« тайны рода Меровингов, тамплиеры и доминиканцы, тайный дар какого-то Одоакра, ну и известный сатанист Алистер Кроули, вся связь которого с фашизмом заключалась в том, что его в 1923 году вышвырнули из Италии по приказу Муссолини».*

Я бы все же выделил из общего коммерческого потока вот это, первушинское — «Оккультные тайны НКВД и СС». Пример характерный. Дескать, — магия, *«...границы реального, материального мира так зыбки, условны...»*, и вот уже НКВД попадает в одну нишу, в один «сегмент» с СС. А там, глядишь, появится и... «Магия Красной армии и вермахта»...

Вот вам и хорошая тема гипотетической (пока) пресс-конференции. Пункты повестки:

1. Кому сегодня выгодно позиционирование Гитлера эдаким Гарри Поттером (только взбесившимся и впавшим в «отрицаловку»)?

2. О первоисточниках, используемых для этого позиционирования.

Вроде бы на бытовом уровне: навешивание на врага дополнительных отрицательных характеристик, это как бы некий... вклад в «пропагандистскую борьбу с общим врагом».

Посыл этот не совсем верный. И даже совсем неверный, если применяется без учета исторической фазы, периода применения. В «Боевом листке», перед атакой? Или в период спокойных дискуссий, когда одно заведомо ложное обвинение может подорвать доверие к десяти настоящим обвинениям?

Но тут лучше начать с Пункта 2. О первоисточниках.

Понятно, что сегодня про «Оккультные тайны НКВД и СС» гонят на продажу люди, в жизни своей не переступавшие и порога архивов, в принципе даже и не знающие, где в их странах эти архивы и расположены. Книги множатся клеточным делением, как бактерии в протухшем бульоне, но... вопрос первоисточника для серьезного исследователя остается актуальным.

Продолжим, опираясь на работу Дмитрия Жукова, обнаружевшего первоисточник оккультной попсы.

«Мобилизация» Германа Раушнинга — яркий пример действия законов пропагандистской войны. Итак. Родился Герман Раушнинг в 1887 году в Торне. Авантюрист по натуре. Военная карьера практически сорвалась: к 1918 году всего лишь лейтенант. После войны поселился в Данциге, возглавив Германское культурное общество. В 1932 примкнул к нацистам, на короткое время стал председателем Данцигского сената, в качестве которого 4 (четыре) раза имел аудиенцию у Гитлера. Поссорился с гауляйтером Форстером, исключен из СС, НСДАП, эмигрировал в Швейцарию.

Летом 1939 года, остро нуждаясь в деньгах, Раушнинг принял предложение антифашистского активиста Имре Ревеса написать в рекордный срок, под видом мемуаров, пропагандистскую книгу, разоблачающую нацизм. Еврейский литератор Ревес в то время возглавлял антигерманскую пропаганду в мировой печати, в контакте с Черчиллем и партией войны в Лондоне. Обладая почти неограниченными средствами, Ревес предоставил в помощь Раушнингу большой штат своих сотрудников, переводчиков. В результате почти мгновенно (по книгоиздательским меркам) вышла книга «Гитлер сказал мне. Доверительные сообщения фюрера о его планах завоевания всего мира» (1939).

Книга была тут же издана в 20 странах огромными тиражами. В ней впервые было упомянуто о наличии у нацистов некоего «тайного учения, разрабатываемого в определенных кругах весьма малочисленной элиты». К каковой (элите) необходимо был приписан и сам Раушнинг. А 4 (четыре) его аудиенции у фюрера, соответственно, были превращены в *«сотни откровенных бесед»*.

Дальнейшая «дискография» Раушнинга: «Революция нигилизма» (1939), «Голос разрушения» (1940), «Зверь из бездны» (1940), «Время исступления» (1946).

Глава 4 первого его «хита» 1939 года называлась «Антихристианин» — она и стала тем самым источником тысяч «исследовательских» книг и брошюр, кормящим и по сегодня первушиных и воробьевских.

Глава «Черная и белая магия»: *«Гитлер отдался силам, которые влекут его за собой... Он уже давно предался власти колдовства, которое не без оснований и вовсе не в переносном смысле можно назвать — демонической магией»*.

Фюрер и масоны: *«Они образуют нечто вроде элиты священнослужителей... отгораживаются от людей с помощью символов и обрядов. Иерархическое строение и воспитание символами, помимо разума, путем оплодотворения фантазии, магического воздействия... — и это я перенимаю у них»*.

Он же и коммунисты: *«Между нами и большевиками больше сходства, чем различий. Прежде всего — истинный революционный настрой, свободный от происков всякой пархатой социал-демократии...»*

Мне все это (Раушнинг у Ревеса) немного напоминает сцену из «Мертвых душ», где одуревшие от скуки губернские чиновники допрашивают «свидетеля Ноздрева»:

« — А что, может Чичиков и... Наполеон?!

— Наполеон. Наполеон. Без всякого сомнения — Наполеон!»

Даже и через много лет, в известном фильме Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм» воспроизводятся, оказывается, фразы Раушнинга:

«Я, — говорил Гитлер, — освобождаю людей от отягощающих ограничений разума, грязных и унижающих самоотравлений химерами, именуемыми совестью и нравственностью».

Впрочем, есть одно важное отличие открытий Раушнинга от ноздревских: в то время шла война. И Ревес выполнял (и, можно сказать, блестяще выполнил) свой долг публициста.

Но, наверное, даже и самые талантливые публицисты нуждаются в государственном перенацеливании их азарта и усилий (чуть не оговорился — «лая»). Так и Сталин в 1945 году «поправил» Эренбурга, а вот Михаила Ромма в 1960-х поправить уже было практически некому. И уж тем более никто не поправит «публицистов» начала 2000-х, которые возят обывателя по маршруту «Рейхсканцелярия — Туле — Шамбала».

Что может быть серьезнее Второй мировой войны, Мюнхена, Ялты? А вот, пожалуйста (место расчищено), — права меньшинств, страсбургские европосиделки, хельсинкские группы...

С точки зрения законов СМИ и пиара — это все темы-конкуренты.

И сегодня такая, например, логическая цепочка:

— *В Москве запрещен гей-парад?*

— *В России нет демократии!*

— *Значит, Россия не имеет права продавать свои ресурсы по мировым ценам! (А попытки приблизиться к мировым ценам — «энергетический шантаж»!)*

— это уже вполне успешно внедрено в общественное сознание.

А другая логическая цепочка (главная в этой книге) — о:*сохраняющейся ответственности Объединенной Европы-2 (Брюссельской) — за деяния Объединенной Европы-1 (Берлинской) во время Второй мировой войны* — она-то как раз и заслоняется первой (условно назовем ее: гламурно-политкорректной) в борьбе за печатные площади, за эфирные минуты.

И всякий, пытающийся обратить общественное внимание к теме реальной, геополитической ответственности Европы, наткнется на то самое, на «попсовое» восприятие Войны.

Какая война? Это где спасали «Рядового Райана», и Шиндлер катался по лагерям со своим «Списком»? Но эти фильмы — еще куда ни шло. Там все же проступает правда о Большой Войне. А вот превращение Второй мировой в состязание магов, столовращателей, это и есть Большой Подрыв.

Даже пропагандистская утка с приравниванием битвы у Эль-Аламейна к Сталинградской, и то, как выражаются, «доступна обработке». С помощью цифр и четырех арифметических действий над ними можно восстановить истину. Но гораздо труднее будет бороться с этим глобальным рассеиванием исторического внимания, Памяти, вымыванием самой идеи Войны. «Магия», «оккультные услуги» — это ведь привычная страничка во всех нынешних рекламных газетах. Прочное занесение туда фюрера, НСДАП, СС — это и было бы наиболее отрицательным исходом, полным проигрышем PR-кампании.

Если директор банка сошел с ума, подался в клоуны, сбежал в Бразилию — кто из клиентов пострадает больше? Наверное, пропорционально вкладам.

И если Гитлер вдруг окажется Гарри Поттером — чья История пострадает сильнее: Дании, с ее полуторачасовым полувоенным сопротивлением в 1940 году, или...

Свастика — Кресту

Следующая важная тема — «Фашизм и религия». И тут перехлесты так же вредны. «Покажем Гитлера, если не получилось сатанистом, то тогда уж самим Сатаной! Врагом христианства». А Гитлер-то был политиком, европейским политиком. Как говорится, «не за то волка бьют, что сер». Фюрера скорее можно обвинить в религиозном равнодушии, в сугубо утилитарном отношении к религии. Надо укрепить верность ближайших сотрудников? И Гитлер соглашается быть крестным отцом их детей.

Поднять рождаемость в рейхе? И Гитлер объявляет: «Я лично буду крестным отцом десятого ребенка у каждой германской матери!» — И был неизменным прилежным участником таинства крещения. Или, допустим, надо попытаться расколоть население Советского Союза — и на оккупированных территориях было открыто: в областях РСФСР — 2150 храмов, в Белоруссии — 600 храмов, на Украине — 5400.

Политик Гитлер более всего опасался нарушения единства немецкой нации. Угрозу разобщения по имущественному, социальному признаку он преодолевал активнейшими политическими мерами (удар по коммунистам, ликвидация безработицы, система ограничений для крупного капитала — эти его меры, конечно, тема отдельных книг, достаточно констатировать, что некоторые из его социальных решений, идей до сих пор в обращении). А вот угрозу религиозных внутригерманских конфликтов Гитлер пытался устранить в самом зародыше, предельно сдержанной, осторожной, «равноудаленной» политикой.

В «Майн Кампф» он пишет, что инициаторы религиозных распрей — *«гораздо хўдшие враги народа, даже чем интернационально настроенные коммунисты... Пусть каждый останется при своей вере, но пусть каждый считает своей первейшей обязанностью бороться против тех, кто подрывает веру другого. Только при взаимной уступчивости, только при одинаковой терпимости можно исправить нынешнее положение вещей и добиться того, чтоб в будущем нация действительно стала единой и великой».*

Это пока что намерения, личные убеждения Гитлера. Прежде чем перейти к его реальной политике после 1933 года, коротко упомянем о религиозных идеях его окружения.

Геббельс — родился в католической семье, мечтал о священстве. И в своем автобиографическом романе «Михаэль», и в дневнике повторял: *«Наша борьба — это в самом глубоком смысле борьба между учением Христа и Маркса».*

Розенберг. Его книга «Миф XX века» удостоилась и развернутой рецензии от нашего Сергия Булгакова, отметившего ее «... литературный блеск и остроту». Розенберг отбрасывает Ветхий Завет и апостола Павла.

Можно упомянуть и о довольно скучных препирательствах, обвинявших Розенберга в «неоязычестве», «вотанизме» и оправданий того, что-де «описывал вотанизм уже как мертвую религию». Главный его, розенбергов, политический пункт: *«Национал-социалистическое движение не нуждается в религиозной догматике ни в защиту вероисповедания, ни в борьбе с ним... мое мировоззренческое признание рассматривается только как мое личное...»*

Эти выдержки могут напомнить одно известное и, по-моему, отчасти насмешливое религиозное высказывание всегерманского кумира, военного гения, короля Фридриха Великого: «В моем королевстве каждый спасается как хочет!» (Имелось в виду «спасение души», принадлежность к какой-либо религии.)

Гиммлер. Тоже из католической семьи, плюс его отец был воспитателем наследного принца Баварии Генриха. (Принц Генрих, кстати, был и крестным отцом будущего рейхсфюрера СС.) Текст эсэсовской присяги закачивался «... И да поможет мне Бог». Профессорский состав офицерских школ СС он инструктировал: *«Я категорически запрещаю вам проявлять не только бестактность, но даже невнимание к представителям всех без исключения конфессий... Если я требую от эсэсовцев, чтобы они были верующими людьми... то я требую этого вполне осмысленно и твердо. Людей, которые не признают высшего существа или предопределения, — я в своем окружении не потерплю. Абсолютно недопустимы какие-либо нападки на Христа как личность».*

Этой личности — Христу — они, нацисты, охотно «выдавали» и наиболее ценный в рейхе документ — «Справку о нееврейском происхождении», «Свидетельство об арийскости»...

Более-менее убежденным борцом с христианскими конфессиями можно считать разве что Бормана. В анкете депутата бундестага 1933 года он назвался протестантом, но уже в 1936-м официально объявил о выходе, совместно с женой, из списка прихожан. Глубинные причины этой перемены историкам пока неизвестны — кроме, конечно, вышеперечисленных коммерческих оккультописцев (там-то все ясно: летающая тарелка — Тибет — обращение — кровавая клятва перешаманить христиан...). Набор же конкретных бормановских деяний порождает странное ощущение: «А о чем вообще идет речь? » Все сплошь какие-то рассылаемые рекомендации. И это при том, что у рейхсляйтера Бормана среди его прямых подчиненных, гауляйтеров, как минимум четверо были ревностными католиками. Были и протестанты. Гауляйтер Швабии Карл Вайль открыто заявлял, что «бросает депеши Бормана в камин не читая». Гауляйтер Силезии Йозеф Вагнер относился к Борману много хуже и отказался «проводить на территории своего гау какие-либо антихристианс-

кие акции». Гауляйтер Южного Ганновера-Брауншвейга Бернгард Руст «послал» Бормана, правда, предварительно заручившись поддержкой Геринга — Геббельса. Но о каких же все-таки «антихристианских акциях» Бормана шла речь? То, что тогда сорвал Руст, — то было... «предложение закрыть факультеты теологии в университетах Германии». А 9 июня 1941 года Борман разослал, как пишут историки, «печально знаменитый циркуляр». В документе заявлялось *«о несовместимости нацизма и религии, о том, что идеология партии зиждется на научной основе, о необходимости преодолеть «религиозный партикуляризм»*.

Последовали многочисленные обращения к Гитлеру с протестами. Фюрер возмутился и приказал изъять циркуляр. Борман пошел на попятную, заявив, что автором текста был не он, а помощник, который уже понес наказание — отправлен на фронт. В общем, ну никак недотягивает рейхсляйтер Борман до своего железного кинообраза в исполнении Юрия Визбора... И, наконец, вершина «бормановских гонений» — интрига против гауляйтера Йозефа Вагнера, не выдавшего свою дочь Герду за эсэсовца Карла Вейля за то, что тот вышел из церкви. И Борман все же подстроил так, что Гитлер грубо выгнал Вагнера со съезда партийных руководителей. Но другие участники съезда с презрением прокомментировали, что это Борман *«прожужжал уши фюреру... да еще в тяжелейший период войны... и у фюрера просто не выдержали нервы»*. Потом Борман добился и отдачи Вагнера под Высший партийный суд НСДАП, который... полностью встал на сторону третируемого католика Вагнера. Так же тщетны были попытки Бормана упразднить службу капелланов в вермахте.

Крест — Свастике

23 марта 1933 года Гитлер назвал христианские церкви «важным элементом сохранения души немецкого народа». В апреле на тайном заседании консистории папа

римский Пий XI одобрил борьбу Гитлера против большевизма. В июне совместное пастырское послание всех германских епископов призвало к сотрудничеству с новым режимом.

20 июня 1933 года был подписан германский конкордат с Ватиканом. Подписавший его со стороны Германии вице-канцлер фон Папен вспоминает слова Муссолини: *«Этот конкордат впервые укрепит доверие к вашему правительству за границей».*

И далее фон Папен: *«Гитлер заявил своим радикальным коллегам, что его планы* перестройки *могут быть выполнены только в атмосфере религиозной терпимости...»*

Кардинал Римско-католической церкви в рейхе Михаэль фон Фаульхабер доложил папе о... *перестройке* в Германии и привез оттуда одобрение и поддержку. Фон Фаульхабер: *«Германия протянула руку папству, величайшей нравственной силе в мировой истории... это поистине великий и благой жест, поднимающий на новую ступень авторитет Германии на Западе, на Востоке, во всем мире. Мы искренне, от всего сердца желаем: да хранит Господь нашего рейсхканцлера, ибо он нужен нашему народу».*

Его же рождественская проповедь 1933 года: *«Церковная точка зрения не содержит в себе никаких противоречий расовым исследованиям и расовой культуре. Нет и противоречий стремлениям сохранить национальные особенности народа, поддержать его чистоту и подлинность, благоприятствовать возрождению национального духа на основе кровных связей».*

Когда в 1936 году швейцарские руководители призвали свою паству молиться о смерти Гитлера, кардинал фон Фаульхабер обвинил их в отходе от христианства и обратился: *«Католики, мы сейчас все вместе помолимся за жизнь фюрера».*

Ну и еще одна общеизвестная страница сотрудничества — спасение, бегство сотен нацистов с помощью церковных каналов, связей, документов.

Протестанты еще до прихода НСДАП к власти пытались установить с ней контакты. В 1932 году было создано пронацистское Движение немецких христиан. В 1933 году восьмисоттысячная евангелическая молодежная организация официально присоединилась к гитлерюгенду.

Был разработан устав новой Имперской церкви, которая должна была унифицировать всю протестантскую часть рейха. (То, что это не было сделано — это, кстати, еще один пример того, что Шпеер в своих свидетельствах называл «неоднородностью, феодальным конгломератом Рейха».)

Безусловно, нужно упомянуть и об оппозиции части протестантов нацистскому режиму. 21 сентября 1933 года был образован Чрезвычайный союз пасторов, или Исповедальная церковь. В нее к началу 1934 года вступили 7000 священников. Они очень смело, но и весьма избирательно критиковали нацистскую политику. Осуждали преследования евреев, публично молились за них, но и поддерживали выход Германии из Лиги Наций. Многие из этих мужественных людей были репрессированы.

И еще один, очень характерный пример нацистской религиозной политики. В оккупированном Крыму проживали караимы, исповедовавшие иудейство. (Караимами, кстати, были маршал Якубовский и поэт Сельвинский.) Эксперты СС тщательно изучили исторические документы, антропометрические данные военнопленных караимов и подтвердили: караимы принадлежат к тюркской группе... Результат — не только никаких репрессий, но был даже открыт (в Евпатории) иудейский храм для караимов. Так что разнообразием богатая крымская земля дала и такую уникальнейшую в мировой истории картину: «Ваффен-СС торжественно открывают... синагогу! »

Для полноты представления нужно бы упомянуть и о десятках «самопальных теорий», вроде «ариахристиан-

ства», пытавшихся подверстать христианство под всяческие «нордические», «арийские» пункты. Все они прекрасно и увлекательно (насколько позволяет скука изначального материала) разобраны в книге Дмитрия Жукова.

Единственное замечание-полувозражение Жукову. Прекрасно исследовав генезис «оккультно-рейховских» бредней, обрисовав их источник, книги Раушнинга, он, Жуков, тем же эпитетом «сомнительный» награждает и книгу Генри Пиккера «*Застольные разговоры Гитлера*». Хотя сам же он (Жуков) признает и упоминает факты громадного, коренного отличия между этими книгами. Генри Пиккер действительно с марта 1942-го стенографировал Гитлера, действительно получил записи своего предшественника Генриха Грейма. А недоверие Жукова вызывает разве что факт пребывания Пиккера в британском плену и общая «*путаность высказываний Гитлера*».

Но ведь прямолинейность — это как раз свойство направленных фальсификаций. А так — вся обстановка «в гитлеровской трапезной», редкие реплики окружения, и главное, общий стиль монологов Гитлера, потрясающе достоверны и стилистически совпадают с фрагментами из записок Шпеера. (Косвенное подтверждение.) А сочетание путаности, самодовольства и параноидальной упертости Гитлера по некоторым самым разнообразным пунктам, вроде «*фронтовой, окопный опыт в Первой мировой*», «*вегетарианство*», «*евреи*» (да-да, именно в такой последовательности по частоте упоминаний!) — это как раз и есть зафиксированная в книге факсимильная точность облика и манеры фюрера, который уже к 1942 году добился того, что даже его преданные слушатели переглядывались за столом при очередном *съезжании адольфовой пластинки*...

Впрочем, все это, конечно, — фронт работы текстологов и психологов. Мы же подошли к очередному выводу:

Не было непроходимой пропасти между религиозной политикой Гитлера и современными политкорректными стандартами.

Белорусский президент Лукашенко неполиткорректен? Попытки российских властей выделить четыре исторически укорененные у нас, в России, религии и ограничить всяких сектантов и сайентологов — тоже неполиткорректны? Пусть так!

Однако тогда и вы, органы, выдающие сей «*Сертификат политкорректности*», должны признать одно из двух. Или:

1) Политкорректными, уважающими свободу совести были Адольф и К°.

Или:

2) Политкорректность — всего лишь некий наукообразный синоним понятия, означающего просто политическую покорность Вашингтону и Брюсселю.

И о научно-исторических изысканиях, наконец

К этой хитрой задаче — превращение Гитлера в Гарри Поттера — очень близка и тематика фильма «НЛО Третьего Рейха», показанного на телеканале «Россия» 2 сентября 2006 года. Автор фильма Виталий Правдивцев, фирма «Голдмедиум».

Рецепт примерно тот же. «Пусть тема фашизма XX века — это целое море. Так растворим же ее в Океане Попсы!» Все те же НЛО, путешествия во времени, тайное общество Аненербе, Тибет, Шамбала, Страна Туле, Бермудский треугольник, Антарктида (далее со всеми остановками). Щедрые россыпи фотографий чьих-то рисунков (и наоборот, чьи-то рисунки по памяти с виденных когда-то фотографий) — в общем, у Гитлера были летающие тарелки, отчасти невидимые для врага. Указаны даже и марки: «Врил», «Белонсо» (последняя вроде была помощнее). Боевое предназначение? Водрузить серьезный бомбовый груз на эти хрупкие и очень тонкие создания из неведомых металлов — на это, конечно, даже фантазии

«научных попсовиков» не хватает. Тогда — пусть будут наблюдатели! Наверное, «с тарелок» можно разглядеть у врага что-то такое, чего со всех самолетов («рам» Фокке-Вульф-189) ну никак не увидишь.

Двигатели тарелок были как *«обычные»*, так и... *«техно-магические»* Шаубергера. Технологии этих двигателей были тайно вывезены «аненербецами» из... конечно! Откуда ж еще — из Тибета! (На верблюдах.)

Ну и, конечно, судьба Гитлера — тут уже смыкание «научно-документального» фильма телеканала России с вышеприведенным попсово-мистическим корпусом сочинений — абсолютно полное. Гитлер все же перехитрил союзников, вотще Сталин гонял СМЕРШевцев за его трупом. Фюрер выплыл на подлодках, а затем и перелетел на тарелках с «техно-магическими двигателями» в Антарктиду. Там в 1947 году атаковал американский флот... Там же, в Антарктиде, пункт особых «червячных переходов» к звезде Вега...

Единственно, опасаюсь, что не видавшие сей фильм заподозрят, что автор сей книги намеренно выбрал себе в тему разоблачений какую-нибудь детскую передачку и вот потешается над киношниками, да еще и... «обобщает».

Нет, уверяю вас, фильм абсолютно серьезный, научно-популярный. Привлечены десятки «спецов». Капитан 1-го ранга Виктор Бережной свидетельствует: *«Да, в районе островов Южная Георгия, в 1979 году мы наблюдали Нечто... весьма аномальное».*

Доктор наук (правда, экономических) Владимир Васильев (Институт США и Канады) — об *этом* же. Точнее, доктор сообщал об американских станциях контроля на обоих полюсах, в Антарктиде и на Аляске, того самого *червячного перехода*, по которому, как на эскалаторе: хлоп! — и ты уже на звезде Вега.

В принципе, это, конечно, всемирная тенденция: все большие массы людей приучаются принимать свои, бы-

вает, даже различные, классово-индивидуальные дозы информации о науке, искусстве — только в попсово-растворенном, сенсационно-сдобренном, гламурно-карамелизированном виде.

Вдумчивые аналитики, даже в сфере Большой Науки, отметили одно важную тенденцию последних десятилетий. Раньше Наука искала Истину, сегодня она обслуживает Информационные потребности общества. Это, если вдуматься, весьма тонкое различие. Ведь тут речь — о перенацеливании настоящей, Большой Науки. Это, по сути, идеология реформы нашей РАН, проходящей вот в эти самые дни. Дескать, Общество само лучше закажет, что и где искать, открывать, изобретать. Или (что нам очень хорошо знакомо.) *Невидимая Рука Рынка все расставит по местам, одним ученым даст заказ, других — долой.* Интересно, какой только Рынок мог заказать Ньютону открытие его законов, или Рентгену его лучей? Возможен ли такой заказ-наряд: «Открой-ка мне, братец... то, чего нет».

И вот, если даже Большая Наука ставится на обслуживание Информационных потребностей общества, то, что уж говорить у таких ее подразделениях, которые стоят на грани Науки и Научпопа? Или, подходим ближе к нашей теме, — что будет с наукой Историей? Вроде бы (надо признать) «исторические полки» в книжных магазинах «ломятся от товара». Товар этот хорошо расходится — «потребность общества» издателями просчитана верно. Но сами-то эти потребности? Когда (при нынешних тенденциях) даже и Геродота с Тацитом нельзя будет продать без анонса «Сенсация!», «Новые разоблачения!», и чего-то там по сексуальной ориентации авторов.

И... теперь уже строго по теме книги: фокус в том, что эта всеобщая, всемирная тенденция «опопсовения истории», вредна отнюдь не так же равномерно-всемирно. И если автор научпопфильма Виталий Правдивцев может отмахнуться от обвинений: «А чего?! Все снимают про Гитлера, Тибет, Лох-Несс — вот и я!» Тут-то мы имеем

право применить тот же самый постулат, что и к сатанинско-магической попсе из прошлой главы...

Для Дании, воевавшей во Вторую мировую полтора часа и потерявшей 15 человек, Гитлер, улетевший в Антарктиду на летающей тарелке, сегодня значит НЕ ТО ЖЕ САМОЕ, что для России!

Потому и вопрос к телеканалу, носящему имя «Россия», может быть легкий, вроде:

— А мощность «Техно-магического двигателя Шаубергера», установленного на летающих тарелках «Врил», измеряется, что, в лошадино-магических силах?

А можно спросить и чуть строже:

— А вы, уважаемый канал «Россия», обратили внимание, что ваш фильм — это вклад в:

1) обессмысливание Второй мировой войны и вообще российской и мировой Истории;

2) эстетизацию фашизма.

О последнем (опасности эстетизации фашизма) интересно написал (есть на сайтах) фантаст Ник Перумов. Действительно, тарелки, межпланетные корабли, космодромы — и все со свастиками, и вокруг весьма узнаваемые стройные фигуры в кожаных плащах, фуражках с высокими тульями и со стеками — все это так и просится в детские альбомчики и юношеские настенные постеры.

Парадокс только в том, что сегодня такой «свастиковый научпоп» в Германии и близко не подпустили бы к экранам...

И в завершении этой «PR-главы» — доказательства актуальности темы, примеры «PR-технологий» в освещении Войны. Что называется, «из новостей последнего часа». Расстановка некоторых финальных штрихов этой книги проходила в августе 2006 года, что и позволило приобщить следующее выступление президента Буша.

Четверг, 7 сентября 2006 года, по сообщению агентства Рейтер:

«Мир заплатил «ужасную цену», не обратив в свое время внимание на слова Ленина», — заявил в своей речи во вторник президент США Джордж Буш. Он выступил перед членами Американской ассоциации военных офицеров. — *«Советская империя, которую он (Ленин) основал, уничтожила десятки миллионов и поставила мир на грань термоядерной войны,* — подчеркнул президент США. Буш предупредил о *...необходимости серьезно отнестись к тому, что в качестве своей цели провозглашают «Аль-Каида» и другие исламские террористически организации. Бен Ладен и его террористические союзники излагают свои намерения так же ясно, как до них это делали Ленин и Гитлер».*

Глава Белого дома заявил, что США не остановятся в своей борьбе с терроризмом *«до тех пор, пока не будет устранена угроза для цивилизации».*

Два пояснения.

1) Для всех соотечественников, счастливо избежавших вторжения в повседневный лексикон рекламной терминологии. Бушево выступление — это именно «позиционирование» в классическом рекламном и PR-ном смысле. Предмет не характеризуется, а «позиционируется», то есть ставится в один ряд с другими, к которым отношение *уже сформировано.* Итак, Ленин ставится в ряд с Бен Ладеном и Гитлером. Он, дескать, «тоже грозил, тоже не прислушались, тоже истребил миллионы».

Смешно вроде тут оправдывать Ленина: после Первой мировой войны революций было много, грозить — все грозили, но именно ленинские «угрозы» оказались самыми неподкрепленными. Нападали на США как раз те, кто не грозили. И сегодня Бушу «подшивать к делу Ленина» текст песенки «Весь мир насилья мы разрушим», это... оцените сами — что это.

Далее, по «бушизмам»: *«Его (Ленина) держава поставила мир на грань ядерной войны»* — это он про тот самый раз, когда СССР, будучи окружен десятками баз США

(американские базы в Турции были вообще близ советской границы), попробовал единственный раз завести свою, аналогичную, на Кубе. «Карибский кризис» — единственная советская попытка достижения паритета по ядерным базам — и тут бесстыжий политикан, умалчивает, что *ядерную войну* пока вели *только США*. Точнее, он уверен, что при таком его умелом «позиционировании Ленина с Гитлером и Бен Ладеном» весь мир забудет Хиросиму, «... *кто там поставил мир на грань ядерной войны, а кто и — за грань...»*.

2) И второе пояснение, для некоторых сограждан, питающих иллюзии относительно США. Подобно выходу из договора ПРО, Штаты вышли из системы каких-либо моральных рамок. Их добренький, вечный международный посредник, лауреат Нобелевской премии мира, экс-президент Джимми Картер давно взял на себя функцию «доброго следователя». А другой «следователь» — вот этот самый Буш. Он отлично знает, что Аль-Каиду создали США (но не «справились с управлением»), однако, прилепляет ее, Аль-Каиду, к «Ленину» и, как видно из его PR-контекста, к России. И как раз на пятую годовщину Нью-Йоркского теракта.

Гитлер утилизировал кости и волосы своих жертв — Буш тоже решает:

«Чего 3 000 жертв даром пропадать. Используем Память о них для натаскивания на текущие политические цели!» Вот это — американский государственный PR. И наши граждане, просто обязаны быть осведомлены: на Что? на Кого? Кем? натасканы, притравлены... *«члены Американской ассоциации военных офицеров»*.

Пример 2. Европейский PR. И тоже, к сожалению, недооцененный.

Июль-2006, война в Ливане. «Евроньюс», тихий, политкорректный канал, в каждом своем репортаже навяз-

чиво, раз по 6 или 7 повторял: *«Хизбола обстреливает из своих катюш израильские города, ... в ответ по катюшам Хизболы... у Хизболы остаются катюши»*.

То есть раньше жаловались на «глушилки», теперь в *«Открытом обществе»* на территории России, на частоте, уступаемой до 10 часов утра нашим каналом «Культура», тихие европейцы аккуратно, исподволь, но тоже упорно «позиционируют». Ведь абсолютно любые установки, любого производства, запускающие снаряды на реактивной тяге — все их можно сравнить друг с другом, но вот же... Использовали именно наш «брэнд» — установку, работавшую на их освобождение в 1941—1945 годах.

Насколько наши соотечественники еше не понимают законов этой беспощадной PR-войны, мне напомнил совсем уже далекий от нас пример. Почти сразу же после заваленных башен на США пошла бактериологическая атака, помните конверты с белым порошком? И все наши СМИ тогда повторяли: «Сибирская язва, сибирская язва!» Вот этот, заключительный пример главы, — уже не об «их» коварстве, а о нашей собственной неосведомленности. Ведь та самая болезнь, которую мы так охотно повенчали с именем своей главной кладовой, на Западе называется Антракс. Автор сей книги за тогдашней волной идиотизма и самоподставления следил, если можно сказать, «боковым зрением»...

Итак, именно в этой «PR-главе» я представлюсь читателю, как:

...журналист, «пиарщик», принимал участие в борьбе за возврат в Россию наших знаменитых водочных брэндов («Столичная», «Московская», и т.д. из известного «Союзплодового списка», всего 43 брэнда), моя статья «Fufloff и Смирновъ» была первым выступлением по украденному у России водочному супербрэнду, приносившему тогда фирме «Хьюблайн» концерна «Гранд Метрополитен» 360 млн долларов в год.

И когда наши разбросанные по миру телекомментаторы в своих попугайных одеяниях зачастили в камеры: «Сибирская язва, сибирская язва!», первая моя мысль, мелькнувшая почти мгновенно, была: *«Да как же?! Ведь мы продаем по миру водку "Сибирская"! Не "Столичка", конечно, но тоже вполне рабочая марка!»*

Потом уже вспомнились и «Сибирские авиалинии», «Сибирский алюминий», «Сибнефть»... и т.д. Ну а далее вспомнились и слова милой старушки Мадлен Олбрайт, госсекретаря при Клинтоне, а сегодня — главы Национального демократического института: *«Несправедливо, что все богатства Сибири принадлежат только русским!»*

И главное! Тогда (осень 2001 г.) у Буша, метавшегося с подпаленным хвостом, еще руки не доходили использовать эту «сибирскую самоподставу» так, как он сегодня позиционирует «державу Ленина, поставившую мир на грань ядерной войны»!

Западные СМИ тогда чаще использовали (я специально просматривал англоязычные статьи об угрозе отравы в конвертах) собственное наименование новой мировой угрозы: «антракс». И только наши телепопугаи, чьи командировочные, если проследить до конца, оплачены в итоге сибирскими нефтью и газом, бездумно твердили тогда:

«... язва! ... язва!»

Надеюсь, все вышеприведенные примеры покажут соотечественникам, Что и Кто нас окружает. И как-то частично проиллюстрирует тот сложный многомерный процесс, на который намекает название книги: «Вторая мировая. Перезагрузка».

Глава 19
"Правильно понятый долг"

Наша победа во Второй мировой, поражение в холодной, преемственность Объединенных Европ (Берлинской и Брюссельской) — все это должно быть прочно вмонтировано в единый исторический процесс. Термины «Большая Война», «Право Большой Войны» должны служить объяснению тяжелых неудобоваримых фактов не только той войны, но и последующего периода. Любая страна, отразившая смертельно опасную агрессию, обязана принять меры против возможных повторных попыток. Советский Союз, как говорено уже много раз, воевал не только с Германией, но и с Европой. Потому Сталин и был обязан принять меры: оторвать не только у Германии — Восточную Германию, НО и у Европы — Восточную Европу. Воевавшие, знакомые вплотную с Большой Войной, Рузвельт и Черчилль признали это право Советского Союза. И, что очень показательно, признали они это не в Тегеране, в разгар войны, а в Ялте, за считанные недели до ее окончания, и через 3 (три) месяца после того, как СССР (броском к Одеру) помог им отбить последнюю атаку немцев в Арденнах.

Это Право СССР (на материальные, территориальные гарантии против повтора агрессии) имело своим следствием и Обязанность — обустройство буферной территории. Была ли задача безнадежной? В принципе с идеей своего «функционального» существования государства этого ре-

гиона были хорошо знакомы — роль «санитарного кордона» против СССР в 20-х — 30-х годах они выполняли более-менее умело. В Европе Гитлера тоже были вполне исполнительны. Ресурсы? (Санитарно-кордонная служба, конечно, должна оплачиваться.) Но тот период как раз и был уникально характерен: чуть ли не ежемесячно от Западного блока отпадали колонии, а в СССР как мановением волшебной палочки открывались то второе Баку (нефтяное Поволжье), то «сибирские кладовые». Победы коммунистов в Китае, Индонезии рассматривались почти как решающие в геополитическом поединке.

Против был только слабый опыт хозяйственной и социальной организации (а в сравнении, допустим, с немецким в Прибалтике, можно сказать, и полное его, опыта, отсутствие). Ну и, конечно, отсутствие «теории». Хотя, если задуматься, у коммунистов существовала очень солидная временная фора, запас доверия. Это — годы восстановления, разбора завалов (и в прямом, в том числе, смысле слова). Простая и реальная работа. Образно выражаясь, — поставить цепочки людей, передающих кирпичи — смогут и...

Опять же, и от какой-либо ответственности за эти разрушения (и войну) коммунисты стояли *абсолютно дальше всех.* И объективно, «по правде», дальше всех, и, что очень важно, *в общественном сознании,* тоже дальше большинства партий и групп. Иначе выражаясь, когда перед выжившим миром во всю величину встал исполинский вопрос: «Как же это случилось? (фашизм)» — все, от юристов и философов до писателей и кинорежиссеров, в своих работах составляли свои Списки виновных, причастных. И если все эти списки свести в один итоговый, коммунисты справедливо там окажутся замыкающими. В этом направлении работало даже известное как бы «частное определение» Нюренбергского трибунала в адрес философа Ницше — ведь «предтеча фашизма» (Ницше, по приговору Нюрнберга) был одновременно и самым известным и последовательным врагом «коммунистического проекта».

В общем, то была эпоха *«до резунов»,* и уровнять, например, исполинский, геополитический факт Мюнхена с какой-то записочкой на полях мексиканского дневника Троцкого *«... а Сталин-то ведь тоже небось хотел...»* — это ни в какую, даже *буковскую* голову еще не приходило.

Но вот когда завалы по обе стороны «железного занавеса» разгребли и нужно двигаться дальше, и вот тут отсутствие теории (настоящей, работающей), так беспокоившее Сталина, стало постепенно осознаваться... А новые кремлевские поколения, похоже, уже и не очень-то знали, о чем речь. (Лозунги к Первому/Седьмому числу нарисовать и повесить успели — значит, «пункт по идеологии можно считать закрытым».)

А вот вопрос, *«чем заполнялся этот вакуум»,* имеет прямое отношение к вышезатронутым темам. Опять характерный пример отставания наших «идеологов». Стараниями наших ученых, промышленников, военных теоретиков давно утвердилось и потому не требует пояснений понятие «ассиметричный ответ». Общеизвестны примеры, когда в период «гонки вооружений» в ответ на многомиллиарднодолларовые угрозы США наши ученые предлагали почти «копеечный» ответ в другой плоскости противостояния, полностью, однако, нейтрализующий угрозу... Но вот... именно наши «идеологи» прозевали в своей сфере хлесткий «ассиметричный ответ».

От врагов «марксизма-ленинизма», «Капитала» и т.д. они ожидали ответа, опровержений примерно того же формата. Что идейные соперники «по ту сторону занавеса» пишут свой «Анти-манифест», «Анти-капитал» (был же вроде «Антидюринг»). И к нам эти «антитома» пойдут, наверное, маршрутами той же «Искры». Потому так усердно, упреждающе, и бомбили беднягу Джонни Кейнса, или «Теорию конвергенции». Книги Кейнса, наверное, более всего походили внешними признаками на *«их ответ — нам».*

Но действительные ответы оказались абсолютно «ассиметричными». Первую и Вторую мировые войны «мар-

ксизм-ленинизм» объяснял через (помните?): «закон неравномерности развития империалистических держав».

А вот Буш в том же, цитированном, интервью нашему НТВ по случаю 60-летия окончания Второй мировой объяснил главную вину фашизма: «несоблюдение прав меньшинств». И весь смысл Великой Войны и Победы — это всемирное утверждение прав меньшинств.

Интервью это «не проходное», с ним и сегодня можно ознакомиться на официальном сайте Госдепартамента США. И даже контекст того разговора был, насколько это возможно, благожелательный к России. Там после важнейшего признания равной ответственности СССР, США, Британии за послевоенное устроение мира, раздела на сферы влияния и ялтинскую систему далее и следует этот пассаж. Корреспондент НТВ (Владимир Соловьев), указал г-ну Бушу на факты ущемления русских и фашизацию латвийской политики. И Буш обещал защитить, указать Вайре-Фрейберге.

Анонс Госдепартамента:

«Президент Буш заявляет, что опыт Второй мировой войны подчеркивает необходимость толерантности. "Уважать демократию — значит уважать права меньшинств", — заявляет президент российскому телевидению».

«ВОПРОС: В России мы очень обеспокоены ростом неонацизма в балтийских государствах, когда русских ветеранов войны публично унижают, когда оскверняются памятники русским солдатам и в то же время 8 мая планируется открыть памятник нацистской бригаде, которая хорошо известна не только боевыми действиями против русских, но и довольно мерзкими вещами, который были обычны для эсэсовских войск.

ПРЕЗИДЕНТ: Да. Когда я поеду в балтийские страны, у меня будет такое обращение: важно уважать демократию, но уважать демократию — значит уважать права мень-

шинств. Иными словами, подлинная демократия провозглашает, что меньшинства важны и что воля большинства не может подавлять меньшинство.

А что касается того, почитают ли страны нацизм, конечно, это следует отвергать. Нацизм был разгромлен. Мы празднуем разгром нацизма. Мы не хотим, чтобы нацизм вернулся. Экстремистская точка зрения состоит в том, что можно попирать права меньшинств. Нацисты уничтожили миллионы евреев, например, и это классический пример того, как попирались права меньшинств. И мы никогда не должны забывать уроки того, почему мы воевали вместе в годы Второй мировой войны. Поэтому я рассчитываю выступить с этим призывом к толерантности».

Вот чем хорош этот пример: даже позитивный (для России) ход Буша все равно оставляет ощущение взаимонепонимания, ощущение легкого абсурда. Абсурда — на фоне этой почти трогательной заботы: ну наконец-то есть место где эти русские — меньшинство! Значит — будем защищать!! (Вывод: да вы будьте всегда и везде меньшинством, и наша защита вам гарантирована.) И главное, он при этом абсолютно искренен. Действительно, инстинкты — они не лгут! Он защитит!

Мне это напомнило следующую историю. Один французский граф разводил в своих прудах больших и ценных рыб (осетровых, кажется). Сосед, истекая слюной, вспомнил о непоколебимом инстинкте (врожденном рефлексе) собаки-водолаза: нырять и вытаскивать на берег все, что там шевелится в воде. И вот тот хитрец, прокравшись, загонял собаку в графский пруд. И тот верный водолаз вытаскивал — «спасал» — осетров.

С «той стороны» могут, конечно, поправить: в условиях телеинтервью президент упомянул «права меньшинств» для краткости, а вообще имелся в виду весь комплекс «прав человека». Но тут ошибки нет, и Буш по-своему прав, сво-

дя весь «Билль о правах» (с десяток «Поправок к Конституции США») к соблюдению прав меньшинств, именно как к *индикатору*. Примерно так же ученые-экологи абсолютно обоснованно упрощают: «Если в реке водятся раки, значит, эта река чистая». То есть: маршируют открыто, по улицам меньшинства, какие-нибудь сайентологи, или допустим, геи (возможно, это сейчас «раковая аналогия» повлияла) — *«значит, и с остальными делами (свобода прессы, совести, собраний), тоже все полный ОК!»*

Нам это, конечно, дико даже представить, что у кого-то есть модель развития мира, которую он считает верной, рабочей, действующей, и где пружинка, приводящая весь мир в движение — борьба за права меньшинств (ну или даже ладно — за весь «Билль о правах»)! И что русских в Латвии защитят не потому, что они боролись с немецко-латышскими фашистами, а потому, что они на данный момент — четкое статистическое меньшинство! (Национальное!)

Или, для сравнения, вообразите «лекцию в окопах 1945 года», адресованную тем солдатам, кто как раз своей кровью сейчас зальют, загасят печи Освенцима. Вообразите политрука, инструктирующего: *«Сейчас вы подниметесь в атаку, пойдете под огнем, но обязательно должны к вечеру взять населенный пункт Аушвиц (Освенцим) — и знайте, что вы идете в бой за святое, за права меньшинств!»*... ну чистый желтый дом.

Да вряд ли и солдатам, высаживающимся в Нормандии, говорили *«о страшной, нечеловеческой угрозе, нависшей над меньшинством, над всей парижской гей-богемой! Знайте, бойцы, что там, в Париже, сейчас ждут вас Анри Жид! Кокто!..»*

И, завершив на этом круг примеров, вернемся теперь к «ассиметричным ответам» в идеологии. Так когда же эти «ценности» (совести-собраний-печати-меньшинств) действительно появились на авансцене мировой политики?

Кстати, кому-то покажется, что в этой дружной четверке (та, что строкой выше, в скобках) одно подкрепляет другое, и каждое — каждого, и всех вместе. Буш, напри-

мер, в этом вроде бы уверен... так же как и в *«Великой Мировой войне за права меньшинств»*... Но ведь многим, возможно, и покажется ровно наоборот, что одно *дискредитирует* другое. И тогда заподозривший свободу Совести/Печати/Собраний — в простом прикрытии их «союзника» из дружной четверки «меньшинств», — он будет, наверное, только еще критичней, еще подозрительней относиться и к самим свободам Совести/Печати.

Вот для чего, уважаемый читатель, в эту историю «Второй Мировой. Перезагрузки» попали и тема «Войны и справедливости» (Шесть перьев с каждого гуся королевства), и «Проблемы PR-отдела Корпорации «Российская Федерация»». Да, мы, как справедливо заметил Андропов, *«не знаем общества, в котором живем»*. А если все же попытаться «узнать»? Тут-то мы должны обратиться, прежде всего, именно к Войне.

К тому же у меня был еще один внешний повод: к моменту написания тех глав подходила к концу эпопея, фильм Виктора Правдюка «Вторая мировая. Русская версия». И после всех рассказов о блокаде Ленинграда, битве под Москвой, Сталинграде, Курской дуге, войне на Западном фронте — автор в своих, где-то... 57-й — 60-й сериях (цифры приблизительны, а названия серий: *«Уроки в багровом свете итогов», «Кто победил во Второй мировой войне?»)* — добрался-таки и до... *«исторических выводов»*... И начал при этом — убедительно и неудержимо... усаживаться в калошу.

К этим *«Урокам в багровом свете итогов»* мы еще. разумеется, вернемся. И отнюдь не только для предъявления справедливых «встречных исков» к Объединенным Европам (Берлинской и Брюссельской), но и для насущного самопознания. Да, обрести свою Историю, «узнать свою страну», разумеется, гораздо важнее, чем все эти «тычки» и «указывания на место» бывшим подданным Гитлера.

А с Историей, с познанием своей страны, народа такая вещь получается, что кроме как в переломные мо-

менты постичь что-либо практически невозможно. Похоже, что в иные, спокойные периоды они — народ, страна — просто «вещи в себе». Ну, представьте, что Александр Сергеевич перенес бы действие своего «Бориса Годунова» с 1605 года куда-нибудь в глубь его удачного правления. А это (выбор богатый) — и 14 лет «премьерства» при Федоре Иоанновиче (основан Белгород, обустроена, укреплена, заселена вся область нынешнего Черноземья). Или не менее хозяйственно успешная «семилетка» собственного годуновского царствования. Что бы мы узнали о душе народа, таинственно, непонятно как, но все же надломленной опричниной и Иваном Грозным? Что бы мы узнали об «успешно перевыполненной семилетке» страны на самом кануне Смутного времени?

Согласно сложившейся уже в этой книге практике — подыскания каких-нибудь незатертых примеров и более-менее оригинальных иллюстраций как пример осмысления своей Страны, Войны, Истории, — я приведу два стихотворения. (Точнее, даже полтора: одно целиком, другое в отрывках.)

Их внешний повод совершенно, абсолютно идентичен: участие в войне с нами итальянцев. И это очень кстати: в таких частностях, второ- (якобы) степенностях лучше раскрывается смысл Общего.

Итак, начнем, с того, отрывочного. В классе шестом, кажется, ко Дню Победы мы разучивали «литературно-художественную композицию». Просто стояли в линейку и читали по очереди самые известные стихи о войне. Мне досталось это:

Черный крест на груди итальянца,
Ни резьбы, ни узора, ни глянца.
Небогатым семейством хранимый,
И единственным сыном носимый.

... — и что-то там дальше —

> ... Молодой уроженец Неаполя,
> Что оставил в России ты на поле?

Хорошо помню, что и все стихотворение **строилось на** этих русско-итальянских рифмах... как

> ... я тоже мечтал на волжском приволье
> хоть разок прокатиться в гондоле...
> ...Но ведь пули мои не свистели
> Над священной землей Рафаэля...

... Я пытался припомнить еше те «смыслообразующие» русско-итальянские рифмы стихотворения, но прекратил попытки, поймав себя, что уже и не вспоминаю, а додумываю (про нашу народную песню «Лучина» и их «Санта Лючия»).

И совершенно умышленно я сейчас не стал разыскивать имя автора, полный правильный текст. Пусть так и останется, как оно мне запомнилось на 37 (примерно) лет тому назад. Звучное, красивое, вошедшее в классику советской поэзии. Автор, если все же разыскать, точно окажется из первой десятки наших поэтов. Рождественский, Межиров, Наровчатов, Симонов — Светлов, Вознесенский — Евтушенко... А может, даже и кто-то именно их них, вышеперечисленных.

Неважно.

Ибо все вышесказанное — лишь необходимая подводка к тому, другому, произведению, показывающему совершенно неожиданно, потрясающе неожиданно! — что, оказывается, можно увидеть за этим же частным (итальянским) случаем.

Не знаю даже, можно ли это назвать стихотворением — одна деталь, невероятная для сего жанра, сразу бросается в глаза: эпиграф едва ли не длиннее самого текста.

Петрарка

«... И вот непривычная, но уже нескончаемая вереница подневольного люда того и другого пола омрачает этот прекраснейший город скифскими чертами лица и беспорядочным разбродом, словно мутный поток чистейшую реку; не будь они своим покупателям милее, чем мне, не радуй они их глаз больше, чем мой, не теснилось бы бесславное племя по здешним узким переулкам, не печалило бы неприятными встречами приезжих, привыкших к лучшим картинам, но в глубине своей Скифии вместе с худой и бледною Нуждой среди каменистого поля, где ее (Нужду) поместил Назон, зубами и ногтями рвало бы скудные растения. Впрочем, об этом довольно.

Петрарка. Из письма Гвидо Сетте,
архиепископу Генуи. 1367 г. Венеция».

Так писал он за несколько лет
До священной грозы Куликова.
Как бы он поступил — не секрет,
Будь дана ему власть, а не слово.

Так писал он заветным стилом,
Так глядел он на нашего брата.
Поросли б эти встречи быльем,
Что его омрачали когда-то.

Как-никак шесть веков пронеслось
Над небесным и каменным сводом.
Но в душе гуманиста возрос
Смутный страх перед скифским раз**бродом.**

Как магнит потянул горизонт,
Где чужие горят палестины.
Он попал на воронежский фронт
И бежал за дворы и овины.

В сорок третьем на лютом ветру
Итальянцы шатались как тени,
Обдирая ногтями кору
Из-под снега со скудных растений.

Он бродил по тылам, словно дух,
И жевал прошлогодние листья.
Он выпрашивал хлеб у старух —
Он узнал эти скифские лица.

И никто от порога не гнал,
Хлеб и кров разделяя с поэтом.
Слишком поздно других он узнал.
Но узнал. И довольно об этом.

Просто невероятно, рука тянется протереть глаза — но ощущение чуда остается. Так Моисей, наверное, смотрел на неопалимую купину или расступившиеся воды. Каким-то совершенно непонятным движением (может, смещением угла зрения) один абсолютно частный случай вдруг делается понятной ступенькой мировой истории; и сама эта «лестница» получила вдруг совершенно неожиданную подсветку.

Становится вдруг ярко виден, яснее разгаданного кроссворда понятен этот действительно «великий гуманист», поэт и ученый, Петрарка. Сегодня он, наверное, был бы европарламентарием. Пришедший в 41-м в Россию не «грабить», и даже не «по принуждению злобного дуче», а именно как *«великий поэт, ученый и гуманист»*. Данте, Петрарка. Создатели *«нового прекрасного мира»*... Европа, Культура, Ренессанс. И вдруг в этом светлом и разумном мире — словно некое пятно или клубящийся страх в углу. То ли какая-то «системная», военно-политическая угроза, то ли мрачный всплеск подсознания. И создатель «правильного мира» — он, конечно, потянется, пойдет туда, чтобы исследовать и избыть свой *«смутный страх перед скифским разбродом»*... И там увидит Петрарка ту самую Нужду — об-

раз, родившийся еше у предшественника, Назона, сосланного в Скифию императором Августом. И будет *«рвать ногтями скудные растения»*. И *«узнает те скифские лица»*...

И не просто свидетельством мастерства автора, нашего Поэта, но и потрясающе, философски важным становится схождение этих двух текстов, итальянского и русского в одной точке — *«и довольно об этом»*. Как два луча, сходящихся в вершине, в точке ослепительного прозрения. Ведь итальянец мог оборвать те свои живописания славянского унижения и позора в своем письме архиепископу просто потому, что лень было еще чего-то тут описывать. Или жаль чернил. А мог и... — из-за поднявшейся жалости, сострадания, великодушия. А что именно — скука или жалость, — неизвестно читателям текста письма. Может, это было неизвестно и самому Петрарке, отбросившему в тот миг перо: *«довольно об этом»*. И вот тут-то — русский луч, текст русского Поэта, сходящийся к этой же точке, как бы высветляет подсознание итальянца, утверждает в нем лучший из вариантов: Великодушие. Да-да, то было — сострадание. И, *«узнав эти скифские лица»*, он, знаменитый Петрарка, сам стал лучше, просветленней. Великодушием заканчиваются Великие Войны.

Вот это вклад во всю мировую гуманизацию воронежских старух, кормивших несчастного итальянца, но еще и — русского Поэта, собеседника Петрарки, автора этого шедевра.

Но этот вклад нашего Поэта ставит еще и очень трудный выбор перед его соотечественниками и коллегами (или считающими себя таковыми). Этим ведь задан Масштаб. Предъявлен Уровень осмысления Мировой войны. Мировой истории. И тут (коллегам?) остаются варианты: 1) или допустить, признать, что из-за тебя, именно на твоей книге этот Уровень вдруг понизится. 2) Или, как говаривали, страшали друг друга в 70 — 80-е годы: «идти к станку», «к трактору». Или...

ДИЛЕТАНСКИЙ ЗАПРОС

Так кто же этот поэт, столь удачно сведший Петрарку, муссолиниевских несчастных солдат с Русской, мировой историей?

(Пауза). Вроде и приятное дело — «прорекламировать» нашего поэтического гения — а вроде как-то даже и обидно, что это нужно делать.

Итак, этот Поэт — Юрий Поликарпович Кузнецов.

Вот что называется — «разобраться с темой». Не только осадить каких-нибудь литовцев, тянущих Счет (за то, что им *два* а не, допустим, *три* раза дарили их столицу Вильнюс). Ведь самое главное — еще и продвинуть постижение своей собственной истории...

Из кипевших когда-то диспутов сейчас вспомнился один популярный вопрос: «Кто и когда напишет новую «Войну и мир»?» Имелось в виду — Книгу о Великой Отечественной. Да, такая книга очень бы помогла становлению национального самосознания. Сам факт наличия такого огромного и неосмысленного события (Война) — он ведь по-своему даже опасен. Именно *даже опасен*, и именно для сегодняшних россиян. Своей необработанностью, непереваренностью, недообдуманностью. Эта гигантская тема все равно будет притягивать общественное сознание. И в отсутствие нового Льва Толстого пролезут всякие, вплоть до резунов. И наговоренное ими вместо просветления и единения только углубит линии расколов в национальном менталитете.

«Войну и мир», как мы помним, называл *«величайшим из когда-либо написанных романов»* и француз Ромен Роллан. Хотя «толстовский Наполеон» — самый, пожалуй, мерзкий и ничтожный во всей «наполеониане»...

А Правдюк — ну что Правдюк? Собрал достойный документальный материал, но как дошло до «исторических выводов» — соскользнул ниже уровня коротичского «Огонька».

Теперь быстро «по пунктам Правдюка».

1) Постоянно повторял (я насчитал более восьми раз): «Германия вместе с СССР разгромила Польшу».

Но тогда ведь и Британия вместе с Германией разгромила Данию (введение войск в Исландию). Британия вместе с Германией разгромила Францию (напомним, что уничтожение французского флота в Мерс-эль-Кебире произошло ДО подписания французами мира с Германией).

2) Объявил: жаль, что Нюренбергский процесс провели победители. Что лучше бы это дело отдать Ирландии, Швеции, Швейцарии — нейтралам. Потому как Победители были в итоге такие же жестокие, как и фашисты.

Ах, как жаль, что сегодняшнее «Шоу политкорретности» не устроили тогда в Нюрнберге! Пускай бы шведы, обеспечившие Гитлера сталью, или швейцарцы, обеспечивавшие сохранность нацистского золота, взвесили ответственность каждой из сторон...

Авторы фильма Правдюк и К° вели свой рассказ, сидя под иконой. Да и сама тема предполагает обращение к религиозным авторитетам: ведь всякий суд (тем более Нюрнбергский процесс) неким образом можно соотнести с главным судом человечества — Страшным судом.

Объясниться попробую с помощью одного из главных христианских мыслителей: святого (для католиков) или Блаженного (для православных) Августина. Его книги «Исповедь», «О граде Божьем» и в целом «система Августина» на тысячелетие *«определили сознание и культурный облик европейского человека»*. Фразу Августина «Верую, чтобы понимать» повторяют в любой церкви мира. Учитель и предвосхититель Петрарки, Кьеркегора, Ницше. Интерпретатором Августина считали Мартина Лютера. Толстой, Достоевский, Фрейд — его ученики.

Прямо об этом — о войне, о степени вины, — Августин не говорил ничего, но есть аналогия — постулат о Массе греха (massa peccati). Первородный грех плюс условия нашей мирской жизни ведут к нарастанию его. Поссидий, епископ Каламский, ученик и первый биограф Августина, пишет:

«Передавал он установления, которым надлежит следовать в жизни и делах человеку Божьему (имеется в виду священнику): *не просить для кого-то жены, не давать рекомендации собирающимся служить в армии. В каждом случае он (Августин) представлял причину: 1) чтобы супруги, ссорясь между собой, не бранили того, кто устроил их брак, священнику следует только закрепить уже заключенный союз, благословить взаимную приязнь; 2) чтобы плохо проявивший себя на военной службе не разделял позора с рекомендовавшим его».*

«Конкретно мыслящие» могут недоумевать по поводу этих правил: все-таки семейные катастрофы, как и провалы на армейской службе, — более редкие варианты, чем нормальная семейная жизнь и нормальная служба. Значит, если священник все же будет рекомендовать жен или солдат на службу, сумма благодарностей в итоге перевесит сумму претензий.

Но первейший знаток человеческой души Августин ответил бы: *«Не перевесят. Не пересилят»*. И вот это относится уже к нашей теме: допустим, освободили от фашистского рабства миллион человек, тысяча погибла при этом, пятьсот расстреляли — ну, сгоряча, подозревая в пособничестве, в боевой обстановке. И что, тут можно «включать статистику»? Бросать на баланс миллион благодарностей и полторы тысячи проклятий?

В самой основе человеческой жизни лежит это: мирская благодарность как бы растворяется в мирской жизни, расходуется в процессе ее поддержания, а Грех, Масса греха накапливается... Среди открытий Августина Блаженного надо, пожалуй, числить и этот «кумулятивный эффект».

Польза, верно, потому и польза, что используется, исчезает. Использованный — синоним пустого. Тогда явится ее «конкретная» полезность, когда с ней, с пользой, произойдет... что происходит с бензином в камере сгорания. А Грех, получается, — субстанция совсем иного рода. Богословы давно вывели основу учения Блаженного Августина:

Грех не побеждается никакой кучей добрых дел, но только Благодатью Божией.

И надо применить этот фундаментальный постулат христианства «к нашей теме». То, что военные прегрешения освободителей будут припоминать, а пользу от освобождения забудут — *это вполне в природе человека.* И потому не надо, пытаясь этого избежать, заискивать перед нейтралами, просить их провести тот Нюрнбергский процесс. Их якобы преимущество перед освободителями — только в неучастии в Войне, то есть *в непроживании определенного периода жизни*, в ненакоплении Массы греха.

А ведь это, по сути, преимущество годовалого младенца перед стариком. И еще, кстати... (а гений Августина просто не может быть некстати). Много лет он исследовал психологию младенцев, беседовал с матерями, сам много наблюдал детей. Вывод его перечеркивает целые века банального сюсюканья, однако и печален: *«Младенцы невинны по своей телесной слабости, а не по душе своей»* («О граде Божием»).

Так что попытка «перенесения Нюрнберга» куда-нибудь в благополучный, мирный Стокгольм сродни попытке заменить сегодня судей (возможных взяточников и грешников) на ребенка лет двух («до этого возраста он ведь не знает, что такое взятка»).

И третий пунктик Правдюка: 3) «Наезд» на маршала Жукова. Якобы операция «Марс» — крупнейшее его (Жукова) поражение.

Это авторам фильма какой-то американский полковник *«открыл глаза»*. Они, авторы фильма, как бы и сами удивляются — насколько все жутко, тотально скрыто, замолчено — и вдруг вот оно: *«потрясающее открытие-разоблачение американского полковника!»*

Действительно, в период Сталинградской битвы, на другом участке фронта, подо Ржевом, наши войска долго и безрезультатно атаковали немцев, понесли громадные потери. При изолированном взгляде на этот отрезок войны, на этот отдельный отрезок фронта можно действительно ужасаться бессмысленности наших атак, чудовищности потерь. НО... А если увязать эту операцию «Марс» именно с параллельной битвой у Сталинграда? ...

Нет, все же правильно писал (хотя и по другому поводу) геополитик Андрей Паршев: *«Понять всю гениальную* стратегию *Кутузова (тоже критикуемого многими) можно только если понять и признать безоговорочное* тактическое *(на поле боя) превосходство Наполеона!»*

И нам сейчас надо только признать безоговорочное, подавляющее превосходство вермахта той поры — в маневренности, в скорости перебросок и разворачивания больших войсковых групп, и тогда картина станет понятнее. Абсолютная важность, приоритетность Сталинграда вроде бы всем известна. Но ведь и так же хорошо известно, что одна только переброшенная группа Манштейна чуть не прорвалась к окруженной 6-й армии Паулюса, — *чуть не повернула ход главной битвы Войны.*

Потому и надо было «связывать, перемалывать» ржевскую группировку самыми «бессмысленными и кровавыми атаками» — потому что иначе они (немцы) гораздо скорее, эффективнее «включили» бы ее на юге! Гораздо быстрее и удачнее, чем мы свои «освободившиеся подо Ржевом» армии. Доказательств тому за 41—42-е годы накопились десятки. Тот же Манштейн переброшен в Крым — и полный наш разгром. Наш Барвенковский выступ под Харьковом — немцы перегруппировалсь, ударили, и... собственно оттуда, из-под Харькова, и домаршировали до Сталинграда и Кавказа. И кроме того, в предыдущую зимнюю кампанию (1941—1942) немцы уже «сидели в котле», под Демянском и успешно деблокировались! И чтобы это не повторилось под Сталинградом, нужно было связывать все возможные «немецкие излишки» на всех фронтах!

И вот таких, изолированных по времени или месту, примеров в истории войн можно набрать бесконечно. Доказать все и вся. И проигрыш Веллингтоном Ватерлоо, и абсолютную непобедимость Гитлера, и *бездарность «мясника Жукова»*, и все-все-все... Нужно только вычленить необходимый кусочек из цепи Истории, как тот американский полковник. И потом... миллионы разом посвященных в тайну замрут

ошарашенно... *«Тут нам истопник и открыл глаза!»* — так, кажется, было в одной песенке у Высоцкого (или Галича).

Нельзя оперировать итогами Мировой войны в понятиях современной политкорректной тусовки. В интересах Истины, и равно — в интересах России (в принципе, еше и в интересах других воевавших стран — Британии, Сербии) не прошлую Войну обсуждать в современных понятиях, а наоборот, современную политическую ситуацию рассматривать с помощью критериев прошлой Войны.

Если из каждых сегодняшних десяти международных споров (например, о захвате нефтепромыслов под прикрытием «защиты демократических свобод»), хотя бы пять просто перевести с «демократического языка» на «геополитический», или на «военно-исторический», путаницы стало бы меньше.

Война — в любом случае соприкосновение с Реальностью. Катарсис. Трагическое очищение. А политика, понятийный инструментарий, сам лексикон в мирные годы постепенно и совершенно неизбежно в погоне за сиюминутными выгодами усложняется, запутывается, завирается — ровно до следующей войны. До следующего Катарсиса. Собственно, лживость, противоречия «мирной политики» всегда и запускали следующую войну.

Поймите, это ни в коем случае не апологетика «милитэри стайл». Не война хороша, но «мирная, гражданская политика», скатывающаяся к интригам вокруг долей процента одураченного электората, плоха.

Война-то в любом случае всегда приближала Мир. А «мир» и «мирные политики, историографы и т.д.» — они-то (во всяком случае, до сих пор) всегда приближали Войну. И всегда *«послевоенные годы»* потихоньку превращались в *«довоенные»*.

Стилистический провал Правдюка тоже намекает на провал смысловой. *«Уроки в багровом свете итогов»* — это, согласитесь, чем-то напоминает Вампуку.

Глава 20

От бывшего противника — к бывшему союзнику
(И об одном, между прочим, — юбилее)

60 лет назад, 5 марта 1946 года, в Вестминстерском колледже в Фултоне (штат Миссури) бывший премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль (действующий президент США Гарри Трумэн стоял чуть поодаль) произнес свою знаменитую речь.

В которой, собственно, нам и была объявлена холодная война.

В Фултоне сложился своеобразный Музей холодной войны. На этот юбилей в 2006 году были приглашены дочь Черчилля леди Мэри Соамс и его внучка Эдвина Сандис, а также внучатый племянник Трумэна. Позвали также президента Соединенных Штатов Джорджа Буша и английского премьера Тони Блэра, однако те приглашение отклонили.

А в предыдущие годовщины фултонской речи в Вестминстерском колледже собирались многие мировые лидеры и политики, в том числе бывшая премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер и экс-президент СССР Михаил Горбачев. Последнего мы, быть может, увидим

еще. Ведь какой классный слоган для его рекламной кампании: «Горячая пицца поможет и в холодную войну!!!» Дарю Михаил Сергеевич.

К годовщине в Фултоне была обновлена экспозиция и проведена перепланировка Мемориала и библиотеки Черчилля, обошедшаяся в $4 миллиона. Кроме того, символическое начало глобального противостояния было отмечено специальной службой в церкви Святой Марии на территории Вестминстерского колледжа.

Итак: почему Черчилль (отставной, в то время, козы барабанщик)? Почему Фултон (глухомань несусветная)?

Анатолий Уткин написал великолепную книгу о Черчилле. Очень занятно будет процитировать его приземленно-бытовую «версию Фултона». Перед тем как воспроизводить «Выбранные места из речи...» сэра Уинстона, и ответы Черчиллю (и миру) Иосифа Виссарионовича Сталина в газете «Правда».

Цитируем Уткина: «К ставшему президентом Гарри Трумэну, гордящемуся своей простотой и доступностью, стали прибывать земляки из Миссури с небольшими просьбами. В январе 1946 г. они попросили прислать кого-либо из сенаторов на открытие заурядного колледжа в миссурийском городке Фултон. Патриот своих краев, президент Трумэн отреагировал неожиданно: "Зачем нам просить косноязычных сенаторов, когда во Флориде отдыхает самый большой златоуст англосаксонского мира — отставной премьер Уинстон Черчилль?" Черчилль на просьбу откликнулся, выдвинув лишь одно условие: "Выступлю в случае присутствия в зале президента Соединенных Штатов". Трумэн согласился».

Печально знаменитое выступление Черчилля в Фултоне соответствовало настроениям правых сил в США, решивших «выяснить свои отношения» с Востоком. «Братская ассоциация англоговорящих народов», о которой говорил экс-премьер, должна была стать военным союзом, ибо, как утверждал Черчилль, «на русских ничто не про-

изводит большего впечатления, чем сила». Это было начало трагического пути гонки вооружений.

Другой историк, Валентин Фалин, обрисовывает «состояние на момент...»

«На финальной стадии войны СССР не представлял собой угрозы для «свободного мира». «У Москвы были несколько иные заботы. Надлежало поднимать из руин страну, а не мечтать о квазикоммунистической экспансии. Установленным, доказанным фактом является то, что советское руководство ни в 1945-м ни в 1946 годах не собиралось воспроизводить в Центральной и Восточной Европе родственные сталинизму модели экономического, социального и политического устройства».

Это понимали и в США. Так, генерал Клей в апреле 1946 года в качестве заместителя американского губернатора Германии докладывал госдепартаменту: советских представителей в Контрольном совете «нельзя упрекнуть в том, что они нарушают Потсдамские договоренности». Напротив, «они в высшей степени добросовестно их исполняют», демонстрируют «искреннее стремление дружить с нами, а также уважение к США». «Мы, — заключал Клей, — ни на мгновение не верили в возможность предстоящей советской агрессии и мы не верим этому сейчас».

Однако Трумэна, которому необходимо было освятить доктрину «Pax Americana», эти соображения не убеждали. Именно для того, чтобы как-то обосновать заявку на мировую гегемонию, Соединенным Штатам и понадобился Черчилль. В пользу Черчилля, с точки зрения Трумэна, говорило то, что в ходе войны никто больше Черчилля не сделал для того, чтобы выхолостить военное сотрудничество западных держав с Советским Союзом, не допустить реальной координации действий вооруженных сил трех держав, сорвать организацию Второго фронта в 1942-м и 1943 годах и тем самым затягивать войну, с олимпийским спокойствием наблюдая, как в ожесточенных схватках немцы и русские обескровливают друг друга. В этом смыс-

ле концепция британского премьера перекликалась с подходами Трумэна, который в июне 1941 года изрек: «Если будут побеждать немцы, стоит помогать русским, если верх будут брать русские, надо помогать немцам, и пусть они убивают друг друга как можно больше».

«Немыслимое» и неотвратимое

Не позднее марта 1945 года Черчилль отдал приказ собирать трофейное немецкое оружие и складировать его для возможного использования против СССР. Тогда же им был отдан приказ о разработке операции «Немыслимое» — плана войны против Советского Союза, которая должна была начаться 1 июля 1945 года силами 112—113 дивизий, включая дюжину дивизий вермахта, которые сдались англичанам и нерасформированными были переведены в лагеря в земле Шлезвиг-Гольштейн и Южной Дании. Там их держали в готовности до весны 1946 года.

Черчилль приложил немало стараний, дабы вовлечь в «Немыслимое» Трумэна, принявшего президентский пост после кончины (12 апреля 1945 года) Франклина Рузвельта. «Если бы не категорический афронт ведущих военачальников США, черчиллевское «Немыслимое» могло бы обрести зловещие черты вполне реального и мыслимого. Не исключено даже, что с ядерным акцентом.

19 мая 1945 года помощник госсекретаря США Грю направил Трумэну меморандум, в котором отмечалось, что «если есть что-то в мире неотвратимое, то таким неотвратимым является война между США и Советским Союзом». «Гораздо лучше и надежнее иметь столкновение прежде, чем Россия сможет провести восстановительные работы и развить свой огромный потенциал военной, экономической и территориальной мощи», — утверждалось в документе.

На идейной основе, выраженной в меморандуме Грю, в сущности, и шел демонтаж политического наследия Руз-

вельта, в том числе в части выполнения (или сбрасывания) обязательств США по тегеранским и ялтинским соглашениям. Параллельно полным ходом готовилась новая военная доктрина Соединенных Штатов. Ее повивальной бабкой стало успешное испытание ядерного оружия в штате Невада.

А теперь и непосредственно... сэр Уинстон Черчилль.

Фултон, штат Миссури, 5 марта 1946 года (Перевод Игоря Зайнетдинова.)

«Я был рад прибыть в Вестминистерский колледж сегодня в полдень и получить поздравления в связи с присвоением мне степени.

Название "Вестминстер" так или иначе знакомо мне. Я, кажется, слышал его раньше. В другом Вестминстере я получил большую часть моего образования в политике, диалектике, риторике и других вещах. Фактически это родственные учреждения.

(Шутка. Обыгрывается имя колледжа и Вестминстерского округа, где находится королевская резиденция, Парламент и множество государственных учреждений.)

— Президент сказал Вам, что это является его желанием, я уверен, что и вашим, чтобы я дал мою истинную и верную оценку этому беспокойному и трудному времени. Я, конечно, воспользуюсь этой свободой, и я чувствую, что имею право делать так, потому что любые частные амбиции, любые дикие мечты, которые я лелеял в свои молодые годы, короче говоря, сбылись.

(Анекдот есть со словами господина, лежащего в тарелке черной икры: "Жизнь удалась".)

— Позвольте мне, однако, прояснить, что я не имею никакой официальной миссии или статуса любого вида, и говорю только за себя лично. Я не являюсь никем иным,

как самим собой. Я могу поэтому, опираясь на свой жизненный опыт, позволить себе высказать свое мнение по проблемам, которые окружают нас на другой день после нашей абсолютной победы, и попробовать удостовериться в том, что сила, которая была получена ценой многих жертв и страданий, должна быть сохранена для будущей славы и безопасности человечества.

Соединенные Штаты стоят сейчас на вершине мировой мощи. Это — торжественный момент для американской демократии. С этой мощью должна сочетаться страшная ответственность за будущее. Если вы посмотрите вокруг себя, вы должны ощущать не только чувство выполненной обязанности, но и беспокойство, боязнь не потерять достигнутое.

И здесь я говорю особенно о мириадах домов или семей, в которых добытчик заработной платы борется против проблем и трудностей жизни, охраняет жену и детей от нужды и лишений и воспитывает в семье страх перед Богом, а также в других этических концепциях, имеющих большое значение.

Чтобы обеспечить безопасность этим бесчисленным домам и семьям, необходимо оградить их от двух гигантских мародеров: войны и тирании.

Ужасное крушение Европы, со всей исчезающей красотой, и большей части Азии стоит у нас в глазах.

Невозможно вычислить то, что я называю "the unestimated sum of human pain" — «неоцененная сумма человеческой боли». Наша высшая задача и обязанность состоит в защите всех людей от ужасов и бедствий новой войны.

Мировая организация, созданная для главной цели — предотвращения войны — ООН, преемник Лиги Наций, с решающим дополнением Соединенных Штатов и всего, что это означает, уже действует.

Есть, однако, определенное практическое предложение. Суды и судьи могут быть созданы, но они не могут функционировать без шерифов и констеблей. Организа-

ция Объединенных Наций должна быть немедленно оснащена международными вооруженными силами.

Я предлагаю, чтобы каждое государство предоставило определенное количество авиационных эскадр на службу мировой организации. Эти части были бы обучены и подготавливались в их собственной стране, но перемещались из одной страны в другую. Они носили бы униформу их собственных стран, но с различными значками. Они не требовались бы, чтобы действовать против их собственной нации, но в других отношениях подчинялись мировой организации.

Я желал видеть это выполненным после Первой мировой войны, и я искренне полагаю, что это можно сделать немедленно.

Было бы, однако, неправильным и неблагоразумным вручить секретное знание или опыт атомной бомбы, который имеют Соединенные Штаты, Великобритания и Канада, организации, которая все еще в младенческом возрасте. Люди всех стран спокойно спят в своих постелях, потому что эти знания и опыт по большей части находятся в американских руках.

Я не думаю, что мы бы спали так крепко, имея противоположную ситуацию, когда этим смертельным фактором монопольно обладали бы некоторые коммунистические или неофашистские государства. Это обстоятельство было бы ими использовано для того, чтобы навязать тоталитарные системы свободному демократическому миру с ужасными последствиями. Видит бог, что это не должно произойти, и мы имеем по крайней мере некоторое время для укрепления нашего дома, прежде чем столкнемся с этой опасностью, и даже тогда, когда никакие усилия не помогут, мы все еще должны обладать огромным превосходством, чтобы использовать это в качестве устрашения».

В принципе Черчиллем заявлена интереснейшая, даже **философская тема — наличие сверхоружия и спокойствие**

народа — как они соотносятся? С 1945 года атомная бомба заняла в сознании место, пустовавшее со времен веры древних в мифы. Чудо-оружие, Копье Вотана, Кольцо Нибелунга, в сущности, — волшебная палочка военного применения. Жаль, но Черчилль, приводит только два варианта ситуации: нынешний (бомба у США) и... гипотетический, когда... бомбой монопольно обладали бы некоторые коммунистические или неофашистские государства.

А ведь, строго говоря, возможны три варианта чудо-бомбы: 1) только у врага, 2) только у тебя, 3) у обоих по бомбе. Эта классификация психологических состояний дает мне возможность заметить парадоксальный факт. Раньше почему-то на него внимания не обращали. Более всего США находились в состоянии страха — как раз в период № 2. Именно когда они монопольно владели Чудо-оружием. Тогдашний, конца сороковых годов, страх у американцев нарастал, и в итоге вызвал то, чего они, в общем, стыдятся до сих пор — маккартизм, охота на ведьм. В СССР первое испытание атомной бомбы прошло в 1949 году. И вряд ли можно было создать мало-мальски угрожавший ядерный арсенал и средства доставки к 1953 году.

Черчилль: «В конечном счете, когда необходимое братство людей будет верно реализовано и воплощено в мировой организации со всеми необходимыми практическими гарантиями, чтобы делать это эффективным, эти полномочия были бы, конечно, предоставлены мировой организации».

Вот это — интереснейший Черчиллев пассаж. Рассмотрим. Фактически это уговор: сначала *(утром)* — необходимое братство людей, потом *(вечером)* — дадим бомбу ООН. *И что особенно интересно — никто пока не задавался вопросом! Уж задам его тогда я — ровно, получается, к 60-летию фултонской речи:*

«Если... необходимое братство людей будет верно реализовано и воплощено в мировой организации со всеми необходимыми практическими гарантиями, зачем же тогда Бомба *эдакому* “братству людей”»?

Вот чего мне бы действительно хотелось по выходу этой книги — так это ответа какого-нибудь западного политолога на этот вопрос.

А пока мой вариант: необходимое братство людей — Вами, господа, понималось, как достижение вашего контроля над ООН. Тогда можно и предоставить Бомбу.

И ведь в принципе Бомба-то, на тот момент — Ваша, имеете право давать ее или не давать. Или давать, но только подконтрольной организации. Условие можно признать даже справедливым! НО... — в высшей степени характерный оговорка!!! — это состояние подконтрольности называется «необходимое братство людей».

И действительно, с лозунгом подконтрольности не придешь в чужую страну раздавать гранты, пестовать оппозицию, контролировать, финансировать одни выборы или перечеркивать результаты других, подкармливать избранные СМИ, или учреждать международные трибуналы. А с... «необходимым братством людей»? (...)

Черчилль: «Теперь я подхожу ко второй опасности из тех, которые угрожают дому и обычным людям, а именно, тирании. Мы не можем быть слепы к факту, что привилегии, которыми наслаждается каждый гражданин Британской империи, не имеют силы в значительном числе стран, некоторые из которых являются очень мощными. В этих странах контроль за людьми осуществляется всемогущими полицейскими ведомствами.

Это — не наша обязанность в это время, когда трудностей так много, вмешиваться насильственно во внутренние дела стран, которые мы не победили в войне. Но мы не должны прекращать бесстрашно проповедовать большие принципы свободы и прав человека, которые являются дости-

жением англоговорящего мира и которые через Magna Carta, Билль о правах, Habeas Corpus, trial by jury, и английский общий закон находят их наиболее известное выражение в американской Декларации Независимости.

Свобода должна быть в каждом доме. Вот сообщение британских и американских народов Человечеству. Позволить нам проповедовать, что мы практикуем и практиковать, что мы проповедуем.

Я часто цитирую слова, которые услышал 50 лет назад от большого ирландско-американского оратора, моего друга, Bourke Cockran: "Достаточно всего для всех. Земля — щедрая мать; она обеспечит достаточно продовольствия для всех ее детей, если они будут обрабатывать ее почву по закону и в мире"».

Эх, узнать бы, что уважаемый Bourke Cockran *говорил о нефти...*

«Ни уверенность в предотвращение войны, ни непрерывное повышение уровня мировой организации не будет получено без братского объединения англоговорящих народов. Это означает особые отношения между Британским Содружеством наций и США. Продолжая обсуждать метод реализации нашей полной стратегической концепции, я пребываю в затруднении, зачем я сюда приехал и о чем мне тут говорить».

Этот фрагмент интонационно напоминает мне горестное восклицание-вопрошание императора Тиберия, наверняка Черчиллю знакомое: «Как мне писать вам, отцы-сенаторы, что писать, и чего пока не писать? Пусть я погибну худшей из смертей, если я это знаю...»

«Имеется, однако, важный вопрос, который мы должны задать. Будут ли особые отношения между Соединенными Штатами и Британским Содружеством наций в противоречии с лояльностью к Мировой Организации? Я отвечаю, что, наоборот, это, вероятно, единственное средство

для достижения организацией полной высоты и силы. Пример тому особые отношения между Соединенными Штатами и Канадой, которые я только что упомянул, а также специальные отношения между Соединенными Штатами и южноамериканскими республиками. Мы, британцы, 20 лет имеем соглашение относительно сотрудничества и взаимной помощи с Советской Россией.

Я соглашаюсь с г. Бевином, министром иностранных дел Великобритании, что мы заинтересованы в соглашении на 50 лет. Мы стремимся к взаимной помощи и сотрудничеству. Британцы имеют союз с Португалией, не нарушенный с 1384 года, который имел плодотворные результаты в критические моменты в последней войне.

Темные века могут вернуться, каменный век может вернуться на сверкающих крыльях науки, и то, что могло бы теперь быть ливнем неизмеримых материальных благ для человечества, может принести полное разрушение».

Что ж, признаем здесь прекрасный черчиллев образ: каменный век может вернуться на сверкающих крыльях науки.

«Остерегайтесь, я говорю: времени может быть мало. Не позволяйте себе дрейфовать по жизни, пока не поздно. Если имеется какая-либо братская ассоциация, подобная мной описанной, со всей дополнительной силой и безопасностью, которую обе наши страны могут гарантировать, удостоверьтесь, что этот великий факт известен миру и что он содействует стабилизации основ мира. Имеется дорога мудрости. Предотвратить лучше, чем исправить».

А вот это прямо чистый Гоголь. Его напутствие юности из «Мертвых душ»: «Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое ожесточающее мужество, забирайте с собой все человеческие движения, не оставляйте их на дороге, не подымете потом».

Занятное совпадение, говорящее, наверно, о единстве человеческой природы.

«Тень упала на место действия, освещенное в последнее время победой союзников. Никто не знает, что Советская Россия и коммунистическая международная организация намерены делать в непосредственном будущем, или каковы пределы их экспансии и тенденции обращения в свою веру. Я испытываю сильный восторг и уважение к храбрым русским людям и к моему боевому товарищу, Маршалу Сталину. Имеется глубокое сочувствие и доброжелательность в Англии — я не сомневаюсь в этом — ко всем русским людям и решение стойко добиваться, несмотря на множество различий и проблем, установления долгой дружбы. Мы понимаем потребность России в безопасности ее западных границ удалением всей возможности немецкой агрессии. Мы приветствуем Россию на ее законном месте среди ведущих наций мира. Мы приветствуем ее флаг в морях.

...однако я уверен, что вы бы желали, чтобы я предъявил факты так, как я их вижу, о существующем положении в Европе.

От Штеттина на Балтике до Триеста в Адриатике железный занавес протянулся поперек континента. По ту сторону воображаемой линии все столицы древних государств Центральной и Восточной Европы. Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест и София, все эти известные города и поселения вокруг них находятся в том, что я должен называть советской сферой, и все подчинено, в той или иной форме, не только советскому влиянию, но очень сильному и, во многих случаях, чрезвычайно сильному контролю Москвы».

Вот и появляется этот исторический железный занавес. Надо признать, что наши «политические обозреватели» были неточны, когда объясняли нам, что в Фултоне «Черчилль задернул» его. Подлинный текст речи мы получили только сейчас, и видим — Черчилль скорее констатирует, чем призывает. И вопрос: а надо ли опровергать, отбрехиваться по каждому пункту? «Нет, американцы сами отгородились от нас?»

Ведь если еще вспомнить и об участке этого «занавеса», исполненного в другом материале — железобетоне (Берлинская стена) — то, конечно, признаем: «занавес» — наша работа. И что тут надо было скрывать?! Установка занавеса — оборонительное действие, а если вспомнить еще и те мучительные размышления Сталина об обустройстве полученной сферы влияния («без теории мы погибнем»), то трагедия представляется совсем в другом свете. Вот союзники и вся Европа признала право СССР на пояс безопасности. Право СССР обеспечить там установление лояльных, дружественных правительств.

Потому, что прежние государства, построенные на вражде, выполнили роль «санитарного кордона» в одну сторону, изолируя СССР. В другую сторону — для агрессии с Запада на Восток — они, наоборот, сработали трамплином. Никто не знает точно, в каких именно выражениях Сталин обозначил эту проблему в Ялте, но вот результат: СССР получил право влияния по эту сторону линии Щецин — Триест. Просто еще и потому, что построенные после Первой мировой версальские конструкции рухнули уникально быстро и позорно.

Как совместить «лояльность» и экономическую мобильность правительств «своей зоны»? Вот это действительно вопрос.

«Контролируемое русскими польское правительство было поощрено делать большие и неправомерные нападки на Германию, и массовые изгнания миллионов немцев в масштабе печальном и невообразимом теперь имеют место. Коммунистические партии, которые были очень небольшие во всех восточных государствах Европы, дорвались до власти повсюду и получили неограниченный тоталитарный контроль. Полицейские правительства преобладают в почти каждом случае, и пока, кроме Чехословакии, нигде нет никакой подлинной демократии».

Ну, здесь Сталин прекрасно ответил (см. далее).

«Турция и Персия также глубоко встревожены и обеспокоены требованиями, которые предъявляет к ним московское правительство. Русские сделали попытку в Берлине создать квазикоммунистическую партию в их зоне оккупации Германии, особо поддерживая группу левых немецких лидеров.

Если теперь Советское правительство попытается отдельно создать прокоммунистическую Германию в их зоне, это причинит новые серьезные трудности в британской и американской зонах и разделит побежденных немцев между Советами и западными демократическими государствами».

Да, СССР предъявлял «требования». *Как и Англия — США. Но интересно бы именно сегодня спросить Турцию, а заодно и Ирак (Персию): чьи требования для них были более умеренны, разумны? Правда, спросить уже можно только турок. Так как недавние требования наследников Черчилля и Трумэна к Ираку оказались, как пишут в протоколах, «несовместимы с жизнью (страны)».*

«Любые выводы могут быть сделаны из этих фактов, и факты таковы: это, конечно, не та освобожденная Европа, за которую мы боролись. Это не то, что необходимо для постоянного мира.

Безопасность мира требует нового единства в Европе, от которого никакая нация не должна быть в стороне. Из-за ссор между сильными расами в Европе происходили все войны, как в прошлое время, так и та мировая война, свидетелями которой мы были. И до железного занавеса, который лежит поперек Европы, есть много причин для беспокойства.

Серьезные трудности доставляет в Италии Коммунистическая партия поддержкой требований коммунистической свиты (охвостья) маршала Тито об изменении итальянской территории на Адриатике. Однако будущее Италии находится в равновесии.

Снова нельзя воображать восстановленную Европу без сильной Франции. Всю мою сознательную жизнь я работал для сильной Франции и я никогда не терял веру в ее судьбу, даже в самые темные часы. Я не буду терять веру теперь. Однако в большом числе стран, далеких от российских границ, и во всем мире коммунистические пятые колонны дестабилизируют и работают в полном единстве и абсолютном повиновении указам, которые они получают от коммунистического центра. Кроме этого, в Британском Содружестве наций и в Соединенных Штатах, где коммунизм еще в младенчестве, коммунистические партии или пятые колонны составляют возрастающий вызов и опасность христианской цивилизации.

Беспокоит также перспектива на Дальнем Востоке и особенно в Манчжурии. Соглашение, которое было подписано в Ялте, к которому я был причастен, было чрезвычайно благоприятно Советской России, но это происходило во время, когда никто не мог бы сказать, что немецкая война продлится все лето и осень 1945-го и что Японская война, как ожидалось, будет длиться еще 18 месяцев после конца немецкой войны. В этой стране вы все так хорошо осведомлены относительно Дальнего Востока и такие преданные друзья Китая, что нет нужды разглагольствовать далее на эту тему».

На всякий случай извиняется, что много отдали в Ялте. Объясняет продолжавшейся войной.

«Я чувствовал себя обязанным изображать тень, которая, как на Западе, так и на Востоке, падает на мир. Я был высоким министром во время Версальского соглашения и близким другом Ллойд Джорджа, который был главой британской делегации в Версале. Я самостоятельно не соглашался со многими вещами, которые видел, но у меня осталось очень сильное впечатление об этой ситуации, и я нахожу болезненным сопоставлять это с тем, что преобладает

теперь. В те дни имелись высокие надежды и безграничная уверенность, что войны закончены и что Лига Наций стала всемогущей. Я не вижу и не чувствую той же самой уверенности или даже тех же самых надежд в измученном мире в настоящее время. С другой стороны, я более выдвигаю мнение, что война надвигается, чем то, что она неизбежна.

Я уверен, что наша судьба все еще в наших собственных руках и что в наших силах спасти будущее, что я чувствую, что я обязан говорить об этом всегда, когда я имею случай и возможность делать это. *Я не верю, что Советская Россия желает войны. Что их желания являются плодами войны и неопределенного расширения их мощи и доктрины.* Но что мы должны рассмотреть сегодня, пока еще осталось время — это постоянное предотвращение войны и учреждение условий свободы и демократии как быстро, насколько это возможно во всех странах. Наши трудности и опасности не исчезнут, если мы закроем наши глаза на них. Они не исчезнут от простого ожидания того, что должно случиться; и не будут удалены политикой успокоения. Необходимо урегулирование, и чем дольше это будет отсрочено, тем труднее это будет и тем больше возрастет опасность.

Оттого, что я видел наших русских друзей и союзников во время войны, я убежден, что не имеется ничего, чем они восхищаются так, как силой, и не имеется ничего, что они уважают меньше, чем слабость, особенно военную слабость. По этой причине старая доктрина равновесия сил не обоснована.

Если западные демократические государства стоят вместе в строгом соблюдении принципов Устава Организации Объединенных Наций, их влияние для содействия тем принципам будет огромно, и никто не сможет помешать им.

Если, однако, они будут разделены или будут колебаться в выполнении их обязанностей и если эти важные годы пройдут без пользы тогда действительно, катастрофа может сокрушить нас всех.

Последний раз, когда я видел это и кричал громко моим соотечественникам и миру, никто не обратил внимания. До 1933-го или даже 1935 года, Германия могла быть спасена от ужасной судьбы, которая постигла ее, и мы все могли быть спасены от бедствий, которые Гитлер принес свободному человечеству. За всю историю не было войны, которую легче было предотвратить своевременными действиями, чем та, которая только что опустошила такие большие области земного шара.

Это могло бы быть предотвращено, по моему глубокому убеждению, без единого выстрела, и Германия могла бы быть сегодня мощной, преуспевающей и великой; но никто не слушал, и одного за другим нас всех всосало в ужасный водоворот».

А вот здесь Черчилль — не «оголтелый враг», а действительно ценный, ценнейший свидетель. Если он говорит, что Гитлера легко было удержать на любом из рубежей 1933—1938 годов, то, конечно, он прав. Оттого и такой «антимюнхенский» запал в соответствующих главах этой книги... И плюньте еще раз в глаза Буковскому-Резуну-Коротичу и прочим! Их выпячивание Советско-Германского пакта 1939 года — это самое грязное наемничество.

«Мы, конечно, не должны позволить этому повториться. Только теперь, в 1946 году, может быть достигнуто хорошее понимание по всем пунктам с Россией под общей властью Организации Объединенных Наций и соблюдение этого хорошего понимания спустя многие мирные годы, в соответствии с мировым инструментом, поддержанным всей силой англоговорящего мира и всех его образований».

И после фултонской речи Черчилля перейдем к ответам И.В. Сталина.

ОТВЕТЫ И.В. Сталина КОРРЕСПОНДЕНТУ «ПРАВДЫ»

«На днях один из корреспондентов «Правды» обратился к товарищу Сталину с просьбой разъяснить ряд вопросов, связанных с речью господина Черчилля. Товарищ Сталин дал соответствующие разъяснения, которые приводятся ниже в виде ответов на вопросы корреспондента.

Вопрос. Как Вы расцениваете последнюю речь господина Черчилля, произнесенную им в Соединенных Штатах Америки?

Ответ. Я расцениваю ее как опасный акт, рассчитанный на то, чтобы посеять семена раздора между союзными государствами и затруднить их сотрудничество.

Вопрос. Можно ли считать, что речь господина Черчилля причиняет ущерб делу мира и безопасности?

Ответ. Безусловно, да. По сути дела, господин Черчилль стоит теперь на позиции поджигателей войны. И господин Черчилль здесь не одинок, — у него имеются друзья не только в Англии, но и в Соединенных Штатах Америки.

Следует отметить, что господин Черчилль и его друзья поразительно напоминают в этом отношении Гитлера и его друзей. Гитлер начал дело развязывания войны с того, что провозгласил расовую теорию, объявив, что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Господин Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира. Немецкая расовая теория привела Гитлера и его друзей к тому выводу, что немцы как единственно пол-

ноценная нация должны господствовать над другими нациями. Английская расовая теория приводит господина Черчилля и его друзей к тому выводу, что нации, говорящие на английском языке, как единственно полноценные должны господствовать над остальными нациями мира.

По сути дела, господин Черчилль и его друзья в Англии и США предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, и тогда все будет в порядке, — в противном случае неизбежна война.

Но нации проливали кровь в течение пяти лет жестокой войны ради свободы и независимости своих стран, а не ради того, чтобы заменить господство Гитлеров господством Черчиллей. Вполне вероятно поэтому, что нации, не говорящие на английском языке и составляющие вместе с тем громадное большинство населения мира, не согласятся пойти в новое рабство.

Трагедия господина Черчилля состоит в том, что он как закоренелый тори не понимает этой простой и очевидной истины.

Несомненно, что установка господина Черчилля есть установка на войну, призыв к войне с СССР. Ясно также и то, что такая установка господина Черчилля несовместима с существующим союзным договором между Англией и СССР. Правда, господин Черчилль для того, чтобы запутать читателей, мимоходом заявляет, что срок советско-английского договора о взаимопомощи и сотрудничестве вполне можно было бы продлить до 50 лет. Но как совместить подобное заявление господина Черчилля с его установкой на войну с СССР, с его проповедью войны против СССР? Ясно, что эти вещи никак нельзя совместить. И если господин Черчилль, призывающий к войне с Советским Союзом, считает вместе с тем возможным продление срока англо-советского договора до 50 лет, то это значит, что он рассматривает этот договор как пустую бумажку,

нужную ему лишь для того, чтобы прикрыть ею и замаскировать свою антисоветскую установку. Поэтому нельзя относиться серьезно к фальшивым заявлениям друзей господина Черчилля в Англии о продлении срока советско-английского договора до 50 и больше лет. Продление срока договора не имеет смысла, если одна из сторон нарушает договор и превращает его в пустую бумажку.

Вопрос. Как Вы расцениваете ту часть речи господина Черчилля, где он нападает на демократический строй соседних с нами европейских государств и где он критикует добрососедские взаимоотношения, установившиеся между этими государствами и Советским Союзом?

Ответ. Эта часть речи господина Черчилля представляет смесь элементов клеветы с элементами грубости и бестактности.

Господин Черчилль утверждает, что "Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест, София — все эти знаменитые города и население в их районах находятся в советской сфере и все подчиняются в той или иной форме не только советскому влиянию, но и в значительной степени увеличивающемуся контролю Москвы". Господин Черчилль квалифицирует все это как не имеющие границ "экспансионистские тенденции" Советского Союза.

Не требуется особого труда, чтобы показать, что господин Черчилль грубо и беспардонно клевещет здесь как на Москву, так и на поименованные соседние с СССР государства.

Во-первых, совершенно абсурдно говорить об исключительном контроле СССР в Вене и Берлине, где имеются Союзные Контрольные Советы из представителей четырех государств и где СССР имеет лишь $^1/_4$ часть голосов. Бывает, что иные люди не могут не клеветать, но надо все-таки знать меру».

Сталин не упускает случая подловить Черчилля на нескольких частных ошибках. Черчилль говорит о тотальном контроле СССР по ту сторону «занавеса», а Сталин припоминает: есть же и западные части Берлина и Вены. Но понятно, что дело не в подлавливании Черчилля на этих почти оговорках. Истинный, мучительный вопрос: организация жизни десятков миллионов в своей сфере влияния. В отсутствии даже малейшей доли того опыта, набора идей, приемов, что есть у бывших союзников. Вот самое колоссальное преимущество Черчилля. А Бомба? — что Бомба? Через три года Бомба будет (Курчатов — честный и способный человек)...

Сталин буквально в соседнем абзаце и объясняет суть вопроса: колоссальные жертвы советского народа, обеспечившие освобождение Европы от гитлеровского ига. Советский Союз не может забыть о них. ... желая обезопасить себя на будущее время, старается добиться того, чтобы в этих странах существовали правительства, лояльно относящиеся к Советскому Союзу?

Но как совместить лояльность и устойчивость? Обеспечить поле безопасности «народу-богатырю», пока он не впал в «богатырский сон», как после Первой Отечественной?

«Во-вторых, нельзя забывать следующего обстоятельства. Немцы произвели вторжение в СССР через Финляндию, Польшу, Румынию, Венгрию. Немцы могли произвести вторжение через эти страны потому, что в этих странах существовали тогда правительства, враждебные Советскому Союзу. В результате немецкого вторжения Советский Союз безвозвратно потерял в боях с немцами, а также благодаря немецкой оккупации и угону советских людей на немецкую каторгу около семи миллионов человек. Иначе говоря, Советский Союз потерял людьми в несколько раз больше, чем Англия и Соединенные Штаты Америки вместе взятые. Возможно, что кое-где склонны предать забвению эти колоссальные жертвы советского

народа, обеспечившие освобождение Европы от гитлеровского ига. Но Советский Союз не может забыть о них. Спрашивается, что же может быть удивительного в том, что Советский Союз, желая обезопасить себя на будущее время, старается добиться того, чтобы в этих странах существовали правительства, лояльно относящиеся к Советскому Союзу? Как можно, не сойдя с ума, квалифицировать эти мирные стремления Советского Союза как экспансионистские тенденции нашего государства?

Господин Черчилль утверждает, что «польское правительство, находящееся под господством русских, поощрялось к огромным и несправедливым посягательствам на Германию».

Здесь что ни слово, то грубая и оскорбительная клевета. Современной демократической Польшей руководят выдающиеся люди. Они доказали на деле, что умеют защищать интересы и достоинство родины так, как не умели это делать их предшественники. Какое имеется у господина Черчилля основание утверждать, что руководители современной Польши могут допустить в своей стране «господство» представителей каких бы то ни было иностранных государств? Не потому ли клевещет здесь господин Черчилль на «русских», что имеет намерение посеять семена раздора в отношениях между Польшей и Советским Союзом?..»

Еще раз поймал Черчилля — западные границы Польши были согласованы в Ялте и Потсдаме.

«Господин Черчилль недоволен, что Польша сделала поворот в своей политике в сторону дружбы и союза с СССР. Было время, когда во взаимоотношениях между Польшей и СССР преобладали элементы конфликтов и противоречий. Это обстоятельство давало возможность государственным деятелям вроде господина Черчилля играть на этих противоречиях, подбирать к рукам Польшу

под видом защиты от русских, запугивать Россию призраком войны между нею и Польшей и сохранять за собою позицию арбитра. Но это время ушло в прошлое, ибо вражда между Польшей и Россией уступила место дружбе между ними, а Польша, современная демократическая Польша, не желает быть больше игральным мячом в руках иностранцев. Мне кажется, что именно это обстоятельство приводит господина Черчилля в раздражение и толкает его к грубым, бестактным выходкам против Польши. Шутка ли сказать: ему не дают играть за чужой счет...

Что касается нападок господина Черчилля на Советский Союз в связи с расширением западных границ Польши за счет захваченных в прошлом немцами польских территорий, то здесь, как мне кажется, он явным образом передергивает карты. Как известно, решение о западных границах Польши было принято на Берлинской конференции трех держав на основе требований Польши. Советский Союз неоднократно заявлял, что он считает требования Польши правильными и справедливыми. Вполне вероятно, что господин Черчилль недоволен этим решением. Но почему господин Черчилль, не жалея стрел против позиции русских в этом вопросе, скрывает от своих читателей тот факт, что решение было принято на Берлинской конференции единогласно, что за решение голосовали не только русские, но также англичане и американцы? Для чего понадобилось господину Черчиллю вводить людей в заблуждение?

Господин Черчилль утверждает дальше, что «коммунистические партии, которые были очень незначительны во всех этих восточных государствах Европы, достигли исключительной силы, намного превосходящей их численность, и стремятся всюду установить тоталитарный контроль, полицейские правительства превалируют почти во всех этих странах и до настоящего времени, за исключением Чехословакии, в них не существует никакой подлинной демократии».

«Как известно, в Англии управляет ныне государством одна партия, партия лейбористов, причем оппозиционные партии лишены права участвовать в правительстве Англии. Это называется у господина Черчилля подлинным демократизмом. В Польше, Румынии, Югославии, Болгарии, Венгрии управляет блок нескольких партий — от четырех до шести партий, причем оппозиции, если она является более или менее лояльной, обеспечено право участия в правительстве. Это называется у господина Черчилля тоталитаризмом, тиранией, полицейщиной. Почему, на каком основании, — не ждите ответа от господина Черчилля. Господин Черчилль не понимает, в какое смешное положение он ставит себя своими крикливыми речами о тоталитаризме, тирании, полицейщине.

Господину Черчиллю хотелось бы, чтобы Польшей управлял Соснковский и Андерс, Югославией — Михайлович и Павелич, Румынией — князь Штирбей и Радеску, Венгрией и Австрией — какой-нибудь король из дома Габсбургов и т.п. Господин Черчилль хочет уверить нас, что эти господа из фашистской подворотни могут обеспечить "подлинный демократизм". Таков "демократизм" господина Черчилля.

Господин Черчилль бродит около правды, когда он говорит о росте влияния коммунистических партий в Восточной Европе. Следует, однако, заметить, что он не совсем точен. Влияние коммунистических партий выросло не только в Восточной Европе, но почти во всех странах Европы, где раньше господствовал фашизм (Италия, Германия, Венгрия, Болгария, Финляндия) или где имела место немецкая, итальянская или венгерская оккупация (Франция, Бельгия, Голландия, Норвегия, Дания, Польша, Чехословакия, Югославия, Греция, Советский Союз и т.п.).

Рост влияния коммунистов нельзя считать случайностью. Он представляет вполне закономерное явление. Влияние коммунистов выросло потому, что в тяжелые годы господства фашизма в Европе коммунисты оказались на-

дежными, смелыми, самоотверженными борцами против фашистского режима, за свободу народов. Господин Черчилль иногда вспоминает в своих речах о «простых людях из небольших домов», по-барски похлопывая их по плечу и прикидываясь их другом. Но эти люди не такие уж простые, как может показаться на первый взгляд. У них, у "простых людей", есть свои взгляды, своя политика, и они умеют постоять за себя. Это они, миллионы этих "простых людей", забаллотировали в Англии господина Черчилля и его партию, отдав свои голоса лейбористам. Это они, миллионы этих «простых людей», изолировали в Европе реакционеров, сторонников сотрудничества с фашизмом и отдали предпочтение левым демократическим партиям. Это они, миллионы этих «простых людей», испытав коммунистов в огне борьбы и сопротивления фашизму, решили, что коммунисты вполне заслуживают доверия народа. Так выросло влияние коммунистов в Европе. Таков закон исторического развития.

Конечно, господину Черчиллю не нравится такое развитие событий, и он бьет тревогу, апеллируя к силе. Но ему также не нравилось появление советского режима в России после Первой мировой войны. Он также бил тогда тревогу и организовал военный поход "14 государств" против России, поставив себе целью повернуть назад колесо истории. Но история оказалась сильнее черчиллевской интервенции, и донкихотские замашки господина Черчилля привели к тому, что он потерпел тогда полное поражение. Я не знаю, удастся ли господину Черчиллю и его друзьям организовать после Второй мировой войны новый поход против Восточной Европы. Но если им это удастся, — что маловероятно, ибо миллионы «простых людей» стоят на страже дела мира, — то можно с уверенностью сказать, что они будут биты так же, как они были биты в прошлом, 26 лет тому назад.

Правда. 14 марта 1946 года».

Выводы. Суммирование всего сказанного и измеренного.

Да, мы никуда не уйдем от «Большой Войны». Той, что согласно Брюсу Кэттону, *сама берет на себя командование.* Вторая мировая война была именно такой. Признать версию «Правильной мировой войны», начавшейся 1 сентября 1939 года — это значит получить вечный поток претензий за Прибалтику и т.д., за «акты агрессии в мирное время». Претензий от тех, кто сами уже вели войну и уже даже успели перейти «на другую сторону» и наращивающих эту сторону, кто Австрией, кто Клайпедой-Мемелем, кто Чехословакией.

Версия «Большой Войны», войны вне всяких пактов, вне *«Объявлений себя с такого-то часа, такого числа в состоянии...»* раскрывает истинный размах Войны. Раздвигает временные рамки, точнее, просто удаляет нижнюю из этих «рамок». «Большая Война», да простится мне это полуцитирование Евангелия: «... не приходит приметным образом».

И сегодня версия «Большой Войны» возвращает «на линию фронта» некоторых участников, напоминая им, на какой именно стороне они действовали.

Приложение

Геополитика и все такое...

(Подготовка, характер и геополитические последствия Второй мировой войны — в 50 SMS-ках.)

Двоякий опыт — проведения PR-акций и преподавания в одном университете — подсказывает мне, что нужно позаботиться и о самой краткой версии истории, предложенной в этой книге. Сегодня и Потребитель, и Студент требует изложения в краткой форме. И не просто краткой, а еще и своеобразно пульсирующей. И, если желаешь быть воспринятым, ты должен как-то ритмически соответствовать современному информационному стилю: «Будущее зависит от тебя», «Управляй мечтой» и т.д.

Потому и все содержимое этой книги представлено в виде 50 слоганов, кратких тезисов, доступных в том числе и для общения в SMS-формате.

1. Адольф Гитлер — трастовый управляющий ЗАО « Европа».

2. Сколько дней простояли заводы «Шкода» и «ЧКД» в связи со сменой флага в 1938 году?

3. До советских танков 1968 года в Праге были чешские танки в Минске, Смоленске и Сталинграде.

4. Моральная ответственность шкодовцев подобна их танкам — «легкая и средняя».

5. Они испугались, что пьяный президент-дирижер попробует себя тамбур-мажором на Параде победителей.

6. Французы при 100 долларах за баррель пригласят на Парад, как героев Второго фронта, и Кувейт с Эмиратами.

7. Англия занималась «сомнительными флотами», а СССР — «сомнительными республиками».

8. Страсбург, Прагу и Вильнюс надо было освободить, чтобы там могли обосноваться те умники, которые расскажут, по каким правилам следовало их освобождать и какие пени полагаются за нарушение этих правил.

9. На Бородинском поле наша и французская пехота яростно бьются за флеши, а рядом кавалеристы Мюрата и Уварова устраивают совместные концерты и презентации.

10. Германский кайзер не был «их сукиным сыном», а значит, вперед, на авансцену, либералы! «Да здравствует Веймарская республика!» Так и пошло.

11. 11—13 сентября 2001 года «государством-изгоем» были Соединенные Штаты Америки.

12. Чемпионат по арийскости детская сборная России выиграла, а юношеская проиграла. (При единоличном судействе фюрера.)

13. Нужна просто другая модель использования Резуна. Например. Человек выпускает свинью на трюфельное поле, свинья ищет, отрывает трюфели, но на этом ее «сотрудничество» заканчивается. Человек находит другое применение трюфелю, отличное от желаний его хрюкающего «сотрудника».

14. Новый Иуда не вешается, но старательно прибавляет к тридцати еше и тридцать первый, второй, третий... сребреники — за «Воспоминания о Гефсиманском саде».

А потом еще и тридцать шестой, седьмой....— за «Поправки к Воспоминаниям».

15. А предисловие к «Ледоколу» написал Буковский, если помните такого. Его по бартеру отправили в Израиль.

16. Дело как раз именно в отсутствии персон. Перед тобой просто... говоряшая (чавкающая) грязь...

17. «Черчилль — конформист!» В действительности трудно даже представить что-либо более несовместимое. (Вроде: «Колобок Резун перебежал не из ГРУ, а из балета Большого театра».)

18. Так вот, любители простых доказательств: «Краткий курс истории ВКП(б)» и британский премьер-министр и историк Черчилль абсолютно едины в трактовке и оценке событий 1939 года».

19. Шведский «нейтралитет» оказался самой лучшей противовоздушной обороной путей снабжения рейха.

20. Автор словно гулял с диктофоном по улицам Берлина тридцатых годов.

21. Марабини свидетельствует: в 1932 году немецкие евреи больше боялись коммунистов, чем Гитлера.

22. В «Нордиск унгдум» («Северной молодежи»), кстати, маршировал и Ингвар Кампрад, впоследствии основатель всемирной сети ИКЕА. (Есть идея!)

23. Эрзац-пиво делалось на основе отходов молочного производства. Питье его было, конечно, тягчайшим, может, и непосильным испытанием для «арийского духа».

24. Наиболее им представимые герои Сопротивления — это Киану Ривз с подружкой в фильме «Матрица».

25. Уровень гитлеровского насилия: возможно, еще будет масса попыток его даже преувеличить, чтобы спрятаться за ним, спрятать долю вполне взаимовыгодных рыночных отношений.

26. В Данию, Норвегию, Чехию, Францию шли не только приказы, но и заказы.

27. Это в Бухенвальде и Майданеке звенели кандалы, а в «Объединенной Европе» звенели монеты.

28. «Мюнхен» XV века находился в Констанце. Ян Гус направился на церковный собор с гарантиями неприкосновенности от императора Сигизмунда Люксембурга. У чемберленовских гарантий богатая предыстория!

29. Дефенестрация, казнь посредством выбрасывания из окна, — чешское изобретение. По-видимому, это связано с успехами многоэтажного строительства в Праге.

30. Ранее часть Судет называлась Исполиновыми горами. Спорное нацменьшинство — «Исполиновые немцы».

31. В марте 1939 года Польша получит из чешского наследия высокоразвитый Тешинский округ, как поощрение от Гитлера, а буквально через полгода, в сентябре получит и все остальное причитающееся.

32. Нацию Яна Гуса и Георгия Подебрада предала Европа кавалеров ордена Подвязки и лауреатов Нобелевской премии мира.

33. «Пятая колонна»... Не напоминает ли «пятый угол»? Как родилась на страницах газет 1937 года — так там в основном и маршировала.

34. Единственной успешной гитлеровской «пятой колонной»... стала Судетская. И то потому только, что у нее оказались такие «колонновожатые», как Чемберлен, Галифакс, Даладье.

37. Среди всех идей выбирается та, что имеет самый яркий «видеоряд». Лучше проходимая по телевизору.

38. Запоминается реплика героя. Или даже актера, игравшего этого героя. Или даже кого-нибудь из съемочной группы.

39. Американские сенаторы извинились за работорговлю, папа римский извинился за Крестовые походы. Немцы — за холокост. Дальше — блюдо пущено по кругу — туркам извиняться за 1915-й год, ну а нам, конечно, побольше: и за 1940-й, и за 1956-й, и за 1968-й...

40. Нынешний президент крошечной Македонии извиняется перед полумиром за походы Александра Македонского. Завтра Тунис пришлет свои извинения Италии «за геноцид при Каннах... и за весь поход Ганнибалла» (бедуинам даже и лестна причастность к мировой истории).

41. А вдруг... и в России подвернется политик, которому извиниться, да еще под Новый год, — как два байта отослать? Так вот, с этими извинениями можно попасть на очень реальные бабки — «репарациями» называются.

42. Не потому нельзя рассматривать литовский финансовый счет за 1940 год, что он, возможно, завышен. А потому, что это означает попасть в один ряд с военными преступниками. Потому, что это — прямое оскорбление наших соотечественников, добывавших Победу...

43. Объединенная Европа-II (Брюссельская) должна признать один простой исторический факт — свою преемственность с Объединенной Европой-I (Берлинской). За исключением, конечно, Великобритании и России.

44. Норвежские моряки (и береговые силы) топят немецкие крейсера, а военно-воздушная база сдается экипажам истребителей. А затем и вся столица «принимает парад» пяти десантных рот. Это похоже скорее на экспедицию Кортеса.

45. Электрическое сопротивление нас научил измерять немец Георг Ом. Как и чем измерить Сопротивление немцам во Второй мировой войне?

46. Мститель — еще не Защитник. Защитник носит Оружие открыто. И защитить (заслонить, встать между защищаемым и врагом) можно только открыто. Мстить — как угодно.

47. Большая Война «не приходит приметным образом».

48. Возвращаем «на линию фронта» некоторых участников, напоминая им, на какой стороне они действовали.

49. То, что военные прегрешения освободителей будут припоминать, а пользу от освобождения забудут — это вполне в природе человека.

50. Нельзя оперировать итогами Мировой войны в понятиях современной политкорректной тусовки.

Примечания

К стр. 12

Жак Бержье родился в 1912 году. Учился в Сорбонне и Высшем национальном химическом училище. Инженер-химик, кандидат наук. С 1934 года по 1939 год работал в лаборатории профессора Андрэ Эльброннера над проблемами влияния тяжелой воды на ядерные процессы. Синтезировал полоний на основе висмута и «тяжелого водорода». С начала войны сражался в войсках Сопротивления. В 1944 году был арестован и сослан в лагерь смерти Маутхаузен. После освобождения награжден высшими орденами Франции и многими иностранными орденами, в том числе и советскими, за крупные успехи в деле уничтожения немецких «фау» на острове Пенемюнде. После окончания войны вернулся к научной работе. В 1947 году получил патент на электронное управление охлаждением при реакторных процессах. Последняя из опубликованных научных работ касается математического анализа цепной реакции при массе урана, не достигающей критической.

Избран членом Нью-Йоркской Академии наук. Член-учредитель Французской Ассоциации научных писателей. Автор восьми книг.

Красная капелла — общее наименование советской разведывательной сети во время Второй мировой войны,

действовавшей в европейских странах (Германия, Бельгия, Франция и др).

Черная капелла — тайное общество, организованное генералами, дипломатами, противниками действий Гитлера.

К стр. 15

Остин Чемберлен — Британский государственный деятель, лауреат Нобелевской премии мира 1925 года. Родился 16 октября 1863 года в Бирмингеме; старший сын Джозефа Чемберлена, Невиллу Чемберлену доводился двоюродным братом.

К стр. 22

Ульманис Карлис (1877—1942) — латвийский политический деятель. Лидер «Латышского крестьянского союза». В 1918—1934 годах неоднократно возглавлял правительство Латвийской республики. В 1934 году осуществил государственный переворот, установил личную диктатуру. Премьер (1936—1940), затем президент Латвии. Репрессирован органами НКВД; умер в тюрьме.

К стр. 41

Честер Уильям Нимиц (1885—1966) с 1942 года главнокомандующий американскими вооруженными силами в Тихоокеанском районе, с 1945 года —ВМС на Тихом океане. Провел несколько успешных крупных операций против японских вооруженных сил. От имени США подписал акт о капитуляции Японии 2 мая 1945 года.

К стр. 53

Джон Киган — выдающийся британский военный историк и журналист, автор книги «Вторая мировая война»\The Second World War. Считает, что и в начале XXI века мы живем в мире, испытывающем влияние этой войны, что многие из современных кризисов появились благодаря решениям, принятым в 1939—1945 годы.

К стр. 54

Мартин ван Кревельд — один из крупнейших в мире военных теоретиков, профессор истории Еврейского университета в Иерусалиме, автор книг «Воюющие силы», «Командование в войне» и «Трансформация войны», оказавших большое влияние на современную военную теорию. Создатель новой, развивающей положения Клаузевица теории «нетринитарной» войны, пользуется у коллег славой «сотрясателя основ», «экстремиста», «радикала» и даже «еретика».

К стр. 62

Алексей Исаев — автор книг «Антисуворов», «Десять мифов Второй мировой», «От Дубно до Ростова», «1941: бои на Украине», «Битва за Харьков (февраль — март 1943 года)», «Краткий курс истории ВОВ. Наступление маршала Шапошникова», «Когда внезапности уже не было», «Котлы 1941 года», а также статей в журнале «Полигон», газете «Независимое военное обозрение» и других работ.

Андрей Зорин — критик, публицист, автор и составитель книг: «Свой подвиг совершив...», «Кормя двуглавого орла», «Цветник. Русская легкая поэзия конца XVIII—начала XX в.»

К стр. 70

Генрих Брюнинг (1885—1970) — немецкий политический деятель. В 1920—1930-е годы занимал ответственные посты в католическом объединении профсоюзов. В 1924 избран в рейхстаг, с 1929 лидер фракции партии Центра. Был тесно связан с Ватиканом. В марте 1930 — мае 1932 года рейхсканцлер. Правительство Брюнинга широко использовало ст. 48 Веймарской конституции 1919 года для проведения чрезвычайных антидемократических законов, провело декреты о снижении заработной платы рабочим и служащим, о введении новых налогов для трудящихся,

преследовало антифашистские рабочие организации и особенно компартию. Его политика облегчила установление в Германии открытой фашистской диктатуры. В 1934 года Брюнинг эмигрировал в США.

К стр. 70

Франц фон Папен (1879—1969) — политический деятель Германии, дипломат. Родился 29 декабря 1879 года в Верле (Вестфалия) в семье крупного землевладельца. До 1-й мировой войны был офицером Генштаба. В 1913—1915 годах военный атташе в США, откуда был выслан за шпионаж и подрывную деятельность. В 1921—1932 годах депутат прусского ландтага от католической партии «Центр»; примыкал к ее крайне правому крылу.

В июле — ноябре 1932 года возглавлял правительство, способствовавшее усилению позиций нацистов в Германии. Принимал активное участие в установлении в январе 1933 года нацистской диктатуры и вошел в первый кабинет Гитлера в качестве вице-канцлера. В июле 1934—марте 1938 года посол в Австрии; содействовал осуществлению аншлюса. Будучи в 1939—1944 годах послом в Турции, фон Папен стремился вовлечь ее в число союзников Германии. В апреле 1945 года был арестован в Руре военной администрацией 9-й армии США. В 1946 года предстал перед судом Международного военного трибунала в Нюрнберге, но был оправдан. Однако в феврале 1947 года вновь предстал перед комиссией по денацификации и приговорен к 8-ми месяцам тюрьмы как военный преступник. Умер 2 мая 1969 в Оберзасбахе, Баден.

К стр. 70

Фон Шлейхер (1882—1934) — последний канцлер Веймарской республики. Родился 7 апреля 1882 года в Бранденбурге в старинной прусской юнкерской семье. В 1903 году вступил в 3-й гвардейский пехотный полк под коман-

дованием генерала Пауля фон Гинденбурга. В 1913 году был приглашен в чине капитана в Генеральный штаб, в котором работал во время 1-й мировой войны. Был близким другом Оскара фон Гинденбурга. В 1918 году фон Шлейхер стал адъютантом главного квартирмейстера Вильгельма Грёнера. Принимал активное участие в создании подразделений «Добровольческого корпуса». В феврале 1926 года фон Шлейхер возглавил управление сухопутных сил министерства рейхсвера. В 1929 году фон Шлейхеру было присвоено звание генерал-майора. Он занимал различные государственные посты, в том числе был министром обороны. 3 декабря 1932 года, сменив ушедшего в отставку Франца фон Папена, фон Шлейхер стал рейхсканцлером. Его нерешительные попытки объединить действия профсоюзов и рейхсвера с тем, чтобы остановить рвущихся к власти нацистов, ни к чему не привели. В результате закулисных политических интриг бывшего канцлера фон Папена и Гитлера президент Гинденбург принял отставку фон Шлейхера и 30 января 1933 года провозгласил канцлером Адольфа Гитлера. Не забывший своего политического оппонента Гитлер жестоко отомстил фон Шлейхеру во время событий «Ночи длинных ножей». 30 июня 1934 года несколько человек ворвались на виллу отставного канцлера, смертельно ранили его жену и убили его самого, как позднее было сообщено, при попытке вооруженного сопротивления.

К стр. 73

Гедин Андерс Свен (1865—1952) — путешественник, ученый, писатель. С 1893 по 1902 год исследовал Тибет и северо-запад Центральной Азии. В 1905—1908 годах из Трапезунда (Трабзон) через Северо-Восточный Иран, Кашмир достиг истоков рек Брахмапутра и Сатледж, открыл Трансгималаи. В 1923 году совершил кругосветное путешествие через Северную Америку, Японию, Монголию и Сибирь.

В 1927—1935 годах изучал Китай, Монголию, Западный Тибет и Восточный Туркестан. В последний период жизни отошел от исследовательской деятельности. Во время Второй мировой войны сотрудничал с гитлеровскими властями Германии.

К стр. 74

Карина фон Кантцов — Карина фон Фок, дочь шведского полковника, затем жена шведского аристократа графа Нильса фон Кантцова. В свои 32 года она (уже имея сына) встретила в доме своей сестры героя-летчика из авиасоединения Рихтгофена 27-летнего капитана Германа Геринга (в 1920 г.)

К стр. 91

Энтони Иден (1897—1977; с 1961 г. пэр и первый граф Эйвонский) — выдающийся британский государственный деятель, консерватор, в 1935—1938 годы (кабинет Болдуина), в 1940—1945 годы (военное правительство Черчилля) министр иностранных дел, в 1955—1957 годы — премьер-министр Великобритании.

К стр. 92

Реджинальд Дрэкс — шталмейстер королевского двора, комендант Портсмутского порта, не имевший никакого влияния в английских вооруженных силах и никакого понятия о внешней политике.

К стр. 98

Джон Мейнард Кейнс, лорд (1883—1946) — английский экономист, основатель кейнсианского направления в экономической теории. Президент Эконометрического общества (1944—1945).

В конце 20-х — начале 30-х годов экономику США поразил глубокий кризис — так называемая Великая депрессия. Кризис охватил не только американскую экономику —

европейские страны тоже были подвержены кризису, причем в Европе этот кризис начался даже раньше, чем в США. Руководители и экономисты ведущих стран мира лихорадочно искали способы выхода из кризиса. Такой выход предложил им Кейнс, опубликовав в 1936 году книгу «Общая теория занятости, процента и денег», сразу ставшую знаменитой. Возникшее экономическое течение названо кейнсианством. Рассматривалось как альтернатива марксизму.

К стр. 110

Сэр Криппс Ричард Стаффорд (1889—1952) — английский государственный деятель, лейборист. По профессии адвокат. В 1931—1950 годах член палаты общин. В 30-е гг. был одним из лидеров левого крыла Лейбористской партии; в 1934—1935 годы член исполкома партии. В предвоенные годы Криппс был сторонником отпора фашистской агрессии и укрепления коллективной безопасности с участием СССР. Выступал за единый фронт всех левых организаций, включая компартию, за что в январе 1939 года был исключен из Лейбористской партии. С приходом к власти правительства У. Черчилля Криппс был назначен послом в СССР (занимал этот пост в мае 1940 — январе 1942 г.). От имени Великобритании подписал в июле 1941 года соглашение с СССР о совместных действиях в войне против фашистской Германии. В марте 1942 года возглавлял специальную английскую миссию в Индию. Был лидером палаты общин (1942), затем министром авиационной промышленности в правительстве Черчилля (1942—1945). В марте 1945 года - был восстановлен в Лейбористской партии. Занимал посты министра торговли (1945—1947), министра экономики (1947), министра финансов (1947—1950) в лейбористском правительстве Криппс Эттли.

К стр. 116

Лиддел Гарт (1895—1970) до посвящения в рыцари известный как капитан Б.Г. Лиддел Гарт — английский во-

енный историк и теоретик, оказавший большое влияние на развитие механизированной войны в XX веке, а также на теорию стратегии в целом. Девичью фамилию матери Лиддел он стал использовать как часть своей фамилии с 1921 года. Он начал публиковать свои теории в 1920-х годах в популярной прессе и впоследствии обнаружил, что его или похожие разработки были положены нацистской Германией в основу тактики блицкрига.

К стр. 116

Галифакс (Халифакс) Эдуард Фредерик Вуд (1881—1969) английский государственный деятель. В 1910 году избран в парламент от Консервативной партии. В 1922—1924 и 1932—1935 годах министр просвещения, в 1924—1925 годах министр сельского хозяйства. В 1926—1931 годах вице-король Индии; репрессии против национально-освободительного движения совмещал с конституционными маневрами для укрепления британского господства. В 1935—1937 годах лорд-хранитель печати, в 1935—1938 годах лидер палаты лордов и зам. премьер-министра. В 1938—1940 годах министр иностранных дел; сторонник умиротворения фашистских агрессоров. В ноябре 1937 года вел переговоры с А. Гитлером, во время которых изложил программу англо-германского сотрудничества. В 1941—1946 годы посол в США. В 1947—1953 годы председатель Генерального консультативного совета радиовещательной компании Би-би-си.

К стр. 117

Франц Гальдер (1884—1972) — генерал-полковник (19.7.1940) германской армии. Начальник Генерального штаба сухопутных войск в 1938—1942 годах. Военный деятель. Из военной семьи, сын генерал-майора. Образование получил в Баварской военной школе. В 1902 году вступил в Баварский Её Величества артиллерийский полк, в 1904 году произведен в лейтенанты. В 1914 году окончил Баварскую военную академию.

К стр. 120

Эренбург Илья Гиршевич (Григорьевич) (1891—1967) — публицист и общественный деятель, дважды лауреат Сталинской премии (1942, 1948). Сын купца 2-й гильдии. Учился в гимназии вместе с Н.И. Бухариным. В 1905 году примкнул к большевикам. В январе 1908 гола был арестован и освобожден до суда, а в декабре 1908 году «ввиду болезненного состояния» уехал за границу. Жил во Франции, где в 1910 году выпустил сборник «Стихи». В 1914—1917 годах корреспондент русских буржуазных газет на Западном фронте. В марте 1917 года вернулся в Россию. Отрицательно отнесся к приходу к власти большевиков и в 1921 году вновь уехал во Францию. С 1921 года жил в Париже, был близок к левым кругам французского общества, активно сотрудничал в советской печати. С 1923 года корреспондент «Известий». Стал составной частью советского истеблишмента, живым подтверждением «свободы творчества» в СССР. Во время Великой Отечественной войны военный корреспондент газеты «Красная Звезда», за 1941—1945 годы в газетах было опубликовано около 3 тысяч его статей. Автор лозунга «Убей немца». Входил в состав комиссии по «расследованию» убийств польских офицеров в Катыни, подтвердил, что эти расстрелы совершены немцами. Был включен в состав Еврейского антифашистского комитета, после его роспуска в 1949 году не пострадал. В 1950 избран депутатом Верховного Совета СССР. С 1950 вице-президент Всемирного Совета мира. В 1952 году получил Международную Ленинскую премию «За укрепления мира между народами». Всегда оставался лояльным к сталинизму. После смерти И.В. Сталина изменил свою прежнюю точку зрения. В 1954—1956 годах написал повесть «Оттепель», вызвавшую большие споры в обществе. Именно по ее названию и стали именовать недолгий период послаблений в начале правления Н.С. Хрущева. Позже Эренбург заявлял, что при Сталине «он выжил по чистой случайности».

К стр. 147

Генлейн, Конрад Хенлейн (1898—1945) — немецкий политический деятель Судетской области в Чехословакии. Родился 6 мая 1898 года в Мафферсдорфе (ныне Вратиславице) в Богемии, сын немца и чешки. Был банковским служащим, затем преподавателем гимнастики. В 1931 году возглавил Немецкую гимнастическую ассоциацию в Чехословакии. 1 октября 1933 года Генлейн учредил небольшую политическую партию — Германский патриотический фронт, — которая требовала автономии Судетов в рамках чехословацкого государства. Генлейн предлагал образовать федеральное государство наподобие системы швейцарских кантонов, что давало этническим меньшинствам независимость, при этом не подрывая национального единства. Однако организована партия Генлейна была по принципу фюрерства. В октябре 1934 года она провела свой первый массовый митинг, на котором присутствовало 20 тыс. человек. В 1935 году, собрав уже значительное число приверженцев, Германский патриотический фронт сменил название и стал Судетской немецкой партией (СДП). С 1936 года СДП уже функционировала в качестве «пятой колонны» в Чехословакии, получая мощную финансовую поддержку через «Фолькcдойче миттельштелле». Например, еще в 1933 году партийная газета Генлейна получила 120 тысяч чешских крон из Германии, чтобы расплатиться с долгами. В том же году Рудольф Гесс пожаловал единовременные субсидии в размере 8 млн. крон. Сам Генлейн получал 12 тыс. рейхсмарок в месяц. Сторонники Генлейна, временно скрывавшиеся под вывеской «Шпорт Абтайлунг» (первые буквы совпадали с аббревиатурой СА), развернули агитацию за предоставление независимости судетским немцам.

На выборах 1935 года СДП завоевала 44 мандата или 60 % мест от немецкоязычного населения Чехословакии. 28 марта 1938 года Гитлер заверил Генлейна: «Я поддержу вас. Завтра вы станете моим наместником (Sie sind auch

morgen mein Statthalter) «Через месяц Генлейн выдвинул 8 т. н. «карлсбадских требований», фактически требуя полной автономии для судетских немцев. В мае он отправился в Лондон, где клятвенно заверял, что никогда не получал приказов или даже рекомендаций из Берлина. После Мюнхенского соглашения 1938 года Генлейн был назначен рейхскомиссаром Судетской области. 1 мая 1939 года он стал гауляйтером и рейхсштатхальтером и возглавил гражданскую администрацию в Чехословакии. В мае 1945 года был взят в плен американской 7-й армией и покончил с собой в лагере для перемещенных лиц 10 мая 1945 года.

К стр. 160

Леон Дегрель (1906—1994) — руководитель бельгийских нацистов, один из командиров войск СС, оберштурмбаннфюрер СС (1.01.1945). Сын католического священника, члена ордена иезуитов. Получил юридическое образование. В 20-е гг. вступил в валлонскую националистическую организацию «Аксьон Франсе», сторонник твердой власти, антисемит. Основал небольшую издательскую фирму. В 1930 году организовал фашистскую организацию рекситов «Рекс» (Rex), по аналогии с итальянской фашистской партией; перед войной получал крупные субсидии из Италии. В качестве образца взял для себя НСДАП — в символике, идеологии и т.д.

На выборах 1935 года его партия получила 21 место в парламенте. В феврале 1937 года проиграл выборы, не добившись поддержки избирателей, и партия фактически прекратила свое существование. 10.5.1940 арестован бельгийскими властями как немецкий пособник. Движение рекситов возродилось в 1940 году после оккупации Бельгии германскими войсками. В 1941 году Дегрель поступил добровольцем в валлонский легион СС и принял участие в боях на советско-германском фронте. В июне 1943 года переведен в войска СС со званием оберштурм-

фюрера резерва, с февраля 1944 года командир 5-й добровольческой штурмовой бригады СС «Валлония», которая была развернута в дивизию. Награжден Рыцарским крестом Железного креста, получил к нему дубовые ветви. В конце 1944 года под руководством Дегреля сформирован Фламандско-Валлонский комитет, а сам Дегрель провозглашен областным фюрером валлонского народа. После поражения Германии в 1945 году бежал в Испанию. В Бельгии был заочно приговорен к смертной казни. В 1946 году переехал в Аргентину, а затем вернулся в Испанию. В 1954 году получил испанское гражданство и сменил имя на Леона Жозе де Рамиреца Рена. В 1973 году бельгийские журналисты записали с ним интервью в Мадриде, причем Д. заявил: «Я сожалею, что мне не удалось достичь намеченного, но будь у меня шанс, я бы все повторил сначала». Автор мемуаров (1992). Умер в госпитале Сан-Антонио.

К стр. 180

Вальтер фон Браухич (1881—1948) — генерал-фельдмаршал гитлеровской армии (1940). Родился 4 октября 1881 года в Берлине в семье офицера. В армии с 1900 года. Участник 1-й мировой войны на штабных должностях, затем служил в рейхсвере. В 1931 году получил звание генерал-лейтенанта, командовал артиллерийским соединением. С 1932 года генерал-инспектор артиллерии, с 1933 года командовал 1-м военным округом в Кёнигсберге, с 1935 года 1-м армейским корпусом. С 1937 года командующий 4-й армейской группой. 4 февраля 1938 года, после отстранения генерала Фрича, назначен главнокомандующим сухопутными войсками. Браухич участвовал в разработке и осуществлении планов войны против Польши, Франции, Югославии, Греции и Советского Союза. После первых успехов Гитлера он все больше и больше раболепствовал перед фюрером. Почти бескровная победа над Францией перечеркнула последние надежды заговорщи-

ков, что он примет сторону оппозиции. К этому времени Браухич уже автоматически исполнял приказы Гитлера, даже вопреки собственному мнению. После провала наступления на Москву он был уволен 19 декабря 1941 года в запас, по официальной версии — по состоянию здоровья. Отныне имя Браухича было запятнано. Услышав о провале Июльского заговора 1944 года, он выступил с публичным осуждением заговора. В 1945 году он сдался в плен англичанам. Умер Браухич в госпитале для военнопленных в Гамбурге 18 октября 1948 года.

К стр. 182

Лотар Рендулич (1887—1971) — военачальник нацистской Германии в годы Второй мировой войны, генерал-полковник.

К стр. 187

Ханс Бернд Гизевиус (1904—1974) — немецкий дипломат и писатель. Родился 14 июля 1904 года в Арнсберге. Начав дипломатическую службу с приходом нацистов к власти в 1933 году, Гизевиус занимал различные посты в министерстве иностранных дел. Он был вовлечен в несколько заговоров против Гитлера. С 1940 по 1944 год Гизевиус был вице-консулом в Цюрихе и в этом качестве часто встречался с Алленом Даллесом, представителем американских спецслужб. После провала Июльского заговора 1944 года Гизевиус остался в Швейцарии. Был одним из главных свидетелей обвинения на Нюрнбергском процессе. После войны он провел несколько лет в США и в Западном Берлине, но затем вернулся в Швейцарию, где и обосновался. Умер в Западной Германии 23 февраля 1974 года.

В своих мемуарах Гизевиус описывает ведущих деятелей Третьего рейха и попытки устранить Гитлера. Он был напуган безнравственностью нацистского режима, особенно событиями «Хрустальной ночи» — еврейскими по-

громами. Он отмечает, что слово «погром» совершенно недостаточно для описания того, что случилось в Германии: «Ни одного еврейского дома не осталось нетронутым, ни одного еврейского предприятия не осталось не разграбленным, ни одной синагоги не осталось не подожженной». Гизевиус сообщил, что каждый, кто пережил эти ужасные часы, никогда не забудет их: «Подстрекаемая к безумию толпа изливала свои эмоции на беззащитных людей... Запуганный средний класс таращился на нацистского монстра, как кролик на удава». Согласно Гизевиусу, несмотря на то что приказы на осуществление погромов исходили от Генриха Гиммлера и Рейнхарда Гейдриха, «лично фюрер нес ответственность за эти ужасные и показательно-зловещие эксцессы».

К стр. 189

Анте Павелич (1889—1959) — хорватский политик фашистского толка, лидер движения усташей и предводитель марионеточного режима Независимого государства Хорватия во время Второй мировой войны. Анте Павелич покинул королевство Югославия в 1929 году, чтобы бороться с королевской диктатурой из-за рубежа. Поселившись в Италии, он руководил движением усташей и его насильственными акциями в Югославии. Одним из самых громких терактов, устроенных усташами, было убийство короля Александра I и французского министра иностранных дел Луи Барту в Марселе 9 октября 1934 года. Будучи поддерживаемым Муссолини, Павелич стал после капитуляции Югославии 17 апреля 1941 во главе созданного Гитлером и Муссолини Независимого государства Хорватия, провозгласив себя поглавником (вождём). Управляемое усташами государство охватывало две пятых территории бывшей Югославии и около трети его населения были сербами. Павелич был инициатором издания расовых законов, на основе которых начал проводиться планомерный геноцид сербов, евреев и цыган. Самым крупным из

хорватских концентрационных лагерей был лагерь в Ясеноваце, где, по сведениям Центра Симона Визенталя, погибло около 600 тысяч человек. Также организовывались депортации в Освенцим. В 1945 Павелич бежал в Аргентину, прихватив с собой часть государственной казны. В Аргентине он основал правительство в изгнании, в то время как в Югославии его заочно приговорили к смерти. Павелич работал советником по безопасности у аргентинского диктатора Хуана Перона. В 1957 году югославскими спецслужбами на него было произведено покушение, в результате которого он был ранен и от последствий которого он скончался два года спустя.

К стр. 236

Вернер фон Фрич (1880—1939) — генерал-полковник, главнокомандующий сухопутными силами Германии в 1935—1938 годах. Родился 4 августа 1880 года в Бенрате. В 18 лет вступил в армию, проявив высокие качества, обратил на себя внимание старших офицеров Генштаба. В 1901 году, когда Фричу было всего лишь 21 год, его пригласили в Военную академию. В 1911 году в звании 1-го лейтенанта он был назначен на ответственный пост в Генштабе. В период Веймарской республики служил в рейхсвере. Как и его коллега Вернер фон Бломберг, Фрич был убежденным сторонником добрососедских отношений с Советской Россией. Спокойный, терпеливый, сознающий свой долг, Фрич интересовался лишь армейской службой. Он мало общался с женщинами и никогда не был женат. В 1930 году он командовал кавалерийской дивизией во Франкфурте-на-Одере и стал одним из ведущих офицеров Генштаба. В июле 1932 года Фричу было присвоено звание генерал-лейтенанта.

Приход нацистов к власти, беззаконие гитлеровских сподвижников, подавление гражданских свобод в стране оказали на Фрича сильное воздействие, однако от открытой критики режима он все же воздерживался. Больше всего его тревожило то, что антибольшевистские выпады Гит-

лера могут привести к нежелательной войне с Советским Союзом. В 1934 году Фрич был назначен командуюшим сухопутными войсками, а в 1935-м —главнокомандующим. Вместе с фон Бломбергом он участвовал в создании новых вооруженных сил Германии — вермахта. 5 ноября 1937 года Фрич присутствовал на Хоссбахском совещании, на котором Гитлер изложил свои агрессивные намерения.

Фрич был потрясен гитлеровскими планами развязывания войны в то время, когда армия не была к ней готова. Гитлер не простил ему инакомыслия. После сфабрикованного Герингом и Гиммлером обвинения в гомосексуальных наклонностях Фрич был вынужден уйти в отставку 4 февраля 1938 года. Его место занял генерал Вальтер фон Браухич. Офицерский суд чести полностью оправдал Фрича, он был вновь призван в армию накануне 2-й мировой войны. Фрич погиб в бою под Варшавой 22 сентября 1939 года. Очевидцы утверждали, что генерал-полковник Фрич специально искал смерти на поле битвы.

К стр. 286

Анатолий Иванович Уткин — историк, специалист в области международных отношений, признанный эксперт по внешней политике США. Особая область научных интересов — региональная политика США, в частности в Европе; история «холодной войны». Работает в Институте США и Канады РАН. С 1994 года — профессор ИППК при МГУ, затем, с 1997 года. — директор Центра международных исследований Института США и Канады РАН. Автор 21 монографии, глав в коллективных работах, опубликовал более 150 статей в ведущих журналах и периодических изданиях на нескольких языках, а также аналитические работы, обзоры, справочные издания. Преподавал в Босфорском институте (Стамбул, 1991—1993), в «Эколь Нормаль Супериор» (Париж, 1993—1994), в Колумбийском университете (Нью-Йорке, 1998). Советник Комитета по международным делам Государственной Думы.

К стр. 295

Эрнест Бевин (1881—1951) — британский профсоюзный лидер и государственный деятель. Родился 9 марта 1881 года в Уинсфорде (графство Сомерсет). Его отец и мать умерли, когда мальчику не исполнилось и семи лет. Бевин оставил школу в 11-летнем возрасте, работал на ферме. В 1894 году переехал в Бристоль, где работал водителем грузовика. Позднее стал баптистским проповедником. К 1914 году являлся одним из трех ведущих организаторов общенационального профсоюзного движения. В 1918 году баллотировался в парламент от Лейбористской партии. В 1921 году выступил инициатором объединения профсоюзов транспортников и создания национального профсоюза неквалифицированных и муниципальных рабочих. Как генеральный секретарь профсоюза Бевин не возражал против закончившейся поражением всеобщей забастовки 1926 года, хотя и считал ее недостаточно подготовленной. В 1930 году Бевин стал членом комиссии Макмиллана по национальной финансовой и банковской системе и в 1938 году принял активное участие в консультациях с правительством по вопросам перевооружения.

В течение ряда лет накануне Второй мировой войны Бевин выступал против пацифистов в рядах Лейбористской партии и в 1935 году добился отставки их лидера в парламенте Дж. Лансбери. Бевин был противником Мюнхенского соглашения и сторонником вооружения Великобритании. Вскоре после начала Второй мировой войны Бевин был избран в парламент и стал министром труда в коалиционном правительстве У.Черчилля.

После войны Бевин ушел со своего поста, чтобы принять участие в выборах 1945 года. Стал министром иностранных дел в лейбористском правительстве К.Эттли и вместе с последним участвовал в Берлинской конференции руководителей трех держав. Был сторонником сохранения Британской империи и агрессивной и жесткой внешней политики. Стремясь предотвратить советскую экспансию

в Европу в ходе развертывания холодной войны, Бевин работал в тесной связи с США и поддержал план Маршалла по восстановлению разрушенной войной экономики стран Европы. Принимал активное участие в создании Западноевропейского союза (Брюссельский пакт 1948 года) и Организации Североатлантического договора (НАТО) в 1949 году. Его предложение превратить Палестину в федеративное государство евреев и арабов было отвергнуто и евреями, и арабами.

Умер Бевин в Лондоне 14 апреля 1951года.

К стр. 308

Генерал Казимеж Соснковский — с 10 августа 1920 года польский военный министр.

Генерал Владислав Андерс сформировал польскую армию «Армия Андерса» в 1941—1943 годах на территории СССР по соглашению с польским правительством в изгнании из военнопленных и интернированных в результате Советско-польской войны 1939 года польских граждан. В августе 1942 года Армия Андерса была выведена в Иран.

Лев Аннинский
ДОЖДАЛИСЬ МЛАДЕНЦА, ЧЕРТИ?

Я имею в виду не тех чертей из пословицы, любой из которых жаждет связаться с младенцем. И не того младенца, который, на радость всем чертям, крикнул, что король голый. Я имею в виду историка Игоря Шумейко, который в своей книге «Вторая мировая. Перезагрузка» заметил (скорее с сарказмом памфлетиста, чем с невозмутимостью ученого):

«...Это, по сути, преимущество годовалого младенца перед стариком...»

Старики, которые помнят Большую Войну, находятся в плену своей памяти. Они умирают. Младенцы, свободные от такой памяти, вырастают. Они могут вывернуть прошлое как угодно.

Чего ждать от историка, который был годовалым младенцем, когда Держава, освободившаяся от тяжкого страха перед умершим Верховным Главнокомандующим, стала соскальзывать непонятно куда, а понятно это стало, когда младенцы вошли в зрелый возраст и получили в наследство не Державу, а распавшиеся её куски. И вместо Победы — список претензий от малых народов, пострадавших в ходе Большой Войны.

По модели:

— Вы, русские, конечно, выгнали гитлеровцев, но и местных жителей задели, извольте извиниться и заплатить

за разбитые горшки. Гражданства в новых независимых государствах не ждите! Вы теперь в меньшинстве!

На защиту прав русского меньшинства встает, как и полагается, американский президент: ущемление меньшинств он не прощает и Гитлеру.

Бывший младенец, на дюжину лет опоздавший родиться к Победе, подхватывает с коварным юмором: а что, смысл Великой Войны и Победы — это всемирное утверждение прав меньшинств? Андерсеновский ребенок оценил бы такой прикол: нынешние глобалисты именно и видят мир — стадом сообществ (стран, наций, конфессий), которое надо пасти; противники же глобализма готовы спасать от всемирных пастырей именно такой, пестрый, мир меньшинств.

Но тогда и Большую Войну ничем иным не помянешь, кроме как запоздалыми счетами. Все — малые, и все покалечены, а кого там распотрошили первым — кто упомнит? Американцы, например (истые «младенцы» Новой Истории), когда их спрашивают, кто воевал во Второй мировой войне, иной раз долго соображают, на чьей же стороне был Гитлер. А мы этого гостя хорошо помним, но и для нас он постепенно сливается с Наполеоном и прочими супостатами отечества. Что делать: и танки Гудериана во мгле времен станут в конце концов чем-то вроде слонов Ганнибала.

Так вот: на этом фоне исследование молодого историка Игоря Шумейко поражает доскональным, скрупулезным знанием фактов войны, которой он не застал. И вообще фактов Истории. Фигурально говоря, от Горация до Гроция — если о толще времен. А если об истории недавней — то во всю ширь непроходимых завалов, ибо «сказано и написано столько, что если человек среднего возраста сейчас решит бросить все и будет только изучать мемуары и диссертации по этой теме, — чтением он будет обеспечен на две жизни вперед».

Да. Если читать так, как читает баран надписи на новых воротах. Если же читать, зная, зачем читаешь, можно

кое-что понять и за одну жизнь, в «среднем возрасте» коей и пребывает сейчас Игорь Шумейко. Хотя факты и сами по себе — до упрямости интересная вещь. Например, знаменитая речь Черчилля в Фултоне (полный текст которой в свежем переводе с английского приводит Шумейко — впервые в нашей печати). Или — документ иного прицела, из тех, что сначала были вдолблены в наше сознание, а потом выметены новой метлой (ответы Сталина на вопросы «Правды» по поводу речи Черчилля).

Некоторые факты увидены в непривычном для нас ракурсе. Например, количество танков, сделанных на чешских заводах и дошедших до Сталинграда... Знал бы я — нашелся бы, что ответить в 1988 году чешским изгнанникам, требовавшим у меня ответа, зачем советские танки дошли до Праги в 1968 году.

Некоторые же факты вообще, кажется, впервые введены в наш публицистический оборот. Например, сражение 1940 года у Мерс-эль-Кебиры, когда британцы пустили на дно французский флот (вместе с моряками), дабы эти корабли не захватили побеждавшие французов немцы. Знал бы я — нашелся бы, что ответить отделявшимся от нас прибалтам, независимость которых была в том же 1940 году пущена на дно Красной Армией, дабы их территория не досталась гитлеровцам.

Впрочем, Игорь Шумейко и сам умеет задавать оппонентам каверзные вопросы, в которых двойные стандарты выворачиваются с изнанки обратно на лицо, и лицо это предстает в «первозданности». Это надо уметь, и автор книги «Вторая мировая. Перезагрузка» это умеет. Он ярок, хлесток, находчив. Талант полемиста здесь настолько очевиден (и настолько соблазнителен), что автор иногда явно предается соблазну, и тогда, втягиваясь в обмен уколами, успевает шепнуть серьезным читателям, что это, конечно, памфлет, и он, Шумейко, это понимает.

Памфлетный яд — от необходимости переводить реалии Большой Войны на язык современного мира — мира меньшинств, гудящего требованиями политкорректности.

Умникам — еще порция яда:

«...Быть может, Сталину, действительно стоило както бы организовать сеанс связи и посоветоваться с Гавелом, Ландсбергисом, Клинтоном и Мадлен Олбрайт: как следовало вести Большую Войну?»

Заставить Вацлава Гавела (лишившегося наследственных заводов в Чехии) или Мадлен Олбрайт (девочкой пережившей в той же Чехии нашествие немцев, а потом русских), или Ландсбергиса (которому ради политики пришлось отвлечься от исследований о Чюрлёнисе) — и уж тем более Клинтона — отвечать за то, что им жалко тех, кто 60 лет назад попал «под руку», — это со стороны Шумейко, конечно, чисто литературный ход: никто из них на такие подначки реагировать не будет. А вот Резун и Буковский, пожалуй, и ответят, причем в таком же памфлетном стиле, и тогда продолжится обмен грубостями, в ходе коего могут оказаться погребены те кардинальные идеи, которые предлагает осмыслить Шумейко.

Отдавая должное информативной плотности и стилистическому блеску его книги, я думаю всё же, что главное в ней — это именно предложенные идеи.

Первая идея: по-новому взглянуть на европейскую карту 1941 года, где «всё замазано в буквальном смысле коричневой краской», — и потому различить в этом тех, кто вошел с Германией в союз (Италия, Финляндия, Венгрия, Румыния, Болгария), тех, кто был захвачен (Франция, Польша, Чехословакия, Югославия, Греция...). И внутри захваченной Европы — «поляки дрались, оставили немцам руины, чехи передали самих себя в целости...» В Югославии сербы стоят насмерть, хорваты тоже насмерть, но — на немецкой стороне (даже переименовывают себя в «готов», чтобы не оставалось ничего славянского). Можно составить сравнительную таблицу по степени

сопротивления Гитлеру... и тогда, вопреки всем этническим раскладам, главными антифашистами окажутся... сами немцы! Разумеется, пробольшевистская «Красная Капелла» и прогенеральская «Черная Капелла» диаметральны по дальним целям, — но по степени урона, нанесенного Гитлеру, они стоят рядом: есть признание Геринга (на Нюрнбергском процессе), что «Красная Капелла» стоила Германии потери десяти дивизий; и есть признание Черчилля (в мемуарах), что отказ Чехословакии от сопротивления стоил союзникам потери тридцати пяти дивизий. Вполне сопоставимые цифры...

«Норвежцы сопротивлялись гораздо дольше, но им помогал и ландшафт страны, и английские десанты, и флот. Голландцы ближе к датскому варианту. Бельгийцы — ближе к норвежскому. Люксембург — двое раненых (поскользнулся, наверное, кто-то)».

Последнее предположение оставляю на совести не историка, но памфлетиста... а идея историка по-новому вычертить карту межвоенной Европы так же поразительна по неожиданной проницательности, как крик андерсеновского ребенка. Не оголяется ли тут какая-то неведомая, прикрытая ранее структура реальности?

А если наложить карту 1941 года на карту 1914-го? Там Антанта, тут... тоже Антанта?

А если наложить карту 1941 года (Европа Гитлера) на карту 1991 года? Та же Европа и получится, только столицу перенесли из Берлина в Брюссель.

И опять сквозь саркастическую усмешку ловишь зоркий взгляд, и реальность проступает из-под привычных (в том числе и по марксистским учебникам) одежд: там «империалистический блок», тут тоже блок — «реваншистский», и там и тут народ, единый по языку и этническому происхождению, подверженный давлению разных блоков, распадается с точностью до микрона на те же враждующие части: при каждой новой встряске хорваты и сербы — враги. Можно, конечно, их вражду списать на кон-

фессиональную несходимость католицизма и православия, да только вот католики-поляки костьми легли, борясь против Гитлера, а православные румыны навербовали ему на русский фронт каких-никаких, а солдат. Где логика?

Нет логики. Ни в социальных, ни в конфессиональных схемах. Есть под всеми этими схемами таинственная, не понятая еще реальность. Разговоры про образ правления и про разные идеалы (демократия, коммунизм, пролетариат, буржуазия) — это все, как пишет Шумейко, «дымовая завеса», а суть та, что в этих разных системах (блоках) и в 1914-м, и в 1941-м, и в 1991-м живут все те же люди. То есть народы.

Они-то и решают, куда свалится страна (система) при очередном расколе континента. И долго ли будет страна сопротивляться (если будет). Иногда рядом живущие (а то и родственные) народы оказываются на разных сторонах очередной демаркации. Белоруссия — Украина... Есть отчего охнуть идеологам славянского единства. Армения — Грузия... Да в каком страшном сне мог привидеться антагонизм русских и грузин?

Нет, воистину, никакой привычной логике эти новые линии разделов не поддаются, если мы числим мир ворохом малых народов (неизбывных «меньшинств» по отношению к массе человечества), лишь случайно попадающих (и насильственно загоняемых) в блоки, системы, империи и содружества.

Если же признать эти объединения такой же этнополитической, геополитической и психополитической реальностью, как и тот «ворох», в котором они должны искать себе опору, то надо и линии напряжения между системами счесть базисным законом бытия.

А где Большие конгломераты (армии, союзы, коалиции и т.д.) там, увы, и Большие Войны.

Введя в уравнение категорию Большой Войны, Игорь Шумейко не просто переводит Вторую мировую (и нашу,

Великую Отечественную) с языка нынешнего тысячелетия (с теперешними счётами за оккупацию и прочие неудобства военного времени) — на язык военного времени. Фактически он предлагает новую точку отсчёта — такую, какой не было в схемах 1941 года.

Мировая война, тогда выводилась из теорий империализма, колониализма, из тех или иных «стадий» того или иного «строя», из готовности коммунизма окончательно похоронить капитализм с его войнами... Недаром же советские люди подымались в 1941 году на войну с гитлеризмом, будучи уверены, что война — последняя.

Сказать бы им тогда, что «последней» не будет...

Сказать что-то такое же безысходное их отцам, певшим: «Это есть наш последний...»

А ведь теперь приходится говорить «что-то такое же». Голосом андерсеновского младенца. Почти наобум, наощупь, вслепую, почти с отчаянием признавая, что есть что-то в самой подоснове бытия, под всеми политкорректностями и политагрессивностями, — где-то там, где Тютчев слышал шевеление хаоса, — что-то, что в любой неожиданный момент может огнем, бурей, ужасом вырваться на поверхность исторического действия, разом опрокинув все сдержки.

Большая Война — это нечто, само себе диктующее правила. Или отсутствие правил. Нечто, живущее по своим законам. И убивающее. Нечто, чем не удается командовать, ибо Война сама командует всем. Это никакое не «продолжение политики иными средствами», — это аннулирование всей прежней политики. Это не укладывается в понятия справедливости — несправедливости. Это укладывается разве что в толстовскую дилемму: Война — или Абсурдная, или Народная. То есть гвоздящая дубиной. Но и дубина с точки зрения мирной логики — изрядный абсурд.

Понимая, какого монстра он пускает в дебри и лабиринты Истории, Игорь Шумейко предупреждает, что

Большая Война — «главный термин» его книги, что понятие это введено «полуинтуитивно», и единственное, что можно поделать с гигантскими отвалами «неудобоваримых» фактов — это попробовать перезагрузить их в новую систему координат.

ПЕРЕЗАГРУЗКА эта, естественно, требует помимо знания «неудобоваримых» фактов (что я уже отмечал у Шумейко) отчаянного (и чисто художественного) воображения. Куда более впечатляющего чем памфлетный блеск.

Поэтому я в завершение и хочу напомнить фрагмент из книги Игоря Шумейко, где он представляет последствия Мюнхенского «умиротворения» Гитлера в виде... пивной метафоры. Той самой, где «товарищ» скручивает верзилу, уже разжившегося деньгами и оружием пана и мсье, а потом начинает оправдываться, «бормотать про социализм...»

Прокомментирую картинку (вполне, впрочем, ясную).

Кто этот огрубевший и озлобившийся товарищ, что-то бормочущий «про социализм», нам понятно. И кто пан — тоже понятно: это чех, страну которого громила-Гитлер вот-вот располосует и захватит. И кто мсье — понятно.

А где, простите, милорд? Тоже ведь сидел там! Куда он делся с кошельком и револьвером? Как-никак, в Мюнхене не только Даладье решал судьбы Европы, но и Чемберлен. Который полагал, что отдавая Гитлеру Чехословакию, он покупает Европе мир.

Чемберлен-то полагал, да только Черчилль полагал другое. Большая Война, уже висевшая в воздухе, отменяла все прежние правила игры, и именно Черчилль это чувствовал. Именно он, лютый враг Советского Союза до Войны (и сразу после Войны тоже — с Фултонской речи начиная), в 1940 году объявил Гитлеру такую же войну насмерть, какую Гитлер в 1941-м объявил Сталину.

Интересная география: из всех крупных европейских народов только англичане сразу решились на Большую Войну без правил: и именно поэтому, не дожидаясь, пока

Петэн отдаст немцам флот, — англичане принялись этот французский флот топить. Да, это было таким же нарушением правил (и чисто человеческой подлостью), что и захват Красной Армией Прибалтики. А что было делать? Англичанам требовалось для Войны свободное от немцев море, а нам для Войны требовалось свободное от немцев побережье. То есть территория прибалтийских государств. Нам следовало оттянуть смертельную схватку, отодвинуть, сколь можно, будущую линию фронта. А без латышской сметаны и без эстонских сланцев мы бы уж как-нибудь обошлись. Теперь вот вполне обходимся.

Возвращаясь к нынешним суверенным счетам (к правилам нормальной жизни, то есть к отношениям, свободным от военной целесообразности = человеческой подлости), скажу так. От Советской власти прибалты все-таки получили статус союзных республик (каковым и воспользовались при отделении от распадающегося Союза). А что они получили бы от немцев, окажись они по ходу Большой Войны в составе Третьего Рейха — это большой сослагательный вопрос. Боюсь, прав Игорь Шумейко, когда он предполагает, что для господ Розенберга и Риббентропа вся эта «жмудь» была не той «единственной Европой», что для нас (прорубил нам туда окно Пётр, и Советский Союз унаследовал), — а потомственной, с остзейских времен, прислугой при немецких баронах.

Поэтому вполне законен в шумейковской пивбар-картинке тот самый «зритель-прибалт», который сидит в сторонке на своем стуле, надеясь переждать драку, и очень обижается, когда товарищ выдергивает из-под него этот суверенный стул, чтобы треснуть им по голове герра-агрессора.

Мне остается прокомментировать последний штрих в картинке.

«Выхода из этого странного бара почему-то нет».

Это в ситуации 1938 года — нет. А полвека спустя? Что там случилось полвека спустя? В Хельсинки съехались ре-

зультаты Большой Войны заморозить... А тут в Афгане полыхнуло, на другом от Хельсинки конце Земли.

Европейцы, кровью умывшиеся в двух мировых войнах, на уши встали, чтобы не допустить новой схватки монстров на их континенте. Случись такая жуть в третий раз, — и стратегическая карта 1914-го (она же карта 1941 года) опять простерлась бы от Виши — до Волги, до Кавказа, до Урала.

А если с той стороны: из-за Волги, Урала и Кавказа — попрет такая сила, что вообще изменит контуры будущей истории? Кроме Гитлера и Наполеона гуляли ведь тут и Аттила, и Чингис, и Тимур... Какие стратегические карты придется тогда выкладывать на стол, какой краской всё это крыть, каких бесов загонять обратно в бутылки?

Кто будет загонять?

Как кто? Нынешние годовалые младенцы, которые выросши, увидят всех этих чертей.

Литературно-художественное издание
Империя. RU

Шумейко Игорь Николаевич

ВТОРАЯ МИРОВАЯ. ПЕРЕЗАГРУЗКА

Генеральный директор *Л.Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*
Главный редактор *С.Н. Дмитриев*
Редактор *В.Н. Ильин*
Корректор *Е.Ю. Таскон*
Художественное оформление *Д.В. Грушин*
Верстка *М.Г. Хабибуллов*

ООО «Издательство «Вече 2000»
ЗАО «Издательство «Вече»
ООО «Издательский дом «Вече»

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Гигиенический сертификат
№ 77.99.02.953.Д.008287.12.05 от 08.12.2005 г.
E-mail: veche@veche.ru
http://www.veche.ru

Подписано в печать 20.11.2006. Формат 84x108 1/32.
Гарнитура «Кудряшов». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 11. Тираж 3 000 экз. Заказ № 4675

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО "Тульская типография"
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ВТОРАЯ МИРОВАЯ. ПЕРЕЗАГРУЗКА

Игорь ШУМЕЙКО

ИМПЕРИЯ.RU

Как удалось автору вызвать неподдельный интерес к событиям многократно изъезженным и всесторонне описанным в тоннах исторической литературы? Суть — в новом ракурсе, в новой оценке их значимости для хода и исхода войны. Автор, проникая внутрь события, вытаскивает наружу его сущность, скрытую под исторической пылью, и предъявляет читателю: нате, смотрите, осмысливайте!

Генерал-полковник Л.Г. ИВАШОВ,
вице-президент Академии
геополитических проблем

...есть что-то в самой подоснове бытия, под всеми политкорректностями и политагрессивностями, — где-то там, где Тютчев слышал шевеление хаоса, — что-то, что в любой неожиданный момент может огнем, бурей, ужасом вырваться на поверхность исторического действия, разом опрокинув все сдержки.

Лев АННИНСКИЙ, критик

Шумейко Игорь Николаевич родился в 1957 году. Кибернетик по образованию, специалист в области внешней торговли, общественных связей. С 1980-х годов публиковал стихи, рассказы, очерки в журналах «Дружба», «Юность», в «Литературной газете» и за рубежом. В 1994 году издан его роман «Вартимей очевидец» (радиопостановка в 1995 году на «Радио России»). В новом тысячелетии — постоянный автор «Независимой», «Литературной», «Новой» газет, а также многих журналов.
Его известное эссе в «Независимой газете» «Адольф Гитлер как трастовый управляющий ЗАО "Европа"» стало одной из отправных точек этой книги.

ISBN 978-5-9533-1797-9

